

БЕРНАР ГОРСКИЙ
АТОЛЛ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

БЕРНАР ГОРСКИЙ

АТОЛЛ

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ
ТИХООКЕАНСКОГО ОСТРОВА

Роман

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1970

BERNARD GORSKY
L'ATOLL

Vie et mort d'une île du Pacifique
Paris, 1966

Перевод с французского
Л. П. ВАСИЛЕВСКОГО

Ответственный редактор и автор послесловия
Л. А. ФАЙНБЕРГ

Горский Б.

Г 70 Атолл. Пер. с франц., М., Главная редакция
восточной литературы издательства «Наука», 1970.

256 с. (Серия «Путешествия по странам Востока»)

Место действия романа французского писателя Бернара Горского — атолл Арутаки в архипелаге Туамоту. Такого острова в действительности не существует, однако природа, животный мир и образ жизни коренных жителей Полинезии описаны совершенно достоверно. Автор в художественной форме рассказывает о судьбе семьи, проживавшей на одном из островков Тихого океана, и о гибели последнего в результате атомного взрыва.

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

То обстоятельство, что атолл Арутаки, где в основном развивается действие романа, на самом деле не существует, по сути дела, не имеет особого значения, так как очень немногие в Полинезии способны перечислить на память названия семидесяти восьми атоллов, составляющих огромный архипелаг Туамоту.

Имена героев этого романа: Матаоа, Мато, Техина, Моссиу и другие — были выбраны автором из числа наиболее распространенных на архипелаге. Все вымышленные персонажи могли бы быть легко отождествлены с их тезками, живущими в Океании, на самом краю света.

Названия разновидностей рыб, играющих важную роль для жителей атоллов, даются на туамотуанском диалекте. На диалекте же попроизводятся некоторые непере译имые слова. Так, не имеет эквивалента во французском языке слово «тапуни», означающее: бегство двух молодых людей (из-за несогласия на их брак родителей или священника) в тайное место, где они могут ловить рыбу и собирать копру.

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава первая

РОЖДЕНИЕ

«Еще три раковины», — решил Мато, достигнув глубины двадцати саженей*.

Он плыл к песчаному холмику, у подножия которого лежали большие приоткрытые раковины. Некоторые из них закрывались при его приближении. Точными ударами ладони по основанию створок он отрывал их ото дна, а затем, прижимая к груди левой рукой, подплывал к корзине и укладывал поверх уже добытых раковин.

Внезапно он ощутил, что Техина, обычно такая рассудительная и уравновешенная, неистово дергает за веревку. Значит, в лодке или поблизости от нее что-то произошло.

Ловкими и сильными движениями Мато вскарабкался по веревке и в одно мгновение очутился на поверхности. Шумно вздохнул, оперся одной рукой о планку балансира и снял очки для ныряния.

Техина лежала в лодке; лицо ее было искажено страданием, левая рука впилась в борт, правая сжимала веревку. Едва Мато успел взобраться на борт, как чрево Техины раскрылось и ребенок скользнул по ее бедрам на дно пироги. Это был мальчик.

Прежде всего нужно было отбросить раковины, лежавшие на дне лодки в воде, смешанной с кровью: их острые края могли поранить ножки сына. Потом Мато схватил нож, которым открывал раковины. Лезвие его было зазубрено и покрыто ржавчиной. Можно ли им воспользоваться? Не разжимая губ, Техина кивнула утвердительно. Мато склонился над сыном и перерезал пуповину. Он снял набедренную повязку, выкрутил ее, отжи-

* Морская сажень — 1,68 метра. — *Прим. перев.*

мая воду, и положил на грудь и плечи Техины. Взял кричащее маленькое тельце и, придерживая головку ребенка на поверхности, погрузил его в воду. Затем разорвал повязку надвое, в одну половину завернул сына и вложил его в руки Техины, а второй прикрыл свою наготу. Скорлупой сухого кокосового ореха он вычерпал окровавленную воду.

Он поднял якорь, взял весло и, энергично работая им, погнал лодку к берегу.

— Ты на сегодня уже кончил? — с удивлением спросил его помощник, показавшийся на поверхности, чтобы набрать воздуха, прежде чем снова погрузиться на дно.

— У меня сын! — крикнул ему Мато, не переставая грести, и тот, не выпуская из рук веревку, приподнялся и посмотрел на завернутый в ткань комочек, который Техина прижимала к себе.

— У меня сын! У меня сын! — без устали кричал Мато всякий раз, когда проплывал мимо лодок, покачивавшихся на сверкавшей под утренним солнцем воде, и новость бежала впереди него и облетела всю эту часть лагуны намного быстрее, чем он достиг берега.

* * *

В этом, 1924 году на нескольких атоллах группы, в которую входил Арутаки, было разрешено вылавливать перламутровые раковины.

По обычаю и с согласия старейшины Паумоту* и ныряльщиков, известных своей опытностью и умом, администрация Папеете** распространяла разрешение лишь на половину, на треть, а иногда только на четвертую часть лагун. Ведь нужно было позаботиться о сохранении драгоценных перламутровых раковин, которые вместе с кокосовыми пальмами составляли все богатство жителей Паумоту. Из-за постоянного большого спроса некоторые ныряльщики требовали полной свободы, но разве они были правы? Очень скоро дно моря было бы опустошено, и лет через десять перламутренницы стали бы попадаться так же редко, как жемчужины, которые в них находили.

* Паумоту, или Туамоту, — архипелаг коралловых островов во Французской Полинезии. — *Прим. ред.*

** Палеете — административный центр Французской Полинезии, расположен на острове Таити. — *Прим. ред.*

Так, на Арутаки в этом году нырять за раковинами было разрешено лишь в северо-восточной части лагуны, напротив деревни, раскинувшейся на берегу большого пролива. Эта зона была отграничена воображаемой линией, проходившей между двумя ложными фарватерами, отстоявшими на двадцать километров друг от друга. Ее отметили вехами на коралловых островах, выступавших здесь и там среди лагуны. Деревня находилась далеко от района сбора раковин, и пришлось построить другую, временную, давшую приют четыремстам ныряльщикам с семьями, прибывшим на шхунах.

Большая часть людей прибыла с Рангироа, Манихи, Ахе, Такароа и Апатаки, и только сорок человек — с Арутаки. Они временно покинули родное селение у большого фарватера, чтобы жить со всеми в лагере ныряльщиков. Среди них, а быть может, и на всем архипелаге Туамоту уже на протяжении нескольких сезонов лучшим считался Мато. Обычно он опускался на двадцать пять, даже двадцать семь или двадцать восемь саженей и собирал не меньше трех тонн перламутровых раковин каждый сезон. При этом организм Мато не обнаруживал никаких нарушений и отклонений от нормы, ни малейших признаков таравана — ослабления умственных и физических способностей, рано или поздно поражавшего большинство ныряльщиков.

* * *

Одни женщины окружали Техину, лежавшую на циновке в хижине, другие оживленно разговаривали на берегу лагуны. Улыбающаяся, гордая, хотя и несколько оглушенная гомоном голосов вокруг, Техина показывала всем своего первенца, принимала поздравления и пожелания, словом и взглядом благодарила каждую.

— Подумать только, в лодке! — восторгалась одна женщина с Арутаки. — Ну и Техина! Больно было?

— Сегодня утром, когда я встала, немного ломило поясницу, — призналась Техина, — но можно было терпеть. Я ведь ожидала ребенка только через много дней, никак не думала, что он появится так скоро.

— Все зависит от живота, — поучительно сказала женщина с Апатаки. — У кого небольшой живот и мало места для ребенка — у того роды проходят долго и с болями, но женщина с хорошим животом рождает быстро!

— Хорошо, если быстро! — шутливо воскликнула толстая Тоуиа с Арутаки, мать пятерых детей. — Еще быстрее твой муж делает ребенка, потом отворачивается и засыпает, а ты остаешься с огромным брюхом и должна страдать. Им, мужчинам, хорошо, но нам, ай, ай!

— Ничего, — ответила Техина, улыбаясь. — С Мато это стоит того, чтобы потом потрудиться.

— Верно, что стоит! — добавила совсем юная девушка с Рангирао.

— А ты откуда знаешь? — оборвала ее Тоуиа. — Тебе кто объяснял?

Некоторые женщины были смущены подобной грубостью в столь торжественный момент, но большинство разразилось смехом при виде жестов, сопровождавших слова Тоуии, и рассерженного лица девушки. Техина сдержалась, чтобы не рассмеяться, так как все еще ощущала боль в животе. Ее карие глаза вновь устремились на личико сына, лежавшего рядом. В них сияла любовь, какой она еще никогда не испытывала.

Китайский торговец

Ли Мин, китайский торговец, разговаривал с группой ныряльщиков, стоя на пороге своей лавки, сооруженной из переплетенных пальмовых ветвей, как, впрочем, и другие лавки скупщиков перламутровых раковин, приезжавших из Папеэте, как все жилища, церковь и часовня деревни. Только игорные бараки состояли из ярких деревянных панелей, привезенных на остров в разобранном виде.

Мато поздоровался с Ли Мином и вошел в лавку. Он прислонился к куче мешков с раковинами, издававшими сильный запах иода, и внимательно прислушался к спору. Покупатель и продавцы торговались из-за пяти франков на каждый килограмм раковин, но под конец островитяне все же уступили, оговорив, что Ли Мин сам пойдет на конец деревни за мешками, — обычно их ему приносили ныряльщики.

Ли Мин появился на Арутаки несколько лет назад. Он высадился на берег с женой, поразившей всех своей худобой, со старым отцом и тремя ребятишками. Имущество его состояло из нескольких ящиков с товарами.

Жестами он объяснил старейшинам, что хочет обосноваться на атолле. Он отрекомендовался пекарем и поднес им несколько хлебов с аппетитной поджаренной корочкой, искусно испеченных в импровизированной печи. Хлеб был значительно лучше, чем тот, который продавал старый Теуту и которому местные жители до сих пор предпочитали традиционные катышки из муки — ипо, сваренные в кипящей воде.

Итак, в распоряжение маленького человека предоставили участок земли, удобно расположенный в центре деревни. Здесь он построил большую хижину, отделил в ней часть под лавку, а другую, меньшую, где обычно устраивают кухню, — под жилье для своей семьи. Ли Мин обаялся на протяжении года выплачивать ежемесячно некоторую сумму в компенсацию за хижину. Он также начал вносить небольшую плату за аренду участка вдове владельца земли, которая не могла продать ему все наследственное владение или хотя бы часть его.

К общему удивлению, Ли Мин и его жена стали собирать старые доски, ржавые гвозди и разные ненужные вещи, валявшиеся на песчаном берегу или давно выброшенные на свалку вдали от деревни. Из них он сколотил нечто вроде хижины, а в ней устроил пекарню. Обычно жители Паумоту собирали упавшие на землю кокосовые орехи незадолго перед тем, как употребить их на топливо, расколов надвое ударом топора. Их хватало с избытком на всех, кто не ленился нагибаться. Ли Мин велел своему старому отцу и жене починить наполовину сгнившие джутовые мешки и наполнить их сухими орехами, а потом втащил в хижину и сложил под крышей из волнистого железа. Поистине странные привычки!

Но еще больше люди Арутаки были поражены изумительной быстротой, с которой Ли Мин освоил диалект Туамоту, они были даже польщены этим. Этот иностранец не только ухитрился говорить на их языке, но каждый день обучал новым словам двоих своих детей. Понемногу словарь Ли Мина так обогатился, что он мог по-настоящему заняться торговлей. Когда женщина или мужчина приходили к нему за хлебом, он вытаскивал из ящичков и показывал разные хозяйственные мелочи, просто и скромно объяснял их назначение и ценность, никогда не проявляя навязчивости и не стесняя клиентов излишней настой-

чивостью. Некоторые покупали эти вещи, о которых раньше и не помышляли, лишь потому, что увидели их, да они и стоили-то всего несколько килограммов копры *. Однако у Ли Мина были и каталоги с прекрасными изображениями множества весьма полезных и заманчивых предметов. Улыбаясь, он объяснял, как пользуются ими жители неслыханно богатых больших городов. Он, Ли Мин, знал, где заказать эти вещи. Конечно, они обойдутся в некоторое количество копры, но разве не стоит собрать ее несколько больше обычного, чтобы стать обладателями этих вещей?

Один старейшина, из числа семи избранных, как-то раз сказал своим односельчанам:

— Я знаю от судового приказчика «Ваинианиоре», что на многие острова Туамоту приезжали китайцы с семьями, такие же, как Ли Мин, и открывали магазины. Раз у нас есть свой китайский торговец, будет стыдно, если он останется бедняком с несколькими мешками копры, кусками мыла и немногочисленными товарами. Мы должны посодействовать ему, чтобы у него в лавке было всего много. К тому же, — добавил он, обращаясь к нескольким молодым людям, слышавшим его, — есть тонны и тонны копры, пропадающей в секторах ** лишь потому, что молодые люди предпочитают теперь играть на гитаре, бодрствовать всю ночь и приставать к девушкам. Лучше бы молодые бездельники развивали мускулы в работе, тогда у нас было бы больше разменной монеты.

Ни один молодой человек, попавший таким образом под обстрел, не позволил себе возразить ни словом, ни жестом. Но другой старейшина после некоторого раздумья заметил, что можно прекрасно обойтись и без этих предметов: что может быть лучше вековых обычаев и традиций? Но аргументы такого рода имели успех лишь у нескольких стариков, боявшихся изменений привычного уклада жизни. Так Ли Мин стал посредником для семей старейшин, доверивших ему сбыт или обмен запасов коп-

* К о п р а — сушеная мякоть кокосового ореха. Используется для изготовления кокосового масла. — *Прим. ред.*

** С е к т о р — часть атолла, где располагались на несколько недель или месяцев сборщики копры. Из сектора копру вывозили на шхунах или, если ее было не так много, доставляли сначала в общественный деревенский амбар, где она ожидала отправки в Папееэте. — *Прим. автора. Далее примечания автора не выделяются.*

ры, и с каждым прибытием шхуны его лавка обогащалась продуктами и другими товарами, пробуждавшими у каждого желание иметь их.

Когда же Ли Мин узнал, что в этом году на Арутаки будет разрешен сбор раковин, он поднес небольшие подарки главным ныряльщикам, с тем чтобы они оставили за ним по обычной цене весь улов. До этого они продавали раковины непосредственно скупщикам, приезжавшим в деревню из Папэте, но теперь им куда удобнее наладить обмен через него, Ли Мина. Ведь он уже стал одним из них! Эти слова показались разумными и справедливыми почти всем ныряльщикам. Мато сдал Ли Мину около полутора тонн прекрасных раковин и в ожидании расчета регулярно забирал в лавке Ли Мина продукты и деньги, которые тратил в игорных бараках, хотя Техина бранила его, когда он туда отправлялся, и еще больше, когда иной раз возвращался очень поздно.

Ли Мин закончил беседу с ныряльщиками. Он вернулся за прилавок, открыл книгу записей и внес туда несколько цифр. Затем закрыл ее, и взгляд его остановился на Мато.

— У меня сын! — сказал Мато.

Ли Мин показал в улыбке свои плохие зубы и несколько раз наклонил голову в знак поздравления.

Когда ему было восемь лет и он жил в провинции Син-Канг, он видел, как его родители утопили новорожденную: в их лачуге и так было слишком много девочек. Ли Мин был тогда очень горд: он — мальчик, следовательно, желанный, не то что его маленькая сестра, хуже щенка охотничьей собаки.

— Сын, это хорошо, — сказал он.

— Хорошо! — подтвердил Мато, гордо выпятив грудь.

— Как ты назвал своего сына?

— Матаоа, Матаоа!

Мато разразился смехом, и Ли Мин, зараженный его радостью, улыбался, покачивая головой.

— Завтра я устрою большой тамаараа* по случаю рождения сына, — сказал Мато. — Потребуется много еды.

* Тамаараа — пир.

Мгновенно лицо Ли Мина приняло то выражение, какое он обычно сохранял, разговаривая с покупателями. Он предложил домашнюю птицу, одного или нескольких поросят, рыбу...

В сезон сбора раковин ныряльщики не тратили времени на ловлю рыбы, которой изобилвала лагуна, и предпочитали покупать ее у подростков. Таким образом те добывали деньги для игры в бараках, а старшие сохраняли силы для изнурительного труда. Заметив это, Ли Мин создал бригаду молодых рыбаков, скупал у них улов и перепродавал по цене в два раза выше той, что была установлена в начале сезона.

— Я сам наловлю рыбы, — сказал Мато.

— Ты завтра не будешь нырять за раковинами?

Мато с презрительной гримасой покачал головой. У него родился сын! Что подумали бы о нем, если бы завтрашний день прошел для него как обычно! Понимая неуместность своего вопроса, Ли Мин вернул мысли Мато к предполагаемому большому празднеству.

— Ты и правда думаешь добыть рыбы на всех?

В его тоне прозвучало несколько скептическое отношение к подобному подвигу. Мато описал широкий полукруг вытянутой плашмя рукой.

— На всех и даже больше!

— Тогда ты действительно великий чемпион!

В знак восхищения он долго качал головой, затем отвинтил крышку жестяной банки, достал три толстые мятные конфеты и преподнес Мато. Одну клейкую конфету Мато положил себе в рот, а две другие, для Техины, зажал в руке и вышел из лавки.

Рыбная ловля Мато

Луна освещала угол большой циновки, разостланной прямо на земле. На ней, рядом с Мато, спала Техина. Она положила руку на одну из подушек, между которых пристроила Матаоа.

Мато открыл глаза, отбросил ватное одеяло и бесшумно поднялся. В соседней хижине кто-то храпел: быть может, Моссиу, отец Мато, или его мать, Роти, но вероятнее всего, Тао, младший брат Мато, холостяк. Должно

быть, Тао очень устал за последние дни, так сильно храпят, когда тело изнурено.

Тао тоже нырял за раковинами, но ему было далеко до старшего брата. После возвращения лодок и сортировки раковин Мато был еще бодр и шел в бараки играть или беседовал до поздней ночи, в то время как глаза Тао сразу начинали слипаться, и он отправлялся спать, порой даже не имея сил подкрепиться едой. Во время охоты под водой Мато добывал трех рыб там, где Тао брал не больше одной. Тем не менее Тао не завидовал старшему брату, наоборот, он восхищался им и, где мог, превозносил его достоинства. Тао был хорошим братом и добрым парнем. Вчера, узнав, что Мато нужно наловить много рыбы, он предложил свою помощь, но не настаивал, когда Мато выразил желание поохотиться один. Разве не было естественно, что отец отправляется на ловлю в честь сына по случаю большого тамаараа, прославляющего его рождение?

Мато приподнял сплетенный из пальмовых ветвей полог, который опускали на ночь, и вышел. Достигшая своей второй четверти луна благоприятствовала Мато: она озаряла нежным светом эту часть лагуны. Мато посмотрел на звезды. В его распоряжении оставалось еще два часа до наступления дня. До рассвета он бы мог поспеть на место, где наверняка сумеет наполнить пирогу татиhi, параи и ихии*.

При слабом свете сумерек рыбы менее пугливы, и тогда их легче брать, чем днем, когда яркие солнечные лучи пронизывают воду. Например, татиhi, уплывающую днем при приближении человека, после захода солнца можно спокойно лучить острогой. Какая вкусная рыба татиhi, лучше ее нет! Мато знал место, где целые косяки выются вокруг коралловых гряд. Но на этот раз речь шла не об обычной охоте. Нужно было привезти лучший улов в своей жизни. Мато положил длинную острогу и другую, поменьше, приготовленные еще вчера, на дно лодки и поволок ее к фосфоресцирующей воде. Стараясь не наступить на маленькие раковины, выброшенные на песок после сортировки, он спустил лодку на воду, вскочил в нее и несколькими сильными ударами весла отогнал от берега.

* Т а т и х и, п а р а и, и х и и—породы океанских тропических рыб.

Убедившись, что он достиг лучшего места, Мато завел пирогу в проход между двумя выступающими из воды коралловыми грядами и бросил якорь — камень из звездчатого коралла на пеньковой веревке. Луна постепенно бледнела, скоро на небе займется день. Он промыл и приладил очки, взял большую острогу и погрузился в воду. В темной глубине взгляд охотника скользнул по коралловой стенке, неожиданно обрывавшейся в нескольких метрах от него. Приближался смутно различимый косяк татиhi, но Мато уже заметил внизу, в гроте, голову большой горбатой рыбы — мары. Неужели она еще спит? Он медленно опустился и, оказавшись на одном уровне с гигантской рыбой, быстро выбросил руку. Мара рванулась вперед, но тут же, обессилев, упала на коралл. Мато хорошо прицелился: острога попала в голову немного ниже горба, удар был смертельным. Чтобы освободить тело рыбы, Мато отломил несколько ветвей древовидного коралла и, запустив пальцы в жабры, поднял рыбу. Мара наверняка весила больше пятидесяти килограммов! Подталкивая рыбу ногой, Мато с трудом вытащил ее и перекинул в пирогу. Лучшие ныряльщики за всю свою жизнь ловили всего нескольких мар, настолько редко встречается эта большая рыба, самая осторожная и недоверчивая из всех обитателей лагуны. А он, Мато, добыл ее за меньшее время, чем нужно для того, чтобы опорожнить перламутровую раковину.

Это доказывало, что рыбная ловля Мато, ловля для праздника в честь рождения его первенца, была благословенной! Мато испытал новый прилив чувств к сыну: вот так Матаоа! Даже сам бог был доволен его появлением на свет. Удачная ловля означала, что небо покровительствовало и ему, счастливому отцу и великому ныряльщику! Поистине счастливое предзнаменование!

Мато набрал воздуха в легкие и нырнул. Тактика охоты на татиhi заключалась в том, чтобы повиснуть на глубине, держась левой рукой за неровности коралла, с острогой наготове в согнутой правой руке. В косяке, приближавшемся к нему, было несколько сот рыб. Они не свернули при виде Мато и продолжали подниматься, приняв его за коралл или за рыбу. Мато без труда поражал острогой по две-три рыбы при каждом погружении. Но вот настал день, вода стала совершенно светлой и поведение татиhi изменилось. Мато, однако, предвидел это.

Он насадил рыбу на накопечник меньшей остроги и вставил ее в углубление коралла таким образом, чтобы она держалась горизонтально, острием к проточной воде. Удалявшийся косяк вернулся к мертвой рыбе. Татиhi яростно бросились к Мато, как бы желая отомстить за смерть своих товарищей, и Мато тотчас же проткнул нескольких острогой. Теперь охотиться стало труднее, и он отправился на другое место.

Там было больше простора, и Мато увидел множество рыб различных пород: он выбрал парай. На рыб средней величины он не обращал внимания и атаковал только крупных, голубых, как утреннее небо. Они бились на остроге, Мато приходилось остерегаться ударов хвоста с острыми шипами.

Потом Мато бил только ярко-красную ихии с большими неподвижными глазами, наиболее изысканную по вкусу. Ихии другого вида, менее пучеглазая и не такая нарядная, не привлекала Мато, хотя, покинув свою яму, проплыла совсем рядом с ним: ее сухое мясо не годилось для тамаараа по столь торжественному случаю. Косяки ярко-красной ихии заметно поредели, а оставшиеся в живых рыбы стали очень осторожны и прятались при малейшем движении Мато. Не пора ли прекратить охоту? Он выполнил свое обещание Ли Мину и вез на празднество самых ценных рыб, за исключением оири, которая появлялась в лагуне лишь в начале теплого сезона.

Солнце стояло уже высоко. Поднялся легкий ветерок, дувший к берегу. Работая веслом, Мато говорил себе: причаю к берегу, и пусть другие восторгаются содержимым пироги. Я лишь пошлю одного из парней к вождю Арутаки, Фареуа, продолжающему управлять всеми делами основной деревни; пусть попросит от моего имени и от имени моего отца Моссиу возглавлять тамаараа. Мато вчера обещал вернуться с пирогой, до краев нагруженной рыбой, — что ж, его лодка полна добычи. Мато как сказал, так и сделал! Теперь пусть говорят другие, а не он. Что же касается мары, то это другое дело, и, когда наступит благоприятный момент, он о ней расскажет.

Тамаараа

— Мой живот совершенно полон! Спасибо Мато и Моссиу, — напыщенно начал Фареуа, вождь Арутаки.

Он не без труда поднялся — он сидел на корточках — и стал в позу оратора. Шепот одобрения встретил его слова. Фареуа был высокий человек, очень толстый, с огромным животом, как у тотары *, когда она надуется. То, что такой живот был полон, свидетельствовало об изобилии и изысканности кушаний, подававшихся на тамаараа, который начался с наступлением ночи.

Для Мато это была большая честь, и он чувствовал себя польщенным. Фареуа возвышался над остальными гостями, которых было не меньше ста человек, и все они приготовились выслушать вождя Арутаки со вниманием. Он смотрел на облака, скрывавшие луну, как будто искал на ночном небе вдохновения. В действительности же Фареуа находился в затруднении. Он был католик и стал вождем лишь год назад, после смерти почтенного Тарау (бывшего вождем со времени цунами 1903 года). Он не знал точно, что надлежало говорить по случаю рождения ребенка мормона **, которого будут крестить только в возрасте восьми лет. Когда за ним пришла пирога, он уже спал и так и не успел ничего придумать. Однако любые слова вождя таят в себе значение. Его взгляд обратился на ребенка в руках Техины, лежавшей на циновке, и он понял, что должен сказать.

— Вот мальчик, он только что родился, красивый, сильный мальчик, и нет лучшего имени для этого мальчика, настоящего туамотуанца, чем Матаоа — «Глаза радости».

Великолепного тембра голос Фареуа все больше набирал силу, его должны были слышать во всей деревне.

— Бог мормонов — это тот же бог, что у католиков и протестантов, бог всех людей Паумоту и всех братьев. Матаоа родился по воле бога не в хижине, полной женщин, ожидающих, когда прекратятся боли и роженица

* Тотара — рыба-шар. — *Прим. перев.*

** Мормоны — американская религиозная секта. Верования мормонов представляют собой смесь многобожия и христианства. Во Французской Полинезии около шести тысяч мормонов. — *Прим. ред.*

разрешится от бремени, а в лодке Мато, лучшего ныряльщика среди нас. Разве отец не хочет, чтобы сын стал его преемником на том поприще, на котором он сам достиг совершенства? А что означает рождение в лодке, как не то, что бог хотел, чтобы сила и ловкость Мато в подводной охоте были переданы его сыну Матаоа, чтобы тот, став взрослым, заменил своего отца, когда тот захочет уйти на отдых? Чего хочет бог, то всегда свершается, вот почему этот младенец, лежащий на руках своей матери, однажды станет великим ныряльщиком, как его отец. От имени всего населения и от своего имени я, вождь Арутаки, выражаю радость и гордость по этому поводу нашему брату Мато и нашей сестре Техине.

Эта речь произвела настолько сильное впечатление, что долгое время все хранили молчание. Недаром Фареуа был вождем! Сам Мато был поражен правдивостью его слов. Родился в лодке! Разве не значило это, что бог отметил Матаоа, предопределил, что он станет великим ныряльщиком, самым великим ныряльщиком, какого когда-либо видели на Туамоту? А разве на следующий день этот знак божественного провидения не был подтвержден тем, что вопреки своим привычкам неподвижная мара, совсем потерявшая осторожность, появилась в двух саженях от поверхности!

Поднялся другой оратор, ныряльщик с Апатаки, затем еще один, и, наконец, взял слово Моссиу, отец Мато и дед Матаоа.

Моссиу уважали за религиозность и глубокое знание Библии. Тело его уже начало дряхлеть, но лицо, по-прежнему мужественное, всегда было озарено улыбкой, доброй и благожелательной. Выражение всеобъемлющей любви сияло в его глазах.

Все выступавшие до сих пор ораторы соревновались в красноречии и старались перещеголять друг друга силой голоса. Моссиу говорил тихо, и именно благодаря этому мысль его казалась более ясной, а слова более точными. Он напомнил о происхождении атолла Арутаки и прославил красоту моря за коралловым поясом, на котором растут кокосовые пальмы, а также лагуны, изобилующей рыбой.

Моссиу уже стар, но никогда не устанет он восхищаться чудом жизни, порожденной любовью. Поистине каждый мужчина и каждая женщина должны испытывать,

как и он, радость пребывания в этом мире, покоя и счастья среди своих собратьев. Благословенны все дни и годы на этой земле, но у каждого есть особо счастливые моменты, как те, что пережили его сын Мато, его невестка Техина, а также Тао и он сам, Моссиу, когда Матаоа появился на свет. Пусть все здесь разделят их радость!

— Этим счастьем мы обязаны богу, только ему, — продолжал Моссиу. — Мы обязаны ему всем, так как без него мы не имели бы ничего и были бы ничем. Он создал жизнь, которую мы передаем через любовь, и продолжает давать жизнь всему, что нас окружает, — всем животным и растениям. Ребенок, только что родившийся, сосет молоко из груди матери, а потом будет питаться плодами хлебного дерева, кокосовыми орехами, мясом рыб, черепах, птиц, поросят.. Еще позже он найдет все необходимое для постройки своего дома, а то, что ему не хватает, сможет приобрести, добывая перламутровые раковины со дна лагуны. Никогда не должен он забывать, что этими дарами обязан богу, в особенности тогда, когда в свою очередь передаст жизнь, которую передали ему.

Старик сделал паузу и затем заключил громким голосом:

— Я благодарю бога, создавшего небо, море, наш остров, эту лагуну и сегодня нашего Матаоа.

Мато уже десять раз объяснял, как мара неподвижно лежала около ямки, так что он мог проткнуть ее острой, как если бы это был коралл. Столь благоприятное для Мато положение мара, несомненно, явилось божьим знамением, это первая рыба из пойманных им, а их было так много, что лучше и не пытаться сосчитать. После того как яства были съедены, гости не расходились и продолжали тянуть стакан за стаканом пиво из сахара и перебродивших дрожжей — несколько бутылей такого пива всегда имелись в запасе у Ли Мина.

Одни пели, аккомпанируя себе на укулеле*, другие разговаривали о последних событиях сезона сбора раковин. Наконец, выпитое пиво дало себя знать, и наступил момент, когда последний из сотрапезников, пошатываясь, удалился, крепко пожав на прощание руку захмелевшего Мато. Все же он был достаточно трезв, чтобы не забыть, что он решил сделать, пока Моссиу произносил речь. Ма-

* Укулеле — полинезийский музыкальный инструмент.

то любил и уважал своего отца, но Моссиу был склонен больше к размышлениям, чем к действию. Покойный дед — вот кто сделал из Мато великого ныряльщика, и, хотя деда уже давно не было на свете, Мато сохранил к нему еще более сильные чувства, чем к Моссиу.

Неуверенными шагами добрался он до края деревни, к маленькому каналу. Все спало. Где-то лаяла собака. Вдали можно было различить линию большого канала. Мысли Мато перенеслись к могиле деда на кладбище Арутаки, выходящем прямо к рифу в открытом море. Там он предавался размышлениям, прежде чем принять участие в постройке лагеря ныряльщиков, и по окончании сезона собирался опять пойти туда. Теперь он хотел говорить с душой, которая слушает его на небе. Быть может, это одна из звезд? Мато закрыл глаза и поднял голову.

— Вождь Фареуа говорил, — шептал он, — другие говорили, и мой отец Моссиу, твой сын, тоже говорил, последним. Я молчал, потому что хотел говорить с тобой, как это делаю сейчас. Я был маленьким ребенком, но никогда не забывал твоих слов, когда ты молился на могиле твоего отца, моего прадеда, которого я не знал, а я стоял рядом с тобой. Ты говорил: «Ты исчез с этой земли, но видишь, твой правнук Мато рядом со мной, он заменит тебя и сам однажды будет иметь сына, чтобы сменить меня, когда я в свою очередь покину эту землю, чтобы соединиться с тобой». И вот твой правнук пришел заменить тебя, как ты того хотел.

— Твой правнук, имя которого Матаоа, — заключил он.

Глава вторая

МАХОУ ВИКТОР

Махоу* Виктор (или Викторина, как называли его иные) стоял на корме шхуны, приближавшейся к Арутаки. Он чувствовал, как слезы наворачиваются ему на глаза при виде знакомой линии кокосовых пальм и кораллового рифа, омываемого волнами.

Его сердце готово было разорваться от волнения при мысли о том, что через несколько минут он ступит на берег родного атолла, который покинул столько лет назад, чтобы отправиться на Таити. Он возвращался домой не добровольно, а по решению суда в Папезте. Этот старый американец, которого он подцепил в «Куин'с», все же порядочная свинья! Прижимался к нему весь первый танец, а во время второго сказал:

— Come with me! I'll give you money.

— O'key**.

Он пошел с ним в огель. Но старик учинил страшный скандал, когда обнаружил, что он не женщина. Слово за слово, завязалась потасовка, и взбешенный американец выбросил его в окно со второго этажа. Так и костей не соберешь! Свидетели вызвали полицейского, был составлен протокол, и вскоре пришла повестка с вызовом в суд.

— Выбирай, что хочешь, — сказал судья. — Шесть месяцев строгой изоляции или возвращение на родину на пять лет?

* Махоу — мужчина, который ведет себя как женщина. Этот обычай, именуемый травестизмом, был распространен в прошлом у отсталых народов различных районов земного шара. Исторически он восходит ко времени борьбы мужчин и женщин за господство в обществе, т. е. к эпохе перехода от материнского рода к отцовскому. — *Прим. ред.*

** Пойдем со мной. Я дам тебе денег. — Хорошо (*англ.*).

Поднимаясь с места, Виктор оправил складки своей новой юбки, купленной специально по случаю явки в суд.

— Что значит «строгая изоляция»?

— Это значит, что ты шесть месяцев будешь находиться в тюрьме.

— Но первый раз...

— Тогда тебя осудили условно, потому что ты попался впервые.

Неужели угроза реальная? Какая несправедливость!

Он возмутился:

— Это несправедливо! Я была избита и ранена, а теперь должна еще идти в тюрьму! Почему вы не сажаете в тюрьму американца? Это он заслужил наказание, я же ничего плохого не сделала!

— Зачем же ты пошел с ним в отель и делал вид, будто ты женщина?

— Ну, знаете... Это он мне предложил пойти в отель... Я пошла, вот и все! Я не виновна!

— Похоже на правду. Ты, наверное, потребовал от него денег и тогда завязалась драка?

— Ложь! Я у него не требовала! Старый негодяй сам мне их обещал, я сама не просила бы! А потом ему стало жаль расстаться со своими долларами.

Виктор прижал руки к груди и изобразил на лице презрительную гримасу. Не удастся ли ему смягчить сурового судью? Потом заговорил плаксивым тоном.

— Меня били, выбросили в окно, я поранила ногу... Это я должна жаловаться, но я никогда не затеваю историй, а теперь меня же отправляют в тюрьму!

Он обернулся, как бы призывая в свидетели других обвиняемых, присутствующих в суде.

— Кончай комедию! Не представляйся идиотом! Что ты выбираешь? Ты не хочешь вернуться на родной остров? В конце концов на что тебе Папезте?

Виктор опустил свои подведенные глаза, затем решительно поднял голову.

— Хорошо, раз вы мне не верите, я уеду к родным на Арутаки.

— Прекрасно, отправляйся к своим родным, и чтоб в ближайшие пять лет на Таити и Подветренных островах ноги твоей не было! Понял?.. Лишение на пять лет права жительства на этих островах, — добавил судья, обращаясь к секретарю... — Следующий!

Виктор пожал плечами, смерил презрительным взглядом присутствующих, с насмешкой наблюдавших за ним, и сразу же отправился в «Вахину» обсудить новость со своими приятельницами. В глубине души он был не так уж недоволен подобным оборотом событий. В Папэте многое изменилось с тех пор, как он высадился там в 1924 году, в год рождения на Арутаки своего маленького племянника Матаоа, а также смерти Роти, жены старого Моссиу. В следующем году Техина родила дочь, а Мато, кузен Виктора, сын брата его отца, еще раз собрал самый богатый урожай раковин на Хикуэру.

Он узнавал новости об атолле благодаря случайным встречам в порту и очень тосковал по прошлому. Девять лет! Какой покой на Арутаки, какие люди! Там дни проходили незаметно, а вечерами играли на гитаре и укулеле, пели и танцевали в лунном свете на маленькой площади вблизи пролива. Какого черта он отправился в Папэте? Правда, там у него было сколько угодно мужчин, и приезжие иностранцы дарили ему платья и драгоценности, но стал ли он от этого счастливее? Порой он уставал от такой жизни. Разве на Арутаки не будет красивых мальчиков? Девушки имели там лишь по несколько паро* и воскресных платьев, сшитых ими самими. У него же был целый сундук нарядов! Он оставит себе самые новые, а остальные раздарит! Скольких он может осчастливить! Какой подарок лучше всего привезти маленькому племяннику Матаоа, которого он видел, когда тому было всего несколько месяцев от роду? Конечно, укулеле!

Младшей девочке он подарит нарядные воскресные платья, Техине несколько красивых набедренных повязок, а Мато будет очень доволен, если получит в подарок великолепный нож с широким блестящим лезвием, выставленный в отделе скобяных товаров у Дональда. Всем остальным он привезет несколько ящиков консервов.

Какая радость! Он думал только об отъезде.

Шхуна вибрировала от толчков винта, старый мотор напрягался, двигая ее тридцать тонн к берегу.

В то время как молодые люди на берегу ловили швартовы, Виктор поднялся на фальшборт и, улучив момент, прыгнул вниз. Ветер взметнул его верхнюю и вышитую нижнюю юбки, высокие каблуки вонзились в песок.

*П а р о — набедренная повязка. — *Прим. перев.*

Глава третья

ЖИЗНЬ НА АРУТАКИ

— Не сегодня,—сказал Виктор, стоя перед грудой грязного белья, которое Техина каждое утро перед завтраком складывала на полу в прачечной, примыкавшей к кухне.

Техина вопросительно подняла брови. Доверительным шепотом он сообщил:

— У меня начались месячные.

Техина еле удержалась от смеха. Ей не терпелось поделиться столь изумительной новостью с соседками. Это была самая забавная история из всех, связанных с Виктором. С тех пор как он появился, жизнь здесь стала намного веселей. Ну и Виктор! Чего только не придумает! Месячные! Как будто под юбкой у него не то же самое, что у всех мужчин! Вот потеха-то!

— Ну так что же? — спросила Техина. — С каких это пор здешние женщины в дни месячных не стирают?

— Врач в Папезте сказал мне, что очень плохо для живота держать в это время руки в воде или промокнуть, — изрек Виктор с ученым видом. — Но не думай, что я воспользуюсь этим и буду бездельничать, — поспешно добавил он. — Кухня, уборка и глажка белья за мной.

Он ласково улыбнулся Техине и направился на кухню. Старый Моссиу был погружен в чтение Библии. Он сидел в глубоком кресле, сделанном из обломков дерева, найденных после кораблекрушения, и сонно покачивал головой, глаза его были полузакрыты, губы беззвучно шептали слова — Виктор знал, какие слова, — обращенные к богу и отгонявшие от хижины и ее обитателей все дурное и грешное.

«Какой хороший, почтенный человек, — подумал Виктор. — Таких, как он, теперь осталось совсем немного, особенно на Таити». Он тряхнул головой, чтобы отогнать мысли, возвращавшие его иногда в Папезте. Какая тишина, какая красота здесь! В дверной проем видны зеленый берег, ярко-голубая вода лагуны и уходящий в бесконечную синеву океана изгиб атолла.

Низкое солнце пронизывало вершины кокосовых пальм и сверкало на их листьях. Кудахтали куры, удовлетворенно похрюкивала свинья, кормившая свой приплод. С легким сердцем, что-то мурлыча себе под нос, Виктор взял топор, расколол несколько сухих орехов и положил в очаг.

— Я буду называть тебя Викторина, а не Виктор, — сказала Техина в первый же день.

— Так лучше, — согласился кузен, — скажи всем, пусть называют меня Викториной.

Это действительно было лучше, иначе его называли бы махоу Виктор.

Он был махоу, настоящий махоу, но разве приятно то и дело слышать об этом? К тому же имя Викторина ему очень нравилось.

Между Техиной, Мато и Викториной было достигнуто соглашение, одобренное Моссиу: Викторина будет спать в хижине старой тетки, умершей в прошлом году, но будет считаться членом семьи и делить их стол, а в благодарность за это поможет Техине в домашней работе.

Вскоре Техина заметила, что Викторина прекрасный помощник. Ни одна девушка, ни одна женщина на Арутаки не могла сравниться с ним в умении хозяйничать и готовить еду. Что касается детей, то тут он был незаменим! Техина даже немного ревновала, видя, с какой легкостью он добивается от Матаоа всего, чего хочет, в то время как ей часто приходилось трудно со спокойным, но своевольным мальчиком.

Младшая же сестра Матаоа—Тена, сама кротость, хотя и подчинялась безропотно Техине и Мато, души не чаяла в Викторине и опережала все его желания.

Вернувшись на родной атолл, Викторина сразу же включился в жизнь, от которой много лет был оторван. Его отец и мать погибли при крушении шхуны, и закон предоставлял ему наследственное право добывания копы в соседнем с Мато секторе.

Кроме того, ему досталось наследство от умершей тетки — хижина со всем паходившимся в ней имуществом.

По правде сказать, при жизни старой женщины хижина содержалась довольно плохо, а затем была и вовсе заброшена. Приятно было видеть, с каким умением Викторина преобразил ее, прежде чем поселиться.

С помощью Матаоа он собрал за один день пальмовые листья и переложил крышу. Каким жалким выглядело жилище внутри! Но вскоре все изменилось, словно по волшебству. Викторина прибрал в хижине, вычистил посуду, вымыл пол, выстирал белье, кое-где положил кусок линолеума, кое-где немного покрасил, что-то прикрыл тканью, наклеил на стены картинки благочестивого содержания и украсил их ожерельями из раковин. Убранство дополняли перламутровые безделушки, фарфоровая посуда в полоску, двустворчатые раковины и два красивых черепаших панциря, которые он натер до блеска кокосовым маслом. Подаренное Техиной новое тифефе * заменило на кровати прежнее, старинной работы, но уже выцветшее и изношенное. Циновки из свежего пандануса скрывали неровности пола. Ожил сад, очищенный от прелых листьев, сорной травы и гниющих отбросов. За сложенной заново стеной из ракушек благоухали гибискусы и типание. Все кругом приобрело красивый нарядный вид. Викторине никогда еще не было так хорошо, как теперь, когда его хвалили со всех сторон. Именно для такой жизни он создан! Ему нравилось жить в семье, в красивой хижине Техины и Мато на берегу пролива, а возвращаясь по вечерам в свое жилище, ощущать полную независимость. Он был счастлив!

* * *

Увидев лодку отца, пересекавшую пролив, Матаоа и Тена пошли ей навстречу по рифу.

Мато уверенно управлял лодкой, борясь с течением и одновременно используя его силу. Пирогоа быстро приближалась.

Вчера Мато привез жирных параи, полных молока.

* Т и ф е ф е — орнаментированное покрывало для кровати.

Он охотился на них в открытом море, а не в лагуне, сегодня же возвращался с того места в самой лагуне, где в изобилии водились ихии.

Наверное, сегодня в пироге ихии. Если они достаточно жирные и их много, Викторина оставит нескольких для фафару*. Сейчас как раз время готовить обед. Викторина развел огонь под длинной железной решеткой, положенной на почерневшие камни, и поставил на нее большой котелок и чайник с водой, а потом положил кусок листового железа для поджаривания рыбы. Тщательно вытерев руки о набедренную повязку, он погрузил их в мешок с мукой, а затем в таз с холодной водой и, не вынимая рук из воды, слепил несколько шариков и бросил в кипящий котелок. Во дворе лежал ствол кокосовой пальмы с прибитой к нему теркой для орехов. Викторина уселся верхом на ствол и натер сердцевину двух орехов.

Между тем Мато пристал к берегу, и Матаоа помог ему вытащить пирогу на сушу. Мато уложил остроги, очки и сменил набедренную повязку. Дети стали выбрасывать на землю красивых жирных ярко-красных ихий. Матаоа хватал их решительно, по-мужски, в то время как Тена прикасалась к ним с опаской, боясь уколоться о ядовитые шипы на спине и по бокам жабр. И все же девочка поранилась. Она быстро поднесла палец ко рту и стала высасывать маленькую ранку.

Продолжая тереть кокосовые орехи, Викторина закричал:

— Матаоа, я сам очищу рыбу!

Но Матаоа лишь молча покачал головой: он уже присел на корточки и чистил ихий ногтями. Ну и Матаоа! Ничто так не интересовало его, как рыба. Вечно он торчал возле нее, рассматривал рыб, щупал, расспрашивал людей обо всем, что касается ныряния, дергал за хвост акул, спавших в общинном бассейне. Короче говоря — второй Мато. Правда, в отличие от своего отца в этом возрасте он был худощав и тонок, хотя широк в плечах и хорошо сложен. В нем была гибкость Техины и Моссиу. С нетерпением ожидал он того момента, когда ему разрешат нырять. Но для этого нужно стать посильнее и

* Фафару — блюдо из выдержанной в морской воде, начинающей портиться рыбы.

набрать весу побольше. Викторине же становилось плохо даже при одной мысли оказаться лицом к лицу с акулой, он даже никогда не купался в море. Десятки акул проплывали по течению мимо окон его кухни. Некоторые приближались к берегу и жадно набрасывались на рыбы отбросы и внутренности, раскиданные по песку. Когда он рассказал о своих страхах Матаоа, тот пожал плечами: он-то акул не боялся.

* * *

Из натертой мякоти кокосового ореха Викторина выжал в миску молоко. Ипо сварились. Он вытер влажной тряпкой большой прямоугольный стол, покрытый красной с темными разводами клеенкой, и поставил приборы.

Все уселись и склонили головы, пока Моссиу читал предобеденную молитву. Затем Мато первым положил сахар в свою чашку с чаем: пять, шесть, семь, восемь ложек. Как все настоящие туамотуанцы, он никогда не клал меньше: сахар был полезен для груди. Ихии были поджарены как раз в меру и не крошились, когда обедающие отламывали пальцами сочащиеся жиром куски и подносили ко рту. Мато несколько раз в знак удовольствия покачал головой, и Викторина был польщен столь красноречивым признанием его кулинарных способностей. Мимо, щурясь от солнца, прошел сосед, Мато и Техина одновременно окликнули его, чтобы пригласить к столу.

— Тамаа!

Сосед улыбнулся и жестом поблагодарил, продолжая свой путь. Обычай требовал, чтобы каждый, сидящий за столом, приглашал ближнего разделить трапезу. Это был лишь акт вежливости и воспитанности. Большой частью приглашенный ограничивался благодарностью, но иногда принимал приглашение.

У кого не бывает таких моментов в жизни, когда хочется поделиться своими переживаниями с соседями или друзьями! Поссорился человек, к примеру, со своей женой или с кем-нибудь из родственников... Тогда туамотуанец закусывает чем бог послал с братьями и сестрами, которых застал за едой.

— Если Тао не вернется на этой неделе из сектора, — сказал Мато, проглотив сразу половину ипо, — я пока начну один строить водоем.

Тао за последний сезон собрал лишь тонну перламутровых раковин, в то время как Мато — более двух с половиной. Братья условились потратить стоимость одной тонны раковин на постройку водоема. Доля каждого в этой сумме определялась величиной его улова. Они были соседями, Тао жил в двадцати метрах от брата, в том же ряду хижин. Водоем нужно было построить таким образом, чтобы в него не могли попасть кошки или крыса и отравить воду, как в прошлом году.

Однако Техина раскритиковала соглашение. Действительно, почему Тао, внесший лишь треть стоимости водоема, должен пользоваться им на тех же основаниях, что и брат? Разве не справедливо, чтобы он компенсировал разницу в деньгах большей долей работы? Тем не менее Тао отправился собирать копру, ни о чем не заботясь. Она была вправе утверждать, что Мато поощряет лень брата. Никто не удивился, когда она сказала:

— Возможно, Тао хорошо чувствует себя в секторе и не спешит вернуться. В конце концов там ему спокойнее — нет Тепоры, не с кем ссориться.

Техина сказала правду. Тао, женатый уже пять лет, упрекал жену за то, что она не рождает ему детей. Тепора же утверждала, что в этом виновен он сам.

Из-за этого они часто ссорились. А теперь Тао отправился в сектор, оставив жену в деревне.

Тепора жаловалась тем, кто готов был ее слушать, и убеждала всех, что вина в разладе между Тао и ею лежит на муже, не способном дать ей детей. Она уверяла, что однажды, еще до замужества, была беременна. Когда до Техины дошли слухи об этом доводе Тепоры, она прониклась презрением к своей родственнице. Кто рассказывает о таких вещах? Если до замужества она знала других мужчин, следовало ли этим кичиться? Тепора утверждала, что избавилась тогда от ребенка с помощью каких-то трав. Сказать-то можно что угодно, но кто знает, так ли это? Скорее всего, она была бесплодна, но сваливала вину на мужа.

А вот Тао не хвастался, что до женитьбы сделал какую-нибудь девушку беременной.

— Этот брак кончится плохо, — не раз предсказывала Техина. Мато и Моссиу хорошо знали, что Техина недолго любила Тепору, и продолжали молча есть. Техина поняла, что они осуждают ее за суровое отношение к

родственнице, и перевела разговор на другую тему.

— Вчера вечером Теурунуи опять побил свою жену.

От Теурунуи уже ушла одна жена, молодая женщина с Апатаки, которую он тоже бил. Однажды она села на шхуну, чтобы вернуться к своим родителям, заявив, что ей надоело жить с дикарем с Арутаки. Эта фраза, произнесенная на прощание, обидела жителей деревни, симпатии которых были на стороне Теурунуи: в конце концов разве он не хозяин в своем доме? Но после вторичной женитьбы Теурунуи все единодушно осуждали его, потому что о его новой жене нельзя было сказать ничего плохого.

Однако пока никто не вмешивался: женщина сама пыталась урезонить мужа как могла и не обращалась с официальной жалобой ни к своему отцу, ни к вождю.

— Он отправился нырять, я только что его видел, — сказал Мато.

— И он не боится идти в море после ссоры с женой? — Техина поджала губы, лицо ее приняло осуждающее выражение. — Не миновать ему встречи с акулами в ближайшие дни.

Было известно, что не следует нырять, не помирившись с женой, потому что акулы мстят за избитую или обиженную женщину.

Правда, если бы Теурунуи не пренебрегал этой приметой, ему бы пришлось питаться, как детям и старикам, рыбой, пойманной на удочку либо убитой острой другими ныряльщиками: он ругался с женой каждый день и даже в воскресенье.

Викторина воспользовался молчанием, чтобы вмешаться:

— Вы знаете, что случилось вчера с Амбруазом? Он так напился, что пришлось его нести до самой хижины. Потом он сказал, что хочет войти в дом сам, и всех оттолкнул. Сделал три шага и упал! Один молодой человек хотел поднять его, но Амбруаз стал лягаться, драться кулаками и не давал прикоснуться к себе. Потом его стошнило, и он так всю ночь и провалялся на земле: свинья, настоящая свинья!

Мато неодобрительно покачал головой, а на лице Техины появилась гримаса отвращения. Старый Моссиу лишь улыбнулся. Амбруаз был его сверстником. Им было по семнадцати или восемнадцати лет, когда к Арута-

ки пристала шхуна и судовой приказчик перевел населению текст печатной декларации на таитянском языке: «Германия находится в состоянии войны с Францией, нашей далекой родиной. Взрослых мужчин мобилизуют на местах для сбора копры, которая требуется в очень большом количестве, так как необходима для ведения войны и победы. Жителей призывают поставлять как можно больше копры, больше, чем когда-либо раньше».

В тот вечер много молодых людей, очень возбужденных, ходили от хижины к хижине и говорили, что соберут по десять, по пятнадцать, а то и по двадцать-тридцать тонн копры. Тогда же два юноши (один из них был Амбруаз, в то время носивший имя Итая) сели на шхуну, заявив, что хотят поступить на военную службу и сражаться с оружием в руках против врагов Франции, вместо того чтобы сидеть дома и заниматься обычными делами.

Шли годы, и однажды Итая вернулся на Арутаки, но... другим, совсем не похожим на прежнего молодого туамотуанца. Он не только принял новое имя, Амбруаз, но ему не удавалось включиться в общую жизнь деревни. Другой парень с Арутаки был убит в том же бою, в котором Амбруаз был ранен. Амбруаз получил медаль, затем был отправлен в госпиталь, где лечился два месяца. Он привез столько историй о странах, в которых побывал, о мужчинах и женщинах, которых узнал, что рассказов хватит еще лет на десять.

Не удивительно, что этот Итая, ставший Амбруазом, приобрел привычки, каких не было у людей Арутаки. «Во Франции, — говорил он, — даже солдаты ежедневно пьют за столом вино, а до еды выпивают так называемый аперитив. И так делают все, но при этом никогда не напиваются допьяна, во всяком случае очень редко». Ох уж этот Амбруаз! Почему же на Арутаки он пьет вино и спирт и что ни день то пьян? С каждой шхуны, прибывавшей на атолл, выгружали для него бутылки и ящики, и в тот же вечер он уже бывал пьян, как мальчишка от первого литра пиа*.

Пока его запасы не истощались, он напивался каждый день. По его словам, причиной тому был климат Арутаки. Хотя Амбруаз был самым большим пьяницей на

* Пиа — местный алкогольный напиток. — Прим. перев.

атолле (говорили: пьян, как Амбруаз), единственным, кто пил регулярно, его тем не менее почти все любили. Когда он бывал трезв или еще не совсем пьян, трудно было найти человека приветливее его.

Амбруаз входил в состав совета семи. Некоторые — возможно, они сами добивались такой чести — удивлялись, почему этого пьяницу продолжают считать одним из мудрейших на Арутаки. Сам Амбруаз умел ответить тем, кто порицал его поведение. Он слишком много пьет? Ну и что? Кому это наносит вред? Неужели он из-за этого не заслуживает уважения? Кто, как не он, отправился когда-то на войну? У кого еще в теле застряли куски металла? А те, кто сейчас поднимает голос против него, разве не молчали тогда, когда он отправился рисковать своей жизнью на службе родине? Он вовсе не хотел сказать, что люди, оставшиеся на острове, были трусами. Ведь никто из них даже представить себе не мог, что такое Франция, Германия, война... Но он-то все-таки пошел на войну, и его товарищ остался на поле боя. И что же? Теперь они его порицают! Разве плохо, что он, Амбруаз, рядом с вождем принимает администратора Туамоту во время его визита? А если однажды на Арутаки приедет министр или даже сам губернатор? Он, Амбруаз, старый солдат, черт возьми!

Хотя собеседников шокировало выражение «черт возьми», аргументы Амбруаза большинству казались убедительными. Впрочем, в особо торжественных случаях Амбруаз всегда имел вполне достойный вид и вел себя, как подобает мудрейшему. Его седые, подстриженные щеткой волосы, величественная осанка, белый накрахмаленный полотняный костюм с медалью на отвороте внушали окружающим почтение.

Поэтому Викторина, поняв, что не найдет поддержки у Моссиу и Мато, решил, что лучше ему замолчать.

* * *

— Тамаа! — крикнул Мато, увидев моки*, бросившего украдкой взгляд на сидящую за столом семью.

Маленькая Тена опустила голову, чтобы не видеть моки. Техина нахмурила брови и посмотрела на Мато,

* Моки — одержимый. — Прим. перев.

по промолчала. Что произойдет и как им себя держать, если моки подойдет? Но старый маленький человек в лохмотьях, с всклокоченной бородой исчез. Вот что позже узнал Викторина.

Этот человек был изгнан со многих островов, прежде чем нашел убежище на Арутаки. Говорили, что на нем лежит печать проклятия, что он колдун, моки, настоящий тифао*. Был он человеческим созданием или воплощением дьявола? Многие пожимали плечами: известна ведь его история, подтвержденная несколькими владельцами шхун и судовыми приказчиками.

Он был одним из сорока несчастных, избежавших гибели на Анаа во время внезапно налетевшего цунами в 1912 году, почти полностью уничтожившего атолл. Может, сознание его помутилось после этого несчастья, унесшего всех его близких? Во всяком случае, вернувшись на остатки родного атолла, он не стал производить посадки и восстанавливать постройки. Более того, он осмеивал усилия своих братьев по несчастью. Слова его звучали кощунственно, но держался он как человек, лишенный разума. Священник, руководивший строительством новой церкви, не раз отводил его в сторону и читал ему наставления. Перед катастрофой несчастный был ревностным католиком. Но моки повторял людям то, что отвечал в таких случаях священнику:

— Ты ведь был тогда в церкви? Ты видел, как бог нял нашим молитвам? — И он добавлял непристойное слово.

Во время цунами, смывшего людей, жилища, растения, священник собрал в церкви оставшихся в живых. Все молились, чтобы это последнее убежище уцелело. Но вода не переставала прибывать, ураган ревел, и в конце концов церковь обрушилась.

— Старайтесь, старайтесь, — насмеялся моки над работавшими людьми. — Молитесь особенно усердно, когда увидите, что небо потемнело!

Он не умывался, отпустил бороду и волосы, не стриг ногти, и одежда его превратилась в зловонные лохмотья. Как-то раз заметили, что он бродит вокруг одной хижины. Спустя несколько недель хижина сгорела. Без очевидного повода он разразился смехом вслед женщине, не-

* П и ф а о — приносящий несчастье. — *Прим. перев.*

сшей новорожденного младенца, и вскоре ребенок умер. Когда постройка новой церкви закончилась и состоялось торжественное открытие, вечером того дня люди наблюдали, как он бегал по рифу, жестикулируя и грозя кому-то кулаками, как бы произнося заклинания. Всех охватил страх. Этот человек был моки. У кого хватило бы твердости поднять руку на существо, потерявшее все и ничего не вернувшее? Какое чувство можно испытывать к нему, кроме жалости? Священник молился за него и советовал верующим следовать его примеру. Узнав об этом, моки разразился безумным смехом, заставившим похолодеть от ужаса всех, кто его слышал. Но можно ли преследовать человека лишь за то, что он смеется? Наконец, спустя некоторое время все же представился случай избавиться от моки. Когда люди выходили с воскресной мессы, он появился, выряженный на потеху всем в сутану священника, которую сумел выкрасть из притвора церкви.

Он танцевал тамуре, сопровождая свои кривляния непристойными жестами. Кое-кто не смог удержаться от смеха, но верующие бросились на моки и сорвали с него одеяние священника. Ему не причинили боли (впрочем, он сразу затих), но посадили его на шхуну и попросили высадить на атолле, где жили родственники моки. Но он там не остался, не остался и на Факаруа, Апатаки и Таканото. Каким образом ему удалось высадиться на Арутаки, никто точно не знал. «Это дьявол его доставил», — говорили одни. «Он приплыл в животе у рыбы», — твердили другие. «Он причалил в ветреную погоду, а потом пустил свою парусную лодку на волю течения», — предполагали третьи, более рассудительные. Во всяком случае, достоверно следующее: три девушки, отправившиеся за фетюэ* на риф, вернулись в деревню испуганные: они видели дикаря. Несколько мужчин поспешили на место происшествия и обнаружили там моки. Он бродил по рифу и собирал ракушки, которыми, очевидно, питался. Кто он? Как сюда попал? Моки не отвечал на вопросы. Собрался совет семи. Он решил одеть и накормить этого человека, дать ему кое-какую домашнюю утварь и помочь построить хижину. Моки казался совершенно безобидным. Ему дали нож, котелок, кастрю-

* Ф е т ю э — вид морских ежей.

лю, терку для кокосовых орехов, одна вдова принесла вполне приличную одежду. Для постройки хижины, вернее жалкой лачуги, подобной тем, что сооружают на время в секторе, он выбрал отдаленное место, кишашее москитами. Но обычно он спал вообще под открытым небом на земле, без циновки. Вскоре он вернулся к своему прежнему состоянию, ходил грязный, оборванный, питался лишь ракушками и лангустами. Так проходили недели и месяцы, за моки не замечали ничего предосудительного, к нему привыкли. Рыбаки даже обменивались с ним дружескими замечаниями, и лишь женщины продолжали видеть в нем посланца дьявола. Беременные боялись его проклятия: ведь он танцевал тамуре в платье священника! Мато и некоторые другие считали, что этот человек не настоящий моки: в нем не было злобы, и чем добрее и мягче с ним обращаться, тем быстрее исчезнут признаки одичания и безумия. Ведь при встречах с ним многие смотрели на несчастного с нескрываемым любопытством, как на существо странное, не похожее на других людей, и моки становилось стыдно от того, что на него так смотрели. Даже морских птиц и акул в общественном бассейне можно приручить лишь лаской.

— Ты принял бы его в своей хижине, в кругу своей семьи? — иронически спросил как-то раз у Мато один из островитян.

На мгновение смутившись, Мато ответил:

— Почему бы нет? Что тут страшного? Конечно, я бы его принял.

Спустя несколько дней, встретив моки, Мато окликнул его. Моки посмотрел на него, но не тронулся с места. В другой раз Мато при встрече сунул ему в руки заранее приготовленный подарок. А несколько дней спустя Техина обнаружила у своей хижины сверток с лангустами, и ее муж, громко рассмеявшись, сказал, что, оказывается, можно приручить и моки. Принес же он лангусты своему другу Мато! Наконец, моки отважился прийти в деревню и прошел перед окнами хижины Мато в то время, когда тот приступал к завтраку. Мато крикнул ему:

— Тамаа! Тамаа!

Моки заколебался, прежде чем идти дальше, и Мато заметил на его лице улыбку:

— Человек, который так улыбается, не может быть злым. Он незлобив, как дитя.

Техина рассердилась:

— Сумасшедший ты сам, а не твой моки!

Она так возвысила голос, что соседи насторожились.

— Это что еще такое? — бушевала Техина. — Где у Мато голова? Звать к себе в дом это полуживотное! Почему бы заодно не пригласить к столу свиней? Пусть разговаривает с кем угодно за порогом дома, это его дело, но надо уважать свой семейный очаг!

Тена расплакалась, а Матаоа, бросив на мать негодующий взгляд, попросил разрешения встать из-за стола. Моссиу тоже поднялся и, взяв свою Библию, направился к хижине второго сына, Тао. Мато же ничего не сказал, молча закончил еду и отправился по своим делам. Несколько часов он провел в размышлении. Техина все больше проявляла свой властный характер. Она была хорошей женой и хорошей матерью, но глава семьи он. И в ближайшее время он докажет это.

* * *

Матаоа был доволен. Мато показал, что он глава семьи. Пригласив моки вторично, он поставил Техину на свое место. И она почувствовала, что многим рискует, если поднимет свой голос, как в прошлый раз.

Матаоа посмотрел на улицу. Сидя на стенке в тени тоу*, его поджидал товарищ по играм Хаамару. На коленях он держал острогу с тремя зубцами. Вместе с другими мальчиками они отправятся на рыбную ловлю. По дороге они захватят Тотай. Хижина его родителей находится в самом конце деревни, у начала кораллового рифа, выступающего в океан.

* Тоу — большое дерево.

Глава четвертая

МАТАОА

Матаоа взял острогу и свистнул собаку, дремавшую на солнце. Маори тотчас открыл глаза, поднялся, зевнул и потянулся. Он весело залаял и бросился к ногам молодого хозяина. Матаоа держал острогу в руках. Значит, они пойдут на риф охотиться на рыб, а Маори любил это занятие больше всего на свете. Еще совсем молодым псом он вступил в бой с акулёнком, оказавшимся в канале во время отлива. Несмотря на разодранную до кости лапу и страшно изуродованную морду, он в конце концов ухватил акулёнка зубами посреди туловища и вытащил на берег, где тот издох. Матаоа, присутствовавший при последнем этапе боя, на руках принес пса домой. И когда его спрашивали:

— Здорово досталось твоей собаке от других псов?

Он с гордостью отвечал:

— Она дралась не с собаками, а с акулой и убила ее!

— Правда? И какая же это была акула?

— Это была маори!

Так название акулы и стало именем его израненного четырехногого товарища. Против всех ожиданий Маори поправился, и вскоре к шрамам от зубов акулы прибавились свежие рубцы и раны. Все без исключения собаки на Арутаки носили на себе следы яростных схваток, многие бегали на трех ногах или с одним глазом. Они разделили деревню на участки, и каждая свора с остервенением защищала от соседей свои владения. Между собаками постоянно происходили жестокие войны, и многие гибли в сражениях.

Прежде чем взрослые собаки, устанавливающие законы в части деревни, выходящей к началу пролива, приняли в свой клан Маори, ему не раз пришлось испытать

на своей шкуре их острые зубы. Не раз возвращался он после схватки, волоча изуродованную лапу, а потом жалобно скулил на руках у Матаоа. И тем не менее не было случая, когда бы он отказался от боя. Маори возмужал, добился признания в своей своре и сам кидался на чужих собак. Он был худой и изнуренный на вид пес, с короткой желтоватой шерстью, сухим носом, искалеченной лапой и разорванным правым ухом, но это не мешало ему смело бросаться в драку и на страх врагам биться не на живот, а на смерть. Прекрасный аргумент в пользу любителей собачины: «Почему не питаться мясом этих животных, которые сами не дорожат своей жизнью? Оно не менее вкусно, чем свинина и домашняя птица. Кроме того, не мешает позаботиться о том, чтобы их не развелось слишком много». И действительно, иногда ночью глаз нельзя было сомкнуть из-за воя.

Соседи Мато и Техины каждую неделю съедали собаку, поэтому Матаоа не любил их. Правда, они были уже немолоды и у них не было детей, но старик ловил удочкой много рыбы. Они вполне могли бы обойтись без собачины, ведь собаки — друзья человека. У Матаоа сжимались кулаки при мысли, что эти старики могут съесть его Маори. Мысленно мальчик представлял себе, как отправляется с Маори на лодке куда глаза глядят. Поднимается буря, их выбрасывает на неизвестный берег. Есть нечего... Нет ни оружия, ни удочки, чтобы ловить рыбу, ни кокосовых пальм, кругом пусто... Но и тогда он скорее умрет с голоду, чем убьет и съест друга!

* * *

Хаамару спрыгнул со стенки и зашагал рядом с Матаоа. Ему, как и Матаоа, было девять лет, но трудно было разобраться в его характере, он никогда ничего не предлагал, а лишь следовал за другими. Тотай, которого они отправились разыскивать на конец деревни, совсем иной. Он нетерпелив, любит быть первым, но зато всегда весел и готов к любой проказе. Стоит ему появиться среди детей, как все оживляются: Тотай, правда, уже десять лет, но ведь есть и другие мальчики старше Матаоа и Хаамару, однако они не осмеливаются командовать и распоряжаться, как он. Поэтому Матаоа не удивился, увидев Тотай во главе маленькой группы ре-

бят, состоявшей из Пунуа, Теити и Наеху. Они направлялись к рифу. Каждый нес на плече острогу.

* * *

Через несколько минут ходьбы по серым, размытым глыбам мадрепорового коралла *, зыбкой полосой окаймлявшего узкий берег, дети достигли места, где полоса вдруг расширялась, превращаясь в огромную открытую коралловую площадку.

Неподалеку от кустов и карликовых кокосовых пальм, обычно растущих на границе кустарниковых зарослей, над рифом возвышался гигантский остов корабля. Какой страшной силы ураган мог перебросить через риф эту громадину? Старики до сих пор вспоминали грохот среди ночи, заглушивший шум моря (что казалось невозможным). Они не думали тогда, что останутся живы, а наутро, увидев корабль, не поверили своим глазам. Они поняли, что являлось причиной того ужасного грохота. А они-то думали, что он был вызван гигантской волной!

Дети разделились на две группы, и между ними разгорелся бой за захват корабля. Они могли играть в войну, пока вновь не поднимется прилив. Тогда наступит благоприятное время лучить рыбу.

— Ладно, эти обломки никуда не денутся, — сказал Тотаи. — Пошли есть фетюэ!

Тотаи был прав. Лучше пойти собирать фетюэ, пока их не накрыл морской прилив. Стайка мальчишек побежала к морю.

* * *

Некоторые фетюэ так впивались своими иглами-щупальцами в извилины коралла, что оторвать их удавалось лишь с большим трудом... Почему они так упорствуют? Ведь другие фетюэ легко поддавались усилиям детских рук и отделялись от коралла. Они прикреплялись к нему лишь ртом, выполнявшим самые разнообразные

* Мадрепоровые кораллы — морские кишечнополостные животные класса коралловых полипов. Колонии мадрепоровых кораллов имеют различную форму: шарообразную, грибовидную, древовидную и др. Расселины в образуемых ими рифах служат убежищем для рыб, ракообразных и других морских животных. — *Прим. ред.*

функции, и несколькими неравными по величине, твердыми, как кость, щупальцами.

Когда Матаоа был еще маленьким, он не раз спрашивал, почему урсинны* круглые и у них одинаковые иглы, а фетюэ бывают самых причудливых форм, да и шипы у них разной длины. Его дед Моссиу объяснил ему, что урсинны защищаются от врагов острыми ядовитыми иглами, тогда как фетюэ скрываются от недругов в коралловых углублениях и извилинах; поскольку эти углубления имеют самую разнообразную форму, природа снабдила фетюэ «руками» различной длины, чтобы они могли приклеиваться в любом положении, в убежищах всевозможных очертаний.

Было забавно чувствовать, как шевелятся эти щупальца в твоих руках. А какого красивого фиолетового цвета были фетюэ, пока оставались влажными! Мальчики сложили в лужу целую грудку морских ежей. Теперь нужно было взять в горсть несколько щупалец — одно к другому, так, чтобы удобно было держать и бить фетюэ о коралл, пока панцирь не расколется окончательно и не обнажится мясо. Затем нужно было очистить от внутренностей и песка вкусные желтые языки, плотно прилежавшие к внутренней стороне панциря, и пальцем отделить их от стенки. Мясо морских ежей быстро насыщает, и если съесть его слишком много, то даже вызывает отвращение. Матаоа слышал, что от мяса фетюэ мужчина становится сильным и не ударит лицом в грязь перед молодой женщиной. Он поверил этим шуткам взрослых, когда однажды случайно увидел, как Мато сделал вид, что готов съесть целый мешок фетюэ, а Техина рассмеялась. Нельзя было сомневаться в истинном смысле смеха матери и мимики отца.

* * *

Тем временем прилив близился к концу. Волны врывались в щели меж камней и, с глухим шумом разбиваясь о берег, рассыпались белыми снопами.

Иногда в бурлящей воде показывалась и исчезала рыба, например пакура-кура, особенно заметная из-за ярко-оранжевого пятна на черном хвосте. Но какой смысл ловить рыбу, мясо которой не особенно вкусно и

* Урсинны — вид морских ежей. — *Прим. перев.*

часто бывает ядовитым, не говоря уже о том, что размеры ее не превышают величины кисти человеческой руки? Смешно терять на нее время. Зато как почетно поймать питику* или еще лучше тенгу-тенгу**. Мато давно научил Матаоа подбираться к ним. Эти рыбы с великолепной окраской, время от времени мелькавшие в волнах прибоя, питались мелкими животными, оторванными морем от коралла. Их хвосты, зеленые или голубые, иногда били по воздуху над пенящейся поверхностью моря... Казалось, они не обращали внимания на то, что происходит на берегу, но при малейшей опасности моментально исчезали. К ним можно приблизиться, когда волна отступает и внимание рыб отвлечено борьбой с уносящим их течением... Этим надо воспользоваться, чтобы занять удобную позицию... Если вы не успели этого сделать, то не шевелитесь, будьте неподвижны, как скала, и, прежде чем двинуться вперед, ждите, пока волна снова отхлынет (и так два раза, а если надо, то и десять). Но наконец вы оказываетесь на нужном месте, с острой наготове, и, когда рыбы возвращаются с волной и принимаются за еду, ловите подходящий момент.

Тотаи утверждал, что лучше не хитрить, а бежать и колоть острой как можно скорее. Это шло наперекор всем наставлениям старших, но Тотаи ими пренебрегал. Вполне возможно, что в его жилах текла кровь поаа***. Если верить старому Амбруазу, люди с кровью поаа всегда нетерпеливы и излишне горячи, часто произносят безрассудные слова, не имеющие ничего общего с истиной, лишь бы что-то сказать... Совершенно как Тотаи! По его мнению, стыдно столько времени стоять и подстергать рыбу, не спуская с нее глаз.

Он предпочитал внезапное нападение и, не раздумывая, бежал на рыб с острой, рискуя спугнуть их. Не раз Матаоа говорил приятелю, что он лишь разгоняет стаи питики или тенги-тенги.

— Подумаешь, — отвечал Тотаи, — мало в море рыбы, что ли? Разве я оставался когда-нибудь с пустыми руками?

* П и т и к а — зеленая рыба-попугай.

** Т е н г а - т е н г а — рыба-попугай, преимущественно голубая. Выделяется большими размерами и усеченным профилем.

*** П о п а а — белый человек.

Было смешно смотреть, как Тотаи наугад бросает свою острогу! А какой хохот стоял, когда однажды он случайно наколол осторожную тенгу-тенгу величиной с полсажени, бросив, не целясь, свое оружие в убегающую стаю! В этот раз Тотаи опять кидал острогу куда попал, и Матаоа сказал Хаамару:

— Пошли палево и оставим Тотаи здесь.

Он свистнул Маори и удалился вместе с Хаамару, а другие мальчики остались с Тотаи. К тому времени, когда уровень прилива повысился настолько, что стало опасно продолжать охоту, у Матаоа и Хаамару уже было много прекрасных рыб. Тотаи ничего не сказал и казался невозмутимым, но по лицам его товарищей было видно, что они сожалели о том, что остались с ним.

* * *

Маори залаял и бросился за какой-то рыбой-авантюристкой, показавшейся на том месте, куда вода лишь начала прибывать. Там было мелко, по лодыжку, и Матаоа побежал за Маори. Это была паихере, ее легко можно было узнать по следу, который она оставляла на сверкающей поверхности. Матаоа бросил острогу два раза, но не достал до рыбы, расстояние было слишком велико. Маори тоже не догнал паихере, так как вода все прибывала. На бегу Матаоа увидел, что рыба направляется к выемке в скале, где бушевали волны: несколько ударов хвостом — и она ускользнет в открытое море! Тогда Матаоа обернулся к товарищам и сказал:

— Надо построить запруду в конце площадки.

— Запруду? Как? — спросил Пунуа.

— Натаскать к обрыву рифа камней с берега, и тогда рыбы, попавшие на площадку, не смогут с нее уйти.

— Ничего лучшего ты не придумал! — иронически заметил Тотаи. — Вместо того чтобы играть и ловить рыбу, придется много дней таскать камни!

— Мы сделаем это быстро, — уверял Матаоа.

Он посмотрел на Хаамару, ожидая его согласия, но тот опустил глаза и промолчал.

— Если хочешь, таскай сам, — бросил Тотаи. — Я не буду.

Он положил руки на плечи Пунуа и Нахеу, приблизил их головы к своей и тихо произнес слова, заставившие их засмеяться.

— Что ты сказал? — спросил Матаоа — Ты смеешься надо мной?

— Нет.

— Тогда что ты сказал?

— Ничего.

Тем не менее по глазам Тотаи и двух других мальчиков было видно, что это неправда. Нахеу в конце концов ответил:

— Ты будешь делать запруду, а тем временем Тотаи будет трогать Моеату.

Хаамару вместе с остальными разразился смехом. Мальчики постарше и молодые люди, чтобы обратить на себя внимание девушек и молодых женщин, обычно дожидались момента, когда родители, родственники и мужья были заняты своими делами далеко от деревни.

Матаоа хотел броситься на Тотаи, но овладел собой, взял острогу, подобрал рыб и позвал Хаамару:

— Пошли!

Его ровесница, девятилетняя Моеата, была единственной девочкой, которую он искренне любил. Этот Тотаи много болтает, но он ни разу не коснулся Моеаты и никогда не коснется, хотя бы потому, что она ему этого не позволит. Она рассердилась даже на Матаоа, когда он хотел дотронуться до нее. Но все равно Моеата предпочитала его всем другим мальчикам. Тем не менее по мере того, как Матаоа шагал, а рыба становилась все тяжелее и тяжелее, печаль мало-помалу проникала в его сердце.

— Ха! Прекрасные рыбы! — восхитился Викторина, рассматривая добычу, брошенную Матаоа на гравий перед кухней.

Пальцы Викторины ощупали дырку от остроги на боку питяки:

— Прямо в середину! Какой ты ловкий!

— Лучше колоть в голову, — сказал Матаоа. — Тогда рыба остается целой.

Викторина, стоявший на коленях, поднял голову и посмотрел на мальчика. С какой твердостью и достоинством он говорит! Другие бы возгордились от такой похвалы. Во всей деревне нет равного Матаоа! Техина не права, укоряя Викторину в том, что он чрезмерно восхищает-

ся мальчиком и рискует сделать его заносчивым. Она слишком строга к нему. У Матаоа и на самом деле ясная голова.

Тем временем Матаоа думал лишь об одном: поскорее увидеть Моеату. Дети собирались играть в створки раковин, примет ли она участие в игре? Мальчики и девочки толпились на площадке. Там были Хаамару, Тотай, Пунуа, Нахеу, Хитиа, но Моеаты не было среди девочек... Вот она идет! Матаоа взял горсть створок маоа* из своего панциря черепахи и побежал на площадку.

* * *

Игрой руководил Хитиа, мальчик десяти лет. Створки раковин бросали на расстояние десяти метров, они должны были упасть в круг, начерченный на коралловом песке аллеи, напротив магазина Ли Мина.

Пунуа крикнул: «Пять!», бросил — и его створка упала внутри круга.

— Пять! — объявил Хитиа.

— Десять! — возразил Пунуа, подбежав к кругу, чтобы проверить, на какую сторону упала створка.

— Десять! Десять! — смеясь согласился Хитиа.

По условиям, играющий должен был платить столько, сколько объявил, если створка падала в круг на свою выпуклую часть — это бывало значительно чаще, — и вдвойне, если на вогнутую. А вот Нахеу, игравший следующим, должен был отдать семь своих створок Хитиа, не считая той, что он бросил, объявив «семь». Нахеу сделал вид, что закрывает глаза. Он хотел показать, что способен, не глядя, попадать в цель. Сколько смеха было, когда створка упала вне круга! А как хохотали, когда Нахеу смошенничал и отдал Хитиа не семь створок, а только три, да к тому же бесцветных и тусклых, которые ничего не стоят, не то что свежие раковины ярко-зеленого, желтого и коричневого цвета.

Сначала смеялись над доверчивостью и рассеянностью Хитиа, который, казалось, не заметил и не заметит проделок Нахеу, а потом над ужимками и гримасами Нахеу, которому все-таки пришлось отдать недостающие створки.

Игра продолжалась долго. Проиграв все створки, Хитиа уступил место руководителю Тотай. Матаоа, уже

* Маоа — перламутровая раковина.

выигравший много, ожидал своей очереди и, когда она пришла, объявил:

— Десять!

Он прицелился, бросил — и его створка упала в круг на плоскую сторону. Какой красивый бросок! Почти в центр!

Матаоа не мог удержаться, чтобы не повернуться к Моеате, сидевшей в стороне на стенке из коралловых камней. Но она сделала вид, что ничего не заметила. Сама она постоянно проигрывала.

— У тебя еще есть чем играть? — спросил у нее Матаоа, после того как Тотай вручил ему двадцать створок.

Она разжала ладонь:

— Только три.

— Ладно, играй на них: может, на этот раз выиграешь.

Она стала на линию и бросила. Створка не попала в круг. Рассердившись, девочка кинула Тотай свои последние створки.

— Беги на риф, — крикнул тот ей, — и собери побольше перламутренниц, если хочешь продолжать игру. Но лучше сделай из них ожерелье, тебе больше подходит называть раковины, чем целиться!

Моеата пожала плечами и отвернулась. Ее взгляд упал на груды раковин, лежавших у ног Матаоа. Она бросилась вперед и быстро схватила пригоршню створок. С не меньшим проворством Матаоа схватил ее за руку и заставил разжать ладонь.

— У тебя их много, дай мне тоже!

— Сначала надо попросить.

— Отдай!

— В другой раз, когда ты попросишь.

Моеата не уступала, стараясь вырваться от Матаоа, но он еще крепче сжал ее руку и слегка скрутил тонкое запястье. Боль заставила Моеату выпустить створки. Тогда, обидевшись, она схватила песок и бросила в лицо Матаоа, но он с такой быстротой нагнулся, что песок не задел его. Он прямо смотрел в глаза Моеаты.

— Берегись!

Моеата нагнулась, чтобы схватить еще горсть песку, но, посмотрев на Матаоа, разжала руку. Матаоа повернулся и направился к линии — пришла его очередь кидать раковины.

Игра в створки закончилась. Девочки прыгали через веревку, сплетенную из волокна молодой зеленой пальмы. Присев на корточки рядом с ними, Матаоа наблюдал за Тотаи и Ах Сином, младшим сыном Ли Мина. Они играли в переоно, игру, напоминавшую шашки. Этот Ах Син! Он непобедим! Какие быстрые и точные ходы, хотя кажется, что он никогда не спешит. У него уже есть одна ария (пешка, которой можно ходить во всех направлениях и брать все пешки противника) и еще семь пешек, в то время как у Тотаи осталось лишь пять из двенадцати, которыми располагал каждый из игроков. Таким образом, и на этот раз Тотаи был побит в два счета, так и не успев понять, как это случилось. Он продолжал сидеть на корточках, тщетно пытаясь собраться с мыслями.

— Будешь еще играть? — спросил Ах Син.

Тотаи покачал головой и поднялся:

— Я предпочитаю другую игру. Давай лучше метать копьа.

Теперь пришла очередь Ах Сина отказаться. Маленький, худой и щуплый, он не отличался особой ловкостью.

— А ты что скажешь? — спросил Тотаи у Матаоа.

Казалось, он совершенно забыл, что утром обидел Матаоа; его голос звучал дружелюбно.

— Охотно, пойдем позовем остальных.

Хаамару, Хитиа, Пунуа, Нахеу и еще несколько мальчиков, игравших в шарики ати*, последовали за ними на опушку кокосовой рощи, недалеко от кладбища. Здесь было много свободного пространства, и мужчины в дни соревнований могли бросать копьа на тридцать метров.

Брошенные в цель самодельные копьа из веток с наконечниками, закаленными в огне, со свистом разрезали воздух. На расстоянии двадцати метров стояла мишень— столбик, а на нем кокосовый орех. У каждого метальщика был пучок копий, воткнутых в землю. Лишь немногие копьа попадали в цель, и тогда соперники и зрители раз-

* Ати— плоды дерева того же названия.

ражался приветственными криками. Нужно было обладать большим умением, чтобы пронзить копьем середину ореха, но требовалось еще большее искусство, чтобы попасть в верхушку.

Тотаи был в числе тех, кто не попал в орех ни разу. Тогда, по своему обыкновению, он стал паясничать, пытаясь таким образом убедить всех, что он и не старался попасть в цель и терпит неудачи из-за несерьезного отношения к игре. Впереди шли Пунуа, Матаоа и Туке. У Туке, мальчика одиннадцати лет, острота взгляда не уступала точности броска и сочеталась с физической силой, хотя последняя не играла в данном случае особой роли. Главное было прицелиться, найти нужное положение тела и сделать правильный бросок. Крепыш Тотаи не умел соразмерять свои усилия и расслабляться при броске: сила часто была ему даже помехой. Наоборот, хрупкий Хаамару с присущим ему изяществом делал очень красивые броски.

Постепенно игра превратилась в настоящее соревнование. Туке и Матаоа были теперь в центре внимания. Туке метал копье так хорошо, что мог с честью участвовать в состязании взрослых, но по мере того как зрители выражали все больший восторг, его движения становились все скованнее и неестественнее, и в конце концов он попал не в кокосовый орех, а значительно ниже, в столбик. Между тем Хаамару, а за ним и Матаоа попали прямо в орех. Все кричали и аплодировали. Красивая партия! Туке взял другое копье и сосредоточился, кончик указательного пальца его правой руки застыл на конце гибкого оружия. Бросок! Копье попало прямо в орех, в его верхнюю часть. Ни у кого еще не было такого меткого попадания!

— Что ты на это скажешь? — спросил он у Матаоа. — Если можешь, сделай так же.

Матаоа не принял вызова и ничего не ответил. Его невнимание задело Туке, и тот с обидой посмотрел на мальчика.

«Главное — не стараться», — говорил себе Матаоа. Он помнил наставление Мато: «Если слишком стараешься, то непременно промахнешься. Надо забыть о ставке, как бы велика она ни была».

И он, не думая о Туке, сосредоточился на том, чтобы прицелиться как следует. Взглядом он проследил за по-

летом копыя. Острие воткнулось выше, чем у Туке, в самую верхушку ореха. Лучший бросок за всю игру!

Матаоа не сказал ни слова, но Хаамару ухмыльнулся и, передразнивая Туке, сказал:

— Ну, а что ты скажешь? Сделай так же, если сможешь!

Возгласы и смех прекратились, когда Туке приблизился к Матаоа.

— Это счастливый случай, — сказал он.

— Возможно.

— Не возможно, а наверное: ты даже не целился.

— Я прицелился хорошо.

— Это везение, — повторил Туке. — Не может быть, чтобы таиоро * победил меня не случайно.

Свое заявление он подтвердил многозначительным жестом, коснувшись повязки в нижней части живота. Все мальчики, уже прошедшие через обрезание, засмеялись, и Тотаи громче остальных. Хаамару опустил голову. Матаоа посмотрел в сторону Моеаты: она отвела взгляд.

Мальчики, еще не подвергшиеся обряду обрезания, служили мишенью для насмешек тех, кто уже вынес это испытание, которого больше или меньше — в зависимости от характера — страшились все. Обычно обрезание делалось мальчикам в возрасте восьми-десяти лет. Многие из них не рассказывали своим товарищам о предстоящем событии и лишь спустя некоторое время после тамаараа, следовавшего за обрезанием, предъявляли доказательство того, что с честью выдержали операцию.

Были и такие, что тянули время, откладывали болезненную процедуру с месяца на месяц, а то и с года на год, предпочитая терпеть насмешки товарищей. Одного четырнадцатилетнего мальчика отец даже побил, рассердившись за то, что тот струсил и убежал в заросли кустарника в утро операции, и так уже откладывавшейся десять раз.

Другой при виде осколка бутылки, приближавшегося к его животу, вырвался из объятий двух своих дядьев, державших его за руки и плечи, и успел добежать до первого канала, прежде чем был пойман, изрядно побит и приведен обратно в хижину старого Темере.

* Та и о р о — необрезанный, неопрятный.

«Я не буду откладывать», — твердо решил Матаоа. У него пропала охота продолжать игру, и он ушел.

* * *

Ни Мато, ни Техины не было дома, только Викторина, напевая, гладил белье, и Моссиу сидел в своем кресле. Матаоа обратился к деду:

— Я хочу, чтобы надо мной был совершен обряд обрезания.

Викторина перестал петь и снял утюг с ткани, от которой шел пар. Моссиу поднял глаза от Библии:

— Ты хочешь? Когда?

— Завтра.

Моссиу поднялся и положил руку на голову внука:

— Ты сам должен об этом сказать Мато.

— Ха! — воскликнул Викторина, сильно взволнованный. — Моя маленькая рыбка, а ты не боишься?

Матаоа хотел было ответить, что он совсем не боится, но, подумав, сказал:

— Я немного боюсь, но это ничего не значит, я хочу совершить обряд обрезания.

* * *

Уже несколько месяцев Мато раздумывал над словами Тавиты, первого законоучителя катехизиса католической церкви на Арутаки, с которым он недавно беседовал по поводу религиозного воспитания детей. Тавита спросил у него:

— Ну, а твой Матаоа долго будет оставаться таиоро?

Про себя Мато подумал, что у Тавиты не особенно деликатная манера задавать вопросы. Но, с другой стороны, все эти служители религии одинаковы и суются в чужие дела, как в свои собственные. Однако Тавита прав: пришло время подумать об обрезании. Первый вероучитель и старый Темере были наиболее искусными в этом деле. Темере пользовался осколком бутылки, утверждая, что он режет лучше, чем старинный бамбуковый нож, но удобнее и надежнее все-таки бритва Тавиты, которую он предварительно погружал в горячую воду. Достанет ли у Матаоа смелости терпеть боль в течение нескольких минут? Не слишком ли он изнежен, как мно-

гие мальчишки этого поколения? Придется ли его уговаривать, чтобы он не боялся? Поэтому Мато очень обрадовался, хотя постарался скрыть это, когда Матаоа сообщил ему о своей просьбе. Его сомнения рассеялись, сын держался спокойно и серьезно, как и подобало в такой момент. Мато отправился к Тавите, и они договорились, что операция будет совершена на второй день будущего месяца. Несколько ближайших родственников вернутся из сектора не раньше этой даты, и они будут огорчены и оскорблены, если традиционный таамараа проведут без них.

* * *

За деревней, после нескольких минут ходьбы вдоль лагуны под тенью кокосовых пальм, тропинка приводила к ложному фарватеру, ширина которого была примерно пятнадцать метров, а глубина столь незначительна, что в любом месте можно было пройти вброд. Водная гладь оживлялась лишь в период приливов и отливов. Здесь устраивали гонки маленьких лодок с балансиrom, в изготовлении которых особенно отличался Пунуа. Они точно походили на лодки взрослых и казались сделанными по одной и той же модели. Однако что-то мешало им двигаться по воде с легкостью настоящих. В чем же дело? Пунуа сам признавался, что не знает, чем это объяснить. Неправильная регулировка балансира, ничтожная ошибка в распределении веса при выдалбливании лодки — и она переворачивалась: тонула или садилась на мель под хохот присутствующих.

Самый увлекательный момент гонок наступал тогда, когда течение увлекало за собой лодки, а мальчишки бежали по берегу и испускали отчаянные крики, как будто пироги были послушны их воле и могли следовать указаниям.

В конце пролива, в самой узкой его части, возвышалась небольшая скала, и около нее наступал решающий момент для лодок, которые не выбыли из игры, — они должны были обойти преграду и справиться со стремительным течением, разделенным скалой на два рукава. Выдерживали лодки с наиболее устойчивым равновесием, остальные шли ко дну, как только попадали в бурлящую полосу.

После окончания гонок мальчики делились на группы в зависимости от своего возраста и склонностей. Те, у кого были с собой остроги, отправлялись бить рыбу, оставшуюся в лужах после отлива. Другие собирали ракушки, а некоторым удавалось даже поймать оири.

Самым интересным развлечением была игра с оири и сухим орехом. Большие рыбы, которых взрослые мужчины били острогой или ловили на леску, были не в счет, — речь шла о маленьких оири, обитающих в углублениях в песке и в мадрепоровых кораллах близ побережья.

В прозрачной воде легко увидеть оири, плавающую у края своей норы. Стоит, однако, к ней приблизиться, как недоверчивая рыба тотчас исчезает в своем убежище. Мало того, что она прячется в очень глубокое, как у краба, укрытие, в выемке на спине у нее есть особая подвижная шпора, которой она цепляется в случае опасности за верхнюю часть норы, и тогда ее никакими силами не сдвинешь с места. Даже мальчик пятнадцати лет, ухватившись за рыбу обеими руками и приложив все старания, не смог бы ее вытащить. Но если нора не очень глубокая, можно дотянуться до оири рукой и схватить ее, прежде чем она выберет место, куда вонзить свою шпору. Только действовать нужно, не мешкая ни одной секунды.

Любопытное приспособление — шпора оири! Если придать ей вертикальное положение, ее ни за что не вернешь на прежнее место. Но стоит придавить небольшой подвижный шип у основания шпоры, как она без труда укладывается в выемку на спине рыбы.

Игра же заключалась в следующем: половину сухого кокосового ореха накалывали на поднятую шпору, чтобы она не могла вновь улечься в свой желобок, и после этого выпускали оири в воду. В таком положении она, естественно, не могла погрузиться. Получался кокосовый орех, который сам по себе плавал во всех направлениях. Какая сильная эта оири! Найдется ли мальчик, которому надоест такая занятная игра? Тем не менее ее прекращали, прежде чем рыба уставала плавать с таким грузом. Однажды на оири с кокосовым орехом напал акуленок, и рыба защищалась. Казалось, что акула хотела проглотить плавающий кокосовый орех, который бил ее по морде всякий раз, как она к нему приближалась.

Гонки лодок закончились, и на берегу лагуны к Матаоа присоединился Хаамару. Посмотрев, не видно ли где оири, он спросил:

— Правда, что ты хочешь совершить обряд обрезания?

— Да.

— Я тоже больше не хочу, чтобы меня называли таиоро.

— Тогда попроси, чтобы тебе сделали то же самое. Хаамару с минуту колебался:

— Я хотел бы пойти вместе с тобой... В тот же день...

— Конечно, я только спрошу отца!.. Знаешь что? — добавил он без перехода. — Давай сделаем вдвоем запруду!

— Какую запруду?

Хаамару был поглощен мыслью о том, что его ожидало в хижине Тавиты.

— На рифе, где однажды удрала паихере.

— Когда же мы будем ее строить?

— Если мы сейчас начнем, то закончим к вечеру.

Видя нерешительность Хаамару, Матаоа scomандовал:

— Идем! Мы возьмем с собой остроги и наловим рыбы, чтобы поесть.

Этот довод убедил его друга.

Вот когда Тотаи повеселился вовсю и дал волю своим шуткам! Четыре дня подряд Хаамару и Матаоа направлялись на риф и часами ожидали, пока рыба попадет в построенную ими запруду длиной более ста метров. Не лучше ли было оставить камни спокойно лежать на берегу? До сих пор мальчишки не поймали ни одной рыбы.

Поэтому Матаоа не удивился, когда на пятый день Хаамару сказал:

— Я не могу пойти на риф, у меня есть дело.

— Ты сделаешь его потом.

— Нет!

Матаоа внимательно посмотрел на друга:

— Боишься насмешек Тотаи?

— Все смеются над нами, мне стыдно ходить на запруду и возвращаться ни с чем.

— Хаамару, пойдем со мной, и, если мы ничего не поймаем, это будет последний раз.

Хаамару покачал было отрицательно головой, но все же в конце концов взял острогу и поплелся за Матаоа. Маори бежал впереди, весело лая.

Позже ныряльщики говорили, что видели ионо *, которые через пролив двигались в лагуну. Их было так много, что за ними не было видно воды, не менее тысячи, а может, и больше.

Матаоа не мог удержать Маори, который пришел в крайнее возбуждение при виде больших серебристых рыб, заплывших на отмель. На бегу мальчик с тревогой следил за ними. Испуганные собакой, они могут не дойти до запруды и повернуть обратно в море. Окажутся ли правильными его расчеты, и рыбы, подымаясь с приливом на отмель, пойдут по течению к запруде? Радость наполнила его: перед Маори ионо разделились на два косяка и, обойдя собаку, стремительно двинулись прямо в запруду.

В груды блестящих тел, скопившихся перед преградой из камней, не надо было даже целиться. Некоторые ионо перепрыгивали через нее и уходили в открытое море — для этого было достаточно двух-трех ударов хвоста. Большинство же металось вдоль запруды в тщетных поисках выхода. Матаоа и Хаамару набили столько рыбы, что у них болели руки. Маори хватал раненных острогой рыб ниже головы и перегрызал их хребты.

* * *

Когда Матаоа и Хаамару показались у околицы деревни, сбежались не только дети и женщины, но даже мужчины. Мальчики держали на плечах остроги, гнущиеся, почти ломившиеся под тяжестью ионо, хвосты которых касались земли. Матаоа лишь поднял брови, увидев Моеату, и прошел мимо Пунуа, Нахеу и Тотаи, не сказав им ни слова. А Хаамару бросил последнему:

— В запруде осталось еще в три раза больше рыб, пойдите и подберите их.

* Ионо — большая рыба с блестящей чешуей, изобилующая на отмелях.

Обрезание

Осмотрев Матаоа, Тавита из гладких, с закругленными краями, кусков скорлупы кокосового ореха выбрал один, наиболее подходящий для данного случая.

Он стал на колени перед мальчиком и осторожно ввел под крайнюю плоть небольшой кусочек тонкой изогнутой ореховой скорлупы. Затем он поднялся и взял из кастрюли бритву:

— Не шевелись!

— Я не шевелюсь.

— Это недолго...

Держа левой рукой сжавшийся пенис, Тавита точным движением сделал продольный разрез на плотной коже, оттянутой кусочком скорлупы. Выступило несколько капель крови.

— Вот и все, сейчас я сделаю перевязку.

Он ловко вытащил скорлупу, остановил кровотечение при помощи тампона из измельченных листьев ноно*, затем взял немного волокон кокосовой пальмы, спрессованных в своего рода тесто, и этой заживляющей мазью обложил раненую часть, прежде чем обернуть ее листом пандануса.

— Дотрагивайся до своего кокоро**, только чтобы помочиться, и держи его днем и ночью привязанным к животу... Это все. Больше ты не таиро! Скажи Хаамару, что он может прийти.

* * *

Хотя родители Хаамару были католики, а Матаоа — мормоны, обрезание обоих мальчиков должно было быть отпраздновано на большом общем тамаараа, куда приглашались все жители Арутаки.

Однако приготовления омрачились ссорой между Техиной и Мато, по-прежнему из-за моки. Мато хотел пригласить его, но Техина, как только он заикнулся об этом, обозвала его таравана. Только у таравана могла появиться подобная идея! Если моки будет присутство-

* Ноно — вид кустарника.

** Кокоро — пенис.

вать на тамаараа, она уйдет с праздника. Пусть Мато выбирает: она или моки!

Мато вспылил, и неизвестно, чем закончился бы этот спор, если бы не вмешался Викторина. Он очень рассердился: «Ну и хороши эти двое! Спорят в такой день! Где у них головы?» Существуют ли такие мужчина и женщина, которые способны понимать друг друга? Он не перенесет, если тамаараа его «маленькой рыбки» будет испорчен глупостью родителей. Он ушел и вернулся спустя полчаса:

— Я говорил с моки: он боится прийти сюда вечером.

— Кто тебя просил говорить с ним? — резко спросил Мато.

— Я сам...

Викторина повысил голос. Он решил навсегда покинуть эту хижину, если мир не будет восстановлен. Мато смотрел на него по-прежнему сердито, но в его взгляде скользнуло удивление: как? Теперь и этот махоу возражает ему и становится на сторону Техины?

— Я сказал, что мы подумали о нем, — продолжал Викторина, — и, поскольку он не хочет прийти, отнесу ему сегодня вечером его часть тамаараа... Никогда не видел более довольного человека!

Моссиу (до сих пор молчавший) поднялся со своего кресла и обнял Викторину. Затем он вновь погрузился в Библию. Мато со сконфуженным видом вышел из хижины, а Техина с Викториной занялись приготовлениями к пиршеству.

* * *

Собрали все лампы деревни, чтобы осветить площадку, заполненную народом, всюду горели гирлянды шаров ати, чей душистый дым отгонял москитов. Ночь была теплой и очень тихой.

Матаоа и Хаамару сидели рядом бок о бок и чувствовали, что их дружба стала еще крепче: они вместе бесстрашно встретились с бритвой старого Тавиты, который сейчас, сидя напротив них, за обе щеки уписывает свинину. А в этот вечер, устроенный в их честь, они разделили ритуальную домашнюю птицу, приготовленную для этого случая.

По правде сказать, они оба считали, что не следова-

ло входить в такие расходы по столь незначительному поводу. Теперь, когда все было позади, они сожалели о своих прежних страхах перед операцией, она оказалась гораздо легче, чем они думали. Самое неприятное было целый месяц носить повязку и не иметь возможности купаться в море, но зато потом они займут свое место среди больших мальчиков. Начнется новая жизнь.

Матаоа испытывал стыд при мысли, что все знают, как он выряжен под набедренной повязкой, хотя Хаамару находился в таком же положении, да и все мужчины проходили в свое время через это. Разве не смешно, что его кокоро обернут листом и подвязан к животу веревочкой? Ему хотелось, чтобы тамаараа закончился скорее, хотя он и старался принять важный вид, слушая речи старших.

Некоторое время беседа шла о религии. Голос Тавиты покрывал гул общего разговора:

— Нет ничего плохого в том, что люди жертвуют столько, сколько считают нужным. Каждый поступает согласно своей совести, никто не должен ни за кем следить.

— Но разве те, у кого больше перламутровых раковин или копры, не должны давать больше других?— спросил Тао. — Конечно, должны! А поступают ли они так? Кто их проверяет?

— Они должны поступать, как велит совесть. Им ведь хорошо известно, что бог их видит.

Этот довод, казалось, не убедил Тао.

— У протестантов знают, кто сколько дал, они жертвуют у всех на глазах, среди бела дня, — вмешался Теити, отец Хаамару. — Я это наблюдал на Хикуэру, когда там вылавливали раковины.

— Это плохо! — отрезал Тавита. — Если один дает сто, найдется другой, кто даст двести, а третий и того больше: тогда людей обуяет гордыня.

— По-моему, — возразил Тао, — самый лучший закон у мормонов — десять процентов от всего имущества. Что может быть справедливее! У тебя сто раковин, десять — богу! У тебя десять тонн копры, одну тонну богу! Кто создал раковины и копру? Бог! Ну, мы и преподносим ему в награду малую толику за то, что он нам дарит!

— А если человек ленив, — съязвил Теити, — тогда десять процентов от чего?

— Наши законы велят работать, — убежденно изрек Мато, — чтобы не рассердить бога. С лентяем никто не станет разговаривать, он не осмелится бездельничать, если только не стар и не болен.

Теити из вежливости согласился. Впрочем, мормоны и в самом деле скрупулезно соблюдали свои законы.

Но Тавита направил спор в другое русло.

— Законы мормонов хороши, — сказал он. — И никто не может их критиковать, но почему они пренебрегают религией?

Этот вопрос был постоянным предметом споров между католиками и мормонами с тех пор, как два молодых американских поаа пятьдесят лет тому назад прибыли на Арутаки проповедовать новую религию и обратили в нее несколько семей.

Чему только не обучали они! Они утверждали, что двенадцать апостолов поступили легкомысленно, позволив себе умереть до того, как они позаботились о распространении учения Христа после их смерти. По их словам, бог отец и Иисус Христос явились в Америке к поаа по имени Джозеф Смит, чтобы поручить ему исправить эту ошибку.

Приверженцы новой веры называли себя «святыми последнего дня». Поистине «святые последнего дня»! Первому законоучителю катехизиса очень не нравилось, что эти мормоны, называвшие себя «святыми», утверждали, будто они лишь возрождают христианское учение, якобы забытое теми, кто исповедовал католицизм.

По выражению лица Тавиты было видно, что догматический спор казался ему неуместным. О чем они говорят! Бог и Христос, его сын, по их словам, явились американскому поаа сто лет тому назад! Но как можно этому верить? Мормоны сами утверждали, что бог и Иисус были людьми! Людьми из крови и плоти, как любой из гостей на тамаараа, только бессмертными, разгуливающими по небу! Нет уж, лучше не говорить о религии с этими заблудшими братьями, а при случае помолиться за них.

Наблюдавший за ним Моссиу понял мысли Тавиты и улыбнулся сначала ему, а затем также Теити, Мато и Тао, чтобы каждый понял, что разговор должен принять другое направление.

Глава пятая

ПРОЕКТ КООПЕРАТИВА

— Пойди к Ли Мину и принеси брусок мыла! — приказала Техина Матааса.

Как обычно, она сказала это тоном, не терпящим возражений. Оторвав взгляд от шитья тифефе, Викторина посмотрел на Матаоа и прочел на его лице неудовольствие. Техина становилась все более требовательной и властной, она, казалось, забывала, что мальчику пошел тринадцатый год.

— Мне нужно на риф с Хаамару, пошли Тену, — сказал Матаоа.

— Я не знаю, где она, иди сейчас же!

Матаоа вышел, не ответив более ни слова. Шагая к магазину, он думал, что скоро наступит день, когда он открыто восстанет против материнского произвола. Он больше не потерпит, чтобы с ним обращались, как с ребенком. Если бы Викторина не твердил ему все время, что он должен еще немного подождать, он бы давно что-нибудь предпринял.

Войдя к Ли Мину, он увидел перед прилавком старого Амбруаза. По его физиономии было видно, что он раздосадован.

— Сколько ты записал? — спросил резко Амбруаз у Ли Мина, склонившегося над расчетной книгой.

Больше удивленный неуместностью вопроса, чем вызывающим тоном Амбруаза, Ли Мин застыл на месте с карандашом в руке. Что произошло с этим старым пьяницей? Не проспался он, что ли, после выпитого сегодня ночью или, наоборот, недопил и от этого не в духе? Впервые туамотуанец открыто дал понять, что он, Ли Мин, может неправильно записать долг. Ему хотелось ответить Амбруазу, что если он не доверяет ему, то мо-

жет не брать у него товар. Однако Амбруаз был не один в лавке, за этой сценой молча наблюдали другие покупатели, а также группа молодых людей, прислонившихся снаружи в тени к стенке: кто знает, не сочтут ли они за оскорбление его отказ продавать товар жителю деревни? Поэтому он ответил Амбруазу своим обычным тоном:

— Сахар, мыло, мука, коробка паштета: шестьдесят семь франков.

— Шестьдесят семь, а? Шестьдесят семь!

Амбруаз наморщил брови, делая вид, что производит быстрый подсчет:

— Шестьдесят семь... Ладно, запиши... Но смотри, а?... Не мухлюй... Я старый фронтовик!

Он положил продукты в свою потрепанную корзину и удалился, продолжая ворчать.

О чем-то задумавшись, Ли Мин вышел на порог своей лавки и посмотрел вслед удалявшемуся старику. Один из молодых людей выпрямился, запрокинул голову и изобразил пьющего из бутылки Амбруаза, затем, пошатываясь, сделал несколько нетвердых шагов и в конце концов упал на пыльную улицу. Все засмеялись, кроме Ли Мина, хотя эта мимическая сцена была адресована именно ему. Шхуна «Ваинианиоре» села на мель на рифе близ Рангирао, и груз, предназначенный для Арутаки, вероятно, никогда не прибудет, а там ящики с вином и спиртом, ожидаемые Амбруазом.

Весть о катастрофе принесла шхуна с копррой, которая сделала остановку на Арутаки по пути на Таити. В тот же день Амбруаз пришел к Ли Мину и осведомился, нет ли у того в запасе нескольких бутылок спирта для него, Амбруаза.

Ли Мин ответил, что нет. Тогда Амбруаз очень рассердился на Ли Мина. Достань ему бутылку спирта, и все, хоть с неба, хоть из-под земли! Вот старый сумасброд!

Амбруаз с трудом поднялся на три ступеньки крыльца и вошел в хижину, заваленную заплесневелым бельем, бутылками и пустыми ящиками. Хотя он делал вид, что происшествие у Ли Мина его не волнует, ему все же не давал покоя взрыв смеха молодых людей за его спиной. Эти маленькие мерзавцы смеют насмеяться над старым фронтовиком! Он добрался до навеса, служившего кухней, и положил провизию в маленький шкаф на метал-

лическую сетку, всю заржавленную и со следами мух. Нет ли там полной бутылки? Он мог ее не заметить среди груды пустой посуды. Амбруаз перебрал и прикинул на вес все бутылки: пустые! Вернувшись в хижину, он тяжело опустился на угол просиженного матраса. Эта шхуна на рифе! Целые недели без выпивки! Жажда его увеличивалась от сознания, что он не сможет ее утолить.

Пиа? Он может приготовить его сам, но нужно ждать три или четыре дня, пока оно перебродит! И что такое, собственно, пиа? Не больше чем вода, помои, которые хороши, чтобы напоить этих молокососов, считающих себя мужчинами, этих крикунов, лезущих в драку, если, к несчастью, им перепадет стакан вина или глоток рома. Дойти до того, чтобы ему, старому солдату, пить пиу! Человеку, видевшему столько стран после вступления в армию! По-стариковски качая головой, он сокрушался над своей печальной судьбой. А этот Ли Мин! Ореховый коммерсант! Он передразнил обычную улыбку Ли Мина и запел дрожащим тонким голосом: «Нельзя продавать спирт... Нельзя дать спирт... Нельзя...» Дурак! И подумать только, что ведь этот самый Ли Мин получает сорок процентов прибыли на каждом товаре, поставляемом на Арутаки! Господи боже мой!

Вдруг в памяти Амбруаза опять всплыл проект, который одобрил администратор Туамоту во время последнего визита на Арутаки два года назад. Конечно! Они не глупее китайца! Разве они не у себя дома? Кто, в конце концов, хозяин на Туамоту? Хотя и приближался час полуденного отдыха, Амбруаз поднялся и вышел. Он направился к вождю.

У него пересохло во рту — так много он говорил перед семью, которые собрались у Фареуа после ужина, но его красноречие не пропало даром, и Амбруаз хорошо видел по их лицам, что предложение о создании кооператива постепенно проникало в их сознание. Двое или трое из них задолжали китайцу значительные суммы и смогут выплатить их лишь из будущего сбора копры или после того, как кончится сезон промысла раковин: все их ближайшие доходы уже принадлежали Ли Мину, а они все продолжали брать у него продукты и, следовательно, увеличивать свой долг. Никто из них не возражал против того, чтобы вернуть себе независимость. Что ка-

сается других, чьи долги были относительно невелики, то идея кооператива им тоже пришлась по душе.

Они имели бы свою лавку, а это отвечало бы пожеланиям администрации Папэте. Главный аргумент Амбруаза был веский: с каждой тонны копры, отдаваемой сейчас Ли Мину в счет накопленных долгов, они, организовав кооператив и делая оптовые закупки, смогут сэкономить триста килограммов, даже учитывая стоимость фрахта и страховки груза на шхуне, доставлявшей товары из Папэте. Где же будет основан кооператив? И кто будет им заниматься? Амбруаз только и ждал этого вопроса. Он умеет читать, писать и считать не хуже Ли Мина. Он, слава богу, не дурак! Разве не был он старый фронтовик, разве администрация Туамату не одобрила бы его назначение на должность председателя кооператива? Кооператив Арутаки, подумать только! После смерти бедной его жены хижина стоит пустая, а она расположена в удобном месте. Он будет взимать небольшую, справедливую плату за ее аренду, небольшой процент с продажи, наймет одного-двух помощников, мальчиков пятнадцати или шестнадцати лет, и с богом! Каждому покупателю счет, как у Ли Мина, с одной лишь разницей: то, за что китайцу платят десять франков, в кооперативе будет стоить лишь семь! Неплохо, а?

Все еще колебались, но только для проформы.

— Пиво, вино, немного рома,— продолжал Амбруаз, — где их еще искать в дни праздников, рождений, годовщин? Их невозможно достать в такие дни, ибо продажа спиртных напитков запрещена. Но пить-то не запрещается, черт возьми! А разве нельзя сделать запас, воспользовавшись тем, что на Арутаки раз в месяц приходит шхуна? Создадут комитет, от имени которого кооператив закупит товары впрок, а затем напитки будут выдаваться по документам, подписанным председателем или его заместителем. И все пойдет как по маслу, без историй... без дураков, а?.. Ну, как?.. Не оставаться же всем в праздники и в дни рождения без рюмочки спиртного!

Ничего не получите! — воскликнула Техина, когда услышала от Мато, что совет семи и вождь решили на первой же шхуне отправить Амбруаза в Папезте с официальной просьбой о создании кооператива в Арутаки. Амбруаз возьмет с собой также список товаров, которые ему поручено привезти по подписанному несколькими главами семей обязательству отдать в обмен на товары копру и перламутровые раковины.

— Отправить Амбруаза в Папезте, нужно же такое придумать! Все мужчины здесь стали таравана, и Мато первый. Ведь он тоже одобрил эту нелепую затею, выгодную лишь одному Амбруазу, старому пьянице. Впрочем, дальше болтовни дело не пойдет!

Тем временем вопреки предположениям Техины Амбруаз, утонувший в венках из типании и ожерельях из раковин, взошел на борт шхуны, которая пришла взамен «Ваинианиоре». Добровольные плотники начали по указаниям Амбруаза перестраивать хижину с тем, чтобы в его отсутствие превратить часть ее в магазин. Отъезд старого Амбруаза и работы по перестройке дома давали пищу толкам на протяжении нескольких дней, но затем эти события были забыты. Еще будет время заняться этим, когда Амбруаз вернется.

— Если вернется! — поправила Техина. — В Папезте сколько угодно выпивки, а здесь ее не хватает!

Неотвратимая беда

Было чудо, что Теурунуи еще жив.

Больше, чем само происшествие, всех поразило то обстоятельство, что накануне Теурунуи снова поссорился с женой. Многие женщины, и Техина первая, вспомнили, что в таких случаях они всегда предсказывали несчастье. Хотя мужчины считали эти пересуды неподходящими в подобный момент, однако происшествие не могло не навести их на размышления о том, что не следует нарушать законы, завещанные предками.

В деревню, весь в крови, взывая о помощи, прибежал моки: на человека напали акулы. Все побежали за моки на риф и нашли там Теурунуи без сознания. Голо-

ва его была обвязана окровавленной набедренной повязкой. Когда он пришел в себя, Фареуа снял повязку, и все увидели страшные раны, обложенные листьями ноно. При виде их некоторые женщины принялись охать и причитать, и жену Теурунуи увели подальше от ужасного зрелища. Моки робко держался в стороне, но Фареуа растолкал толпу и подвел его к распростертому телу, дружески обняв за плечи. Это он, моки, собрал листья ноно и наложил повязку на искалеченную голову пострадавшего, прежде чем пойти за помощью. Если бы моки не оказал Теурунуи первой помощи, тот был бы уже трупом. Раненого унесли. Фареуа ласково попросил моки рассказать со всеми подробностями, как произошло несчастье.

Теурунуи часто приходил ловить рыбу на это место, где коралловая площадка круто обрывалась в море. Сюда легко добраться пешком, и здесь все время проходят косяки парай. Он нанизывал добычу на острые ветки сука, прочно вбитого в углубление на отвесном берегу. Нырять он около обрыва, на глубоких местах, но не отдалялся от площадки и в случае опасности мог легко на нее выбраться. Время от времени он появлялся, чтобы подвесить пойманных рыб за жабры, а затем возвращался в воду. Моки рассказал, что он видел. Он некоторое время наблюдал за Теурунуи, который выныривал с парай на конце остроги.

— Он нырнул еще раз и снова показался на поверхности, но теперь не с парай, а с большой паихере, которая очень сильно билась. Теурунуи было трудно удержать такую рыбу, и, кроме того, ему приходилось отгонять акул, плававших вокруг. Однако ему удалось нащупать ногой берег. И вот в тот момент, когда он вытащил рыбу на сушу, он споткнулся. Выпустив острогу, он схватил вырывавшуюся паихере и прижал к груди, но не удержался и упал в море вниз головой. По воде забили акулы хвосты, руки и ноги человека. Он подался назад, ухватился за коралл и стал карабкаться по нему, защищаясь от акул... Наконец он выбрался на сушу, голова его вся была в крови... Он упал... Я подбежал к нему,— заключил моки.

Позже, когда Теурунуи смог говорить, он подтвердил рассказ моки. Несколько акул вертелось вокруг, стараясь, как обычно, стащить рыбу с конца остроги. Когда

он упал с паихере, они не ушли и тотчас ринулись на него. Защищаться было поздно. У него потемнело в глазах, он почувствовал, что голова его словно разламывается на куски.

Вот так история! Голова Теурунуи, наверное, осталась бы цела, если бы он не схватил паихере обеими руками. Эти акулы страшны, когда возбуждены! Та, что напала первой, охотилась только за рыбой, но набросилась и на Теурунуи.

В общем, случай самый обыкновенный. Но к подобному умозаключению пришли только мужчины, а у женщин была своя точка зрения: Теурунуи отправился рыбачить после того, как снова побил жену. Не думал ли он, что это всегда будет сходить ему с рук? Он смеялся над теми, кто не раз предупреждал его, что быть беде. Пусть теперь смеется!

Отрочество

Как вырос и окреп Матаоа за последние недели! На губе пробивался пушок, на теле мальчика тоже появились волосы. Его голос изменился, манеры стали иными. Тринадцать лет! «Маленькая рыбка» становилась мужчиной! Знал ли он женщин? Как его об этом спросить? Такой самолюбивый и скрытный, захочет ли он ответить? Но кто еще может задать такой вопрос? Техина? Из-за излишней строгости она все больше теряла контакт с сыном. Моссиу? Святой человек не сумеет найти нужные слова. Что касается Мато, то этот увалень склонен предоставить событиям идти своим чередом, не вмешиваясь в них. Быть может, Тао? Но тот предпочитает не касаться этой темы, боясь, что разговор перейдет на его отношения с женой, которая до сих пор бесплодна.

Следовательно, придется Викторине самому заняться своим молодым племянником. Ведь именно в этом возрасте появляются дурные привычки. А эта Моеата, кажется, способна лишь томить своего Матаоа... Правда, ей только тринадцать лет, хотя она обладает всем, что надо для мужчины. Викторина, погруженный в свои мысли, вышел из хижины и оказался лицом к лицу с Матаоа.

— Посмотри на пу *, я нашел ее на рифе!

— Какая красивая!

— Это тебе.

— Как ты мил! — Момент был благоприятным, и Викторина решился.

— Ты уже испытал типера **?

— Нет еще, — признался Матаоа с сожалением.

— Так чего же ты ждешь? Ты думал об этом?

Мальчик опустил голову и не ответил. Чего хочет от него Викторина?

Он знал, что Викторина помог Хаамару, Тотаи, Туке и многим другим мальчикам; может, сейчас он решил взяться за него?

— Это надо сделать, — настаивал Викторина, — если хочешь, я поговорю с Тоуией.

Матаоа подавил смех. Толстая, старая Тоуиа! Странная мысль! Но в то же время он почувствовал облегчение, ибо самое неприятное уже миновало: он давно ждал подобного предложения от Викторины. Товарищи предупреждали его, что рано или поздно это должно произойти.

Викторина испытующе взглядывался в его лицо. Правильно ли он поступил, задав этот вопрос? Конечно, Тоуиа не могла показаться мальчику привлекательной, но что за важность? Будучи уже два года вдовой, эта опытная женщина просвещала многих мальчиков, а те оказывались способными учениками и в дальнейшем приходили к ней без приглашения.

— Ну, что ты скажешь?

— Я не знаю.

— Сходи к ней по крайней мере один раз. Все мальчики так делают.

Каково! Значит, доходившие до него слухи справедливы! Мальчики часто хвастались тем, что они проделывали с девочками, но ничего не говорили о пожилой Тоуие!

— Туке делал?

* Пу — морская раковина.

** Типера — шуточный эвфемизм для обозначения любовного акта. Вообще-то «типера» означает «стол». Эвфемизм возник благодаря тому, что молодой человек, застигнутый ревнивым мужем, сказал: «Я пришел починить стол».

- Конечно.
- А Тотай?
- И Тотай тоже.
- Ты уверен?
- Что за вопрос.

Матаоа убежал, смеясь. Викторина был счастлив. Сегодня вечером он поговорит с Тоуией.

* * *

Какая странная вещь: с той ночи, когда он тайком, пока все спали, покинул семейную хижину и познал Тоуиу, он чувствовал себя совсем другим, а потому и Моеата стала в его глазах иной. Она заметила это и сказала:

- Что с тобой? Ты изменился.
- Может быть.
- Нет, на самом деле изменился.

Ей удалось на несколько минут ускользнуть из-под надзора своих родителей и встретиться с ним за кладбищем в кокосовой роще. Они уселись рядом за развалинами старинного марае*, чтобы их не могли увидеть.

Его не тянуло к разговорам. Сердце билось как-то совсем необычно. Ему и раньше много раз хотелось коснуться Моеаты сквозь одежду, но не так, как теперь. Никогда его желание не было столь определенным. Он еще ближе придвинулся к ней. Едва почувствовав это, она вскочила, рассерженная:

— Ты — как другие!

Он тоже поднялся:

— Какие другие?

— Все, все вы!..

Он никогда не видел ее такой. Она даже подурнела от гнева. Расстроенный, он не знал, что сказать:

— Ты обиделась?

Она топнула ногой и плюнула на землю:

— Я не хочу больше тебя видеть!

Что с ней произошло? Как все изменилось между ними! Она просто не любила его, вот в чем истинная причина. Она была хороша с ним, пока он ей во всем потакал, а стоило ему сделать что-нибудь вопреки ее желанию, и она сразу становилась злой. Он успокоился:

* М а р а е — надгробный памятник.

— Хорошо, ты меня больше не увидишь. Может, думаешь, мне от этого будет хуже? У меня также нет больше желания видеть тебя, ты злая и глупая. Уходи!

Она кинулась к нему, чтобы расцарапать ему лицо, но он грубо схватил ее запястья и сжал. Они стояли друг против друга. Он вновь почувствовал неистовое биение сердца от прикосновения ее груди. Слезы показались на глазах Моеаты. Она вырвала руки, повернулась и убежала.

* * *

Викторина вывернул фитиль лампы и посмотрел на Матаоа. Он сразу понял, что мысли мальчика далеко. Что произошло с его маленькой рыбкой? Матаоа не поднимал глаз и почти не дотрагивался до еды. Он совсем не слушал то, что говорили его родители и маленькая сестра.

— Знаешь что? — весело сказала Тена. — Я накормила совсем маленького кавека*.

Казалось, Матаоа не слышал. Проглотив последний кусок пое**, он улизнул, не произнеся ни слова за весь обед.

— Что сегодня с Матаоа? — спросила Техина. — Вечно витает неизвестно где! Я думаю, ему следует отправиться в сектор за копррой, а не болтаться по деревне без дела.

Мато согласился без особого энтузиазма и, зевая, поднялся. Моссиу положил руку на Библию.

Викторина был возмущен. Эта Техина! Больше она не сочла нужным ничего сказать! Некоторые родители забывают, что сами были молодыми.

— Убери со стола! — сказал он Тене и вышел из дому.

Матаоа стоял, прислонившись к стене прачечной, и бросал куски коралла в море.

— Что с тобой?

— Ничего.

— В самом деле?

Матаоа продолжал молчать.

* К а в е к а — морская птица фрегат.

** П о е — крахмал, сваренный с мякотью фруктов, чаще всего плодов папайи, называемой также дынным деревом.

— Ты ничего мне не скажешь?

— Оставь меня...

Делая вид, что это его обидело, Викторина воскликнул удрученно:

— Вот как! Что я тебе сделал плохого?

Матаоа вздохнул: так или иначе Викторина всегда достигал своей цели.

— Моеата.

— Ну?

— Мы поссорились.

— Опять! Уж эта Моеата! Почему?

Матаоа пожал плечами.

— Ты не хочешь сказать?

— Она сказала, что я — как все другие, что я думаю лишь о том, чтобы трогать ее.

— Она не хочет?

— Иногда хочет, немного, но сегодня она рассердилась. Она не любит меня.

— Ах, вот в чем дело! — Викторина на мгновение задумался. Конечно, эта девчонка любит Матаоа, но как порядочная девушка. Можно не беспокоиться, мать ее воспитала как полагается и запугала всеми ужасами греха. Моеата была не только доверчива и послушна, но и немного мистически настроена. Когда она пела гимны в церкви, казалось, что ее душа возносится на небо.

— А к другим девочкам ты прикасался в последнее время?

— К Тавине, но немного... Она сама начала...

Ненормальная Тавина! Эта девочка тринадцати лет трогала всех мальчиков, а потом говорила, что они сами к ней пристают. Все это знают, и никто ей не верит. Сколько раз отец Тавины нещадно избивал ее и угрожал выдать замуж за моки? Ничего не помогало, она начинала все сначала. В теле этой девочки сидел черт! Наверное, она всем, кто хотел ее слушать, рассказывала, что Матаоа тискал ее, и это дошло до ушей Моеаты. Маленькая глупышка была просто ревнива, но из гордости не хочет в этом признаться.

— Знаешь что? — сказал Викторина твердо. — Забудь эту ссору, она не имеет никакого значения.

Матаоа быстро, с надеждой взглянул на него:

— Ты думаешь?

— Я уверен!

Для вечернего собрания на площадку принесли лампы, некоторые настраивали гитары и укулеле.

Ирити Мэна То Хаамарамарама,
Ирити Мэ-На То Пиа Тереветэ,
Э Ра Мэ Те Иоре Нее Ату Неи.

Открой мне твое окно,
Открой же мне твою хорошенькую комнату,
И тогда крыса войдет на четырех лапах.

Голос и игра Тоуии выделялись в хоре и оркестре, состоявшем в тот вечер из трех гитар и двух укулеле. Как Тоуиа играла на укулеле! Она играла на инструменте, вырезанном из дерева миро* ее покойным мужем: теперь никто не умел делать такие укулеле. «Как нашел он время изготовить подобную вещь? — шутили люди. — Разве он не был всегда занят тем, что делал детей?» Какая веселая эта Тоуиа, сколько в ней задора! Характером она была моложе самого младшего из своих восьмерых детей, а сколько бы у нее их было, если бы несколько не умерли в младенческом возрасте?

Она повторяла музыкальную фразу и столь выразительно передавала мимикой испуг, как будто слова песни имели к ней самое прямое отношение.

...И крыса снова войдет на четырех лапах! У-у-у!

Танцоры разразились смехом, и некоторые молодые люди бросали при этом иронические взгляды на стариков, сидевших на корне доу**.

Казалось, старики наслаждались теплой ночью и музыкой, но в действительности они присматривали за молодежью. Не лучше ли им отправиться спать? Они и так хорошо знали песню моторо***, припев которой повторяла Тоуиа: они и сами пели ее в молодости. И не

* Мир о — низкорослое дерево с очень твердой древесиной.

** До у — порода дерева.

*** Сделать моторо — тайком проникнуть ночью в хижину к девушке или женщине, в то время как ее родственники спят рядом или невдалеке.

только пели... Тавита? Первый вероучитель однажды хвастал, что в пятнадцать или шестнадцать лет был королем моторо! Неужели они все забыли? Они завидовали мужчинам, ибо сами уже давно ими не были. Потому-то старики так строго следили за своими дочерьми и внуками.

Некоторые пытались вернуть себе молодость, принимая три раза в день настой нути* — истолченные молодые листья, вымоченные в молоке кокосового ореха. Три раза или десять — это не делало их способными хоть раз переспать с женщиной! Старые безумцы! А чему они могут помешать? Когда наступает ночь, почти все юноши стремятся совершить моторо и рано или поздно добиваются своего. Даже самых подозрительных родственников в конце концов смаривал сон. Правда, они оставляли зажженную лампу, чтобы при пробуждении узнать злоумышленника и по крайней мере отколотить его как следует... Но почему нельзя через окно бесшумно погасить лампу, задув огонь с помощью длинной трубки из папайи, загнутой на конце? Ночью, в темноте, даже если присутствие парня в хижине будет обнаружено, то пока все окончательно очнутся от сна, он будет далеко! А девушка скажет, что она только что проснулась и не узнала нахала, который пытался к ней проникнуть. Наиболее настойчивым из парней иногда приходилось ждать предрассветного часа: тогда, говорят, сон особенно крепок.

Самое трудное было подружиться с собаками, чтобы они не поднимали лая. Туке целых два месяца каждую ночь кормил собаку костями и рыбьими головами. Под конец она встречала его как своего и даже не поднималась с места, получив очередную порцию. И Туке совершил моторо с Терой, родители которой были уверены, что собака искушает каждого, кто посмеет перешагнуть порог их хижины. Уж этот Туке! Однажды ночью он ошибся и лег рядом с матерью. А муж ее в это время храпел. Вы думаете, Туке растерялся хоть немного? Он подал проснувшейся женщине знак молчать и, убедившись, что дочь крепко спит, сделал с матерью именно то, что вы думаете! В одну прекрасную ночь он ошибется еще раз и ляжет с бабушкой!

* Нути — дикорастущий куст.

Проклятый Амбруз

Грузовой приказчик «Ваинианиоре» прыгнул на пристань и, обращаясь к Фареуа, отрицательно покачал головой:

— Ничего! Я обыскал весь трюм, там товар вроде того, что мы выгрузили.

Вот так история! Вождь и члены совета семи смущенно переглянулись. Этот старый Амбруз привез лишь множество бутылей вина, ящиков с пивом и спиртом. Ни продуктов, ни товаров, ни одного мешка с рисом или сахаром! Что с него возьмешь? Он был совершенно пьян, его пришлось поддерживать с двух сторон, чтобы свести на берег. Амбруз сообразил, где находится, лишь когда его как следует встряхнули. Тогда он наконец узнал Фареуа и членов совета семи и заключил их в свои горячие объятия.

В тени под листвой доу собралось много людей, наблюдавших эту сцену. Некоторые смеялись, но остальные смотрели неодобрительно и сердито.

Амбруз повалился на мешки с копррой. Фареуа и один из совета семи взяли его под руки и попробовали поставить на ноги. Его шатало. Разве можно чего-нибудь добиться от человека в таком состоянии? Однако нужно было как-то выяснить обстановку. Ведь еще давно решили в день прибытия грузов устроить праздник по поводу открытия кооператива.

— Где же товары? — спросил Фареуа.

Амбруз тупо посмотрел на него и, заикаясь, пробормотал нечто невразумительное. Фареуа с минуту стоял озадаченный, затем вторично задал вопрос, на этот раз таким громким голосом, что Амбруз вздрогнул и несколько пришел в себя. Его лицо выразило крайнее негодование:

— Эти идиоты в Папэте!.. Все отправили в Апатаки... На другом судне!

Техина воскликнула, обращаясь к присутствующим:

— Прекрасное начало! Хороша организация! А я что говорила?

Некоторые кивали головой в знак согласия. Но Фареуа и членов совета семи, казалось, это объяснение удовлетворило. Апатаки... Арутаки... Почти одно и то же! Не так уж редки случаи, когда товары засылают

в другое место. Это обычное явление. Они не пропадут и рано или поздно вернуться на Арутаки. Бывают же ошибки, не так ли? Может случиться со всяким.

— Да, ошибка, еще бы! — вмешалась Техина. — Почему же вино и ящики с пивом и спиртом не отправлены по ошибке на Апатаки? Кооператив пьяниц!

Техина несколько пересолила, но по сути была права.

Тем временем Фареуа велел отвести Амбруаза домой, а сам пытался успокоить Техину:

— Безусловно, это ошибка, все выяснится завтра, когда Амбруаз протрезвится.

— Если мы будем ждать, пока он протрезвится, не видать нам ни сахара, ни риса! Легко сказать, ошибка, а кто это докажет?

Фареуа нахмурился и ушел. Поистине жена Мато начинает вмешиваться не в свои дела и слишком громко разговаривает. Кто вождь, в конце концов?

А что сказал по поводу всей этой истории китаец? Ни слова. Он поздоровался с Амбруазом как ни в чем не бывало. С помощью двух своих сыновей, таких же спокойных и сдержанных, как он сам, он немедленно принялся отбирать товары, предназначенные для его лавки, и следить за их разгрузкой.

Хижина Амбруаза тоже походила на лавку: полки, шкафы, прилавки... Но класть туда было нечего!

* * *

Мальчики притаились за стенкой, окружавшей хижину Амбруаза. Нахеу поднял было голову, но Матаоа тотчас схватил его за плечо и заставил присесть: он что, хочет, чтобы их заметили? И тогда долгое ожидание окажется бесполезным? Смотреть можно только через дыру, хотя это и не очень удобно. Пусть побольше вытянет шею или запасется терпением, как другие!

Вдруг Тотаи дотронулся до колена Матаоа и прошептал:

— Тихо, вот он!

Наконец! Старый Амбруаз вышел из хижины! Они боялись, что он все утро проваляется пьяным, а они останутся ни с чем.

Как они и ожидали, Амбруаз направился туда, где

в саду стояла уборная. Ночью, убедившись, что он крепко спит, они перенесли это небольшое сооружение далеко в кокосовую рощу. От уборной осталась лишь яма. Моргая на солнце глазами, Амбруаз в недоумении остановился перед ней. Ну и выражение появилось у него на лице! Невозможно было удержаться от смеха! Туке обеими руками зажал себе рот, а Матаоа кусал губы, чтобы не расхохотаться. Амбруаз с ошеломленным видом оглядывался вокруг, не узнавая своего сада, и, наверное, думал, что еще не протрезвел. В конце концов он тупо уставился в зияющую яму. Это было слишком. Мальчики прыснули.

Амбруаз услышал шум и обернулся. В трещине стены мелькнула мальчишечья фигура. Он все понял. Маленькие негодяи! Так поступить со старым фронтовиком! Значит, нельзя даже воспользоваться уборной? Вот как уважают председателя кооператива! Они думали посмеяться над ним! Ладно, они увидят.

Он демонстративно повернулся спиной к стенке, за которой прятались его преследователи, спустил свою набедренную повязку и присел на корточки, выставив на обозрение противнику свой толстый морщинистый зад. Ну, что? Кто теперь будет смеяться, он или эти маленькие болваны? Его охватил приступ старческого смеха, и он чуть не свалился в яму.

* * *

В это утро по дороге к Фареуа Амбруаз с неудовольствием обнаружил, что встречные приветствуют его очень сдержанно. Ему было не по себе от их насмешливых, а то и недружелюбных взглядов. Из какого-то окна до него донеслось: «Апатаки... Арутаки... Ошибка, только не со спиртом и пивом!» Затем послышался взрыв громкого хохота.

Однако Фареуа и члены совета семи, внимательно выслушавшие его, ничем не дали понять, что эта история с затерянными ящиками может хоть сколько-нибудь повлиять на их дружбу и уважение к нему. Легко критиковать тем, кто сидел дома и занимался своими делами. Может, они думают, что у них получилось бы лучше, будь они на месте Амбруаза? Конечно, нет. Разве

не благодаря ему жители Арутаки обзавелись своим собственным кооперативом?

К тому же он прекрасно все объяснил. Ясно ведь, что ошибка произошла по вине оптовиков в Папэте. Этот толстый китаец не понял того, что сказал ему Амбруаз, или передал приказание служащему таким образом, что поино* перепутал атоллы! Почему такой ошибки не произошло с напитками? Да потому, что они были закуплены у другого торговца, у попаа, который знал, что в архипелаг Туамоту входят атоллы со схожими названиями: Арутуа и Аратика ... Такапото и Татакото... Потому что надо быть осторожным, как бы не спутать Апатаки с Арутаки. Таким образом, бутылки и ящики с напитками были погружены на нужное судно. Проверил ли Амбруаз, весь ли груз на борту? Конечно, что за вопрос! Оба груза: и спиртное, и продукты? Конечно, оба! Он спросил у грузового приказчика, погружены ли ящики для Арутаки?

— Да, — ответил приказчик.

— Всего тридцать ящиков?

— Около тридцати.

— А мешки с рисом и сахаром?

— Тоже есть.

— Так что же случилось? — спросил озадаченный Фареуа.

— У этого судового приказчика все смешалось в голове, и он сосчитал ящики со спиртным вместе с мешками, тоже предназначенными для Арутаки... Но для Ли Мина!

Все было ясно. В конце концов, какой убыток принесло это жителям? Ждали же они столько времени кооператив! Придется им еще какой-то срок пользоваться услугами Ли Мина, зато в их распоряжении будут пиво, вино и спирт, распределением которых займется кооператив. Это очень важный вопрос, и его надо разрешить как можно быстрее, а потом уж вернуться к ящикам с продуктами, ошибочно засланным на Апатаки.

Проголосовали, что совет кооператива (в составе Амбруаза, Фареуа, совета семи и еще двух людей — Аману и Тикея) после обеда соберется в хижине Амбруаза.

* Поино — идиот.

На следующее утро, оказав необходимую помощь раненым, Темере почувствовал желание потолковать со своим старым другом Моссиу и отправился проведать его. Оба они были наиболее горячими приверженцами учения Святых последних дней. Во что превратится это учение, если люди, управляющие Арутаки, не станут соблюдать наставления? Что из этого может получиться? Как все, Моссиу еще вечером узнал о случившемся, но в устах Темере события приобретали особый смысл.

Какой скандал! Какой стыд! Эти люди из совета кооператива с Амбруазом и самим Фареуа пили почти всю ночь напролет! Обеспокоенные жены пришли к хижине Амбруаза, где все происходило. Что же сделали мужчины? Может, возвратились домой в сопровождении своих жен? Ничуть не бывало: они зазвали их и пригласили выпить.

— Это не запрещено, — твердили они. — Запрещено только продавать спиртное... А здесь что продается? Ничего!

Некоторые женщины дали себя уговорить. В конце концов все опьянели — и мужчины и женщины. Кое-кого стошнило, кто-то заснул в собственной грязи, поднялся сильный шум.

Возобновились старые, давно забытые распри. Посыпались упреки, обвинения, оскорбления. А потом и удары. Что сделала супруга Аману, обычно такая кроткая? Эта сильная толстая женщина, не долго думая, бросилась на жену Тикеи, которая не могла защищаться, и начала ее колотить! Что сделал Тикеи? Он стал между ними и грубо оттолкнул разъяренную фурию. Тогда Аману кинулся на Тикеи и принялся его бить. Тикеи получил ранение в голову, потекла кровь. Началась общая драка, все орали, как скоты! Фареуа и кто-то еще пытались прекратить баталию, но слишком поздно. Вот что делает выпивка с мужчинами и женщинами, обычно спокойными и мягкими... Пука*! Пука и ори**!

Моссиу покачал головой и долго раздумывал.

— Бог накажет их, — сказал он наконец. — Они знают, что не должны вести себя, как скоты.

* Пука — свинья.

** Ори — собака.

Предсказание Моссиу частично сбылось. В течение нескольких месяцев, последовавших за дракой у Амбруаза, произошло больше преждевременных родов, несчастных случаев и смертей, чем обычно бывает за целый год. Темере, имевший склонность к душеспасительным речам, не раз предупреждал людей о том, что их ожидает, если они еще раз навлекут на себя гнев бога. Тавита, хотя и исповедовал другое учение, подтверждал слова Темере: поведение его односельчан было греховным с точки зрения обеих религий.

Однако не только те, кто предавался тогда у Амбруаза пьянству и участвовал в драке, отдавали дань божьему гневу. Расплачивались и невинные, как те двое новорожденных, что умерли один за другим за несколько дней. А с Аману произошел удивительный случай! Как тут не поражаться! Ведь не кто иной, как Туке, сын Тикеи, спас жизнь Аману. В какой-то мере этот несчастный случай — свидетельство того, что бог наказывает грешника, а затем являет ему милосердие. Аману был жестоко наказан, а потом прощен, ибо после несчастного случая он пошел к Тикеи, чтобы попросить извинения за то, что ударил его в пьяном виде, и поблагодарить за добро, сделанное для него сыном Тикеи.

Взволнованный Тикеи обнял Аману. Он преподнес ему красивый панцирь черепахи и, указав на еще свежий шрам на лбу, сказал:

— Ты только рассек мне кожу, но не поранил голову.

И показал на свое сердце:

— Там ты и вовсе ничего не поранил.

— Вот как должны поступать настоящие туамотуанцы, — заявил с удовлетворением вождь Фареуа на заседании совета семи, когда разговор коснулся смертей и несчастий, обрушившихся на Арутаки, и в частности случая с Аману.

Аману поставил лодку подальше от волн, с силой разбивавшихся о внешний риф во время прилива, и нырнул с остройгой за рыбой. Он наколол большого тону*, но тот сорвался с острия и укрылся в трещине берегового сброса. Волны так разбушевались у рифа, что трудно

* Тону — гигантский морской окунь.

было что-либо разглядеть, и сначала Аману не решался приблизиться к обрыву. Но в конце концов он отважился и увидел раненую рыбу. Чтобы достать ее, он проник в широкую щель в коралле, на дне которой лежал тону. Вдруг громадная волна подхватила Аману и бросила его на стенку. Тотчас он почувствовал страшную боль, как будто тысячи ножей пронзили его. Сердце его остановилось, и он потерял сознание.

Наверное, он утонул бы, если бы молодой Туке, рыбачивший на площадке, не заметил в пене прилива острогу, а затем Аману. Он бросился в море и схватил бесчувственного Аману. Их обоих ударило волной о риф, но Туке не чувствовал ни ударов, ни царапин и в конце концов выбрался с Аману на сушу. Он оттащил его подальше от волн. Туке был весь в крови, но его заботил лишь Аману. Что с ним? Серое лицо сведено судорогой, зубы сжаты. На Аману страшно было смотреть. Спереди на теле тяжелых ран не было. Туке перевернул Аману. Вся его спина страшно вспухла. Туке понял, что это от укусов тарамей*. Он оттащил Аману туда, где прилив не мог его достать, и побежал в деревню. Он взял свою лодку, чтобы выловить в лагуне тарамею, и сумел доставить ее Темере даже раньше, чем успели принести Аману в его хижину. Благодаря присутствию духа у Туке Темере сразу же смог оказать помощь раненому. Он перевернул тарамею, снял с нее кожу, извлек жир, обмазал им спину Аману и стал ее массировать. Вскоре Аману пришел в себя. Он испытывал страшные мучения, но постепенно лекарство оказало свое действие: жир тарамеи обезвреживает действие яда, содержащегося в шипах на ее спине. Аману был спасен.

Но ничто не могло спасти шестилетнего Тавату и его младшую сестренку Реву. Думали даже, что погибнут от отравления их отец Техива и мать Роуи. Рыба апуреру, которую они съели, до сих пор никому не причиняла вреда, по крайней мере та, что ловили у берега в районе пролива (именно там Техива поймал ее на удочку). Быть может, она приплыла из лагуны, и тогда меньше уверенности в том, что она съедобна. Однако апуреру обычно отличается неподвижностью. Тут трудно сказать что-либо определенное. Отныне никто не будет есть апуреру.

* Т а р а м е я — ядовитая морская звезда.

Темере часто удавалось помочь при подобных отравлениях, и он обучил многие семьи способу приготовления необходимых снадобий. Ведь именно в секторе больше всего опасность съесть ядовитую рыбу, а оттуда не побежишь к нему в деревню за помощью. Нужно рыть землю у корней пиы*, снять с нее несколько плодов и долго варить их в кокосовом молоке. Получится нечто вроде жирного отвара, который следует выпить, а затем съесть осевшее на дно сусло. Это действует как слабительное, яд изгоняется из желудка. Но, увы, яд апуреру был слишком сильным, и дети умерли. Что касается Техивы и Роуи, то они никогда уже не станут прежними.

Поистине тяжелое время! Темере только и делал, что ходил из одной хижины в другую. Тавита знал некоторые способы лечения, но его тоже свалила болезнь, и он сам нуждался в помощи Темере. Первый вероучитель харкал кровью. Тавите следовало пить лимонный сок, смешанный с морской водой, и для него старались сохранить плоды единственного на атолле лимонного дерева.

Один молодой человек, который уже несколько месяцев мучился животом, вдруг почувствовал, как что-то лопнуло у него внутри, поднялся жар, он начал бредить, а наутро скончался. Один за другим погибли два новорожденных младенца. Перед смертью они начали задыхаться и посинели. Третьего ребенка удалось спасти, когда казалось, что спасенья уже нет. Кто мог сказать, почему этот выжил, а два других погибли? Всем троим давали отвар ина (морской еж с белыми иглами), свежее масло кокосового ореха и особым образом массировали им пупок. Некоторые считали, что дети задыхаются от того, что им неправильно перерезают пуповину. Но кто знает, как это делать иначе? Один мужчина упал с двумя мешками копры. Он поднялся без посторонней помощи, снова взвалил мешки на спину и пошел дальше. Но после этого живот его стал раздуваться, как рыбий пузырь. Пришлось ему каждый день делать массаж, чтобы вернуть кишки на место. А сколько бед обрушилось на рыбаков! Одного укусила за пятку мурена. Каждый день Темере прикладывал к большой

* П и а — вид кустарника.

страшной ране пластырь, приготовленный из четырех измельченных корней куста омау, но пострадавший еще много лет будет хромать.

Другой явился с прокушенной икрой. Ему было стыдно признаться, что его укусила акула-соня. И было чего стыдиться. Акула-соня! Но сколько он потерял крови, пока на рану был наложен пластырь из натертого просоженного кокосового ореха, смешанного со свежим маслом!

Третий был поражен шипом ската-хвостостола и жестоко мучился, так как в подобных случаях необходимо на месте и без того очень болезненного укола сделать глубокий надрез и промывать обнаженные ткани морской водой.

Что касается женщин, то о них лучше и не говорить! Одна украли лимоны у Тавиты и смешала их сок с кожурой зеленых ананасов, чтобы устроить себе выкидыш. Но она, видно, плохо поняла совет, который ей дала старуха: нужно было использовать для этой цели либо лимон, либо ананас, но никак не оба вместе! Можно было бы рассказать не одну историю в этом же роде.

Наконец время тяжелых испытаний закончилось. Старики заметили, что события жизни развиваются циклами: хорошие периоды чередуются с плохими, подобно тому как лунные ночи сменяются безлунными. Разница в том, что лунный цикл короткий, в то время как цикл жизни, благодарение богу, гораздо длиннее!

Амбруаз торжествует

Кто был самым веселым человеком на Арутаки после того, как «Ваинианиоре» пристала к атоллу? Амбруаз! Зато те, кто уверял, что никогда не увидят ящиков и мешков, по ошибке отправленных на Апатаки, имели довольно жалкий вид!

Итак, ящики и мешки пришли в целости и сохранности, и председатель кооператива, Амбруаз, сиял от гордости, отдавая распоряжения молодым людям, которые переносили выгруженные на пристань товары. Теперь мишенью для насмешек стали в свою очередь прежние хулители Амбруаза.

На другой день вождь Фареуа созвал общее собра-

ние, на котором разъяснил порядок деятельности кооператива. Из-за недавнего траура во многих семействах тамаараа по случаю открытия кооператива сейчас устраиваться не будет. Его приурочат к первой годовщине кооператива. Первый счет открыл Фареуа. Это было просто: каждый мог брать из товаров и продуктов то, что ему было нужно, обязываясь отдать их стоимость копррой или раковинами. Сколько имен покупателей, столько страниц в большой книге, которую станет вести Амбруаз. Кто-нибудь захочет узнать, сколько он должен? В любое время Амбруаз подведет итог и сообщит ему. Что касается напитков, то их по-прежнему будет распределять совет кооператива. Это дело особое.

Одного молодого человека семнадцати или восемнадцати лет попросят помогать Амбруазу, а другим вменяется в обязанность принимать участие в разгрузке шхуны всякий раз, когда она будет приходить на Арутаки, а также грузить на судно копру, отправляемую в Папезте в оплату товаров.

Все выслушали речь Фареуа с удовлетворением. Таким образом, на атолле появился кооператив, принадлежащий в какой-то степени им всем, где они смогут покупать продукты не хуже, чем у Ли Мина, но гораздо дешевле. Каждый обещал на следующий же день открыть счет и сказал несколько слов благодарности Амбруазу. Некоторые даже решили принести несколько мешков копрры авансом, в особенности те, кто не очень на себя надеялся. Лишь Техина по-прежнему скептически относилась к этой затее. За ужином, когда Мато завел речь о кооперативе, она отрезала:

— Ничего из этого не выйдет, о вашем кооперативе все забудут, а если и вспомнят...

При этом у нее было такое выражение лица, что Мато поспешил уткнуться носом в свою еду.

* * *

Надо ли позвать Темере? Викторина в тревоге и нерешительности стоял на пороге главной комнаты и смотрел на Матаоа, который лежал на циновке, животом вниз, спрятав голову под подушки. Он не казался больным, это было что-то другое. Но что? Моеата? Ссора

с каким-нибудь мальчиком? Во время обеда он ворвался в хижину, отказался есть и, ни слова не говоря, бросился на пол. Он не хотел никого видеть и слышать. Пришлось оставить его в покое. Матаоа был не из тех детей, что устраивают истории из-за пустяков. Через некоторое время станет известно, что привело его в такое состояние. В последнее время в деревне ничего плохого не случалось. Очевидно, что-то произошло у него лично. Техина внимательно посмотрела на сына, нахмурила брови и молча вернулась к столу. Викторина кусал губы, но тоже заставил себя сесть за стол.

* * *

Матаоа был потрясен обрушившимся на него несчастьем. Кто поймет и разделит его горе? Он играл с Маори, когда они оба были еще маленькими, он кормил щенка, заботился о нем, это был его лучший товарищ, более преданный и любящий, чем даже Хаамару. Слезы вновь навернулись на глаза Матаоа при воспоминании о том, как смотрел на него Маори после победы над акуленком, когда он поднял щенка, всего окровавленного, на руки. Маори, его собака! Он больше никогда ее не увидит!

Мальчик был потрясен, смерть раскрыла перед ним новую сторону человеческого существования. За несколько минут все изменилось. Какое счастье было бы вновь увидеть Маори! А раньше эта радость была доступна ему, как и многие другие радости, казавшиеся мальчику естественными и вечными. Теперь же весь этот знакомый с детства мир, который он считал незыблемым, мог рухнуть под ударом судьбы, таким же, как нападение акулы.

Маори бросился в море за рыбой, пораженной острой своего молодого хозяина. Акула схватила его и утащила. И вот Маори нет, осталось лишь горе. Внезапно мысли Матаоа обратились к Моеате. Было бы еще ужаснее, если бы не стало ее! Он отбросил подушки и сел. Всегда ли он был добр к ней? Нет, совсем нет! И вдруг он с изумлением обнаружил, что она была самым близким для него существом. Ей он доверит свое горе.

Как хорошо он сделал, что прежде всего пошел к Моеате! Они вновь стали друзьями, даже более близкими, чем прежде! Только она одна нашла нужные слова, чтобы утешить его, и с какой нежностью она их проносила! А что сказали его родители? Техина упрекнула его в излишней чувствительности. Мато посмеялся, сказав, что рано или поздно другие собаки заменят ему Маори. Викторина предложил взять щенка, в то время как даже вид чужой собаки был для Матаоа невыносим. Соседи-старики сказали: «Лучше бы твоя собака попала в желудки к нам, чем в брюхо акулы». С этого дня Матаоа стал относиться к Моеате ласковее, чем прежде, и девочка была счастлива.

Спустя два месяца после открытия кооператива у него в наличности по-прежнему оставалось лишь несколько мешков копры, привезенных в первые дни, хотя должно было бы уже скопиться двенадцать или тринадцать тонн. Члены кооператива, обещавшие пойти на участок и собрать кто десять мешков, кто тонну, кто полторы, казалось, забыли про свои обещания. Некоторые ссылались на то, что Ли Мин потребовал заплатить по просроченным обязательствам. Им, видите ли, становилось стыдно, когда китаец приходил в хижину и напоминал о долгах. В конце концов разумнее было ликвидировать задолженность ему, а потом уже приступить к расчетам с кооперативом.

Поэтому «Ваинианиоре» увезла несколько мешков от кооператива и обычный большой груз от Ли Мина, у которого, впрочем, имелось в запасе еще несколько тонн копры, хорошо укрытой от дождя и непогоды. Что скажут оптовики в Папеете, увидев, что нет ни перламутровых раковин, ни копры в уплату за товары, закупленные Амбруазом? Ну и что ж, торговцы подождут! Ведь не исчезнут же в один прекрасный день кокосовые пальмы и орехи с лица земли!

К тому же приближался сезон промысла перламутровых раковин. Сам Амбруаз не проявлял ни малейшего беспокойства, зато давние противники кооператива

начали шушукаться. Поговаривали, что Фареуа и несколько других членов совета, приходившие к Амбруазу почти каждый вечер якобы для того, чтобы обсуждать дела кооператива, на самом деле собирались там, чтобы выпивать. А не странно ли, что покупатели являлись в кооператив по два, а то и по три раза в день, забирали там разные припасы, а Амбруаз даже не открывал книгу, чтобы внести в нее стоимость продуктов? Быть может, он записывал долги потом, когда люди уходили? Во всяком случае, в их присутствии он лишь отпускал шутки, тяжело наваливаясь на прилавок, и даже не заглядывал в расчетную книгу. Впрочем, это было только к лучшему, ибо в его состоянии он мог записать на счет Теурунуи покупки Туке и наоборот, а то и удвоить сумму. Известно ведь, что у пьяного все двоятся в глазах. А молодой Тероро, так называемый помощник Амбруаза? Ему бы следовало зваться не Тероро, а Моторо, ибо ночью он бодрствовал, а днем спал или занимался рыбной ловлей. Некоторым девушкам от него много чего перепало. Ох уж этот кооператив!

Как показали последующие события, ему было суждено еще долго давать пищу для пересудов.

* * *

В тот единственный день, когда Тероро пришел в кооператив раньше первых клиентов, он увидел Амбруаза, распростертого поперек матраса. Неужели он еще пьян? Приблизившись, Тероро понял, что старику очень плохо, и сразу же побежал за Темере. Новость быстро распространилась, и вскоре у кооператива собралось много людей, ждавших, чтобы Темере сообщил о состоянии больного.

Лица у всех были печальные. Несмотря ни на что, Амбруаза очень любили. Односельчане опечалились еще больше, когда Темере вышел из хижины и движением головы дал понять, что скоро все кончится.

Старики зашли посмотреть на умирающего и, возвратившись, сообщили, что из его открытого большого рта вырывается хрип, а лицо пожелтело и казалось очень изможденным. За один только день он постарел лет на десять.

Амбруазу осталось жить лишь несколько часов. Но

вот эти часы миновали, за ними и другие, день закончился, а смерть все не приходила. Возможно, она явится ночью. Фареуа распорядился, чтобы у постели больного остались дежурные. На смену первой женщине в середине ночи пришла другая. Она была стара и очень устала стеречь смерть, которая все мешкала. Ее сменила третья сиделка. Когда занялся день, она задремала в ногах больного. Вдруг она услышала, что ее окликают по имени, и открыла глаза. Амбруаз сидел на постели, зевал и потягивался.

— Так рано, а уже столько народу! А где Тероро?

Он поднялся и прошел к прилавку. Потом спросил с удивленным видом:

— Что это вы все оставились на меня?

Вдруг он поднес руку к сердцу и упал. Его отнесли на постель и опять отправились за Темере. Вся деревня собралась перед хижиной. Темере положил мокрую тряпку на грудь Амбруазу, а другую на лоб, от чего тот пришел в себя. Открыв глаза и увидев склонившегося над ним Темере, он не нашел ничего лучшего, как разразиться смехом!

— Объясни мне, наконец, что с ними со всеми происходит? — спросил он, указывая на народ, толпившийся в хижине и смотревший на него, как на тоупапу*.

— Слушай, Амбруаз, слушай хорошенько: вчера ты чуть было не умер, ты был почти мертв.

Амбруаз посмотрел на Фареуа и понял, что Темере говорит правду.

— Ты остался жив, но это чудо. А чудо не повторяется. Если ты еще хоть раз выпьешь спирту, вина или даже пива — тебе конец!

Каждое слово входило в Амбруаза, как удар остроги.

— Ты веришь в бога?

Амбруаз утвердительно кивнул головой.

— Так вот, подпиши голубой крест**. Но, смотри, один лишь стакан — и ты не только умрешь, но попадешь в ад!

— Голубой крест?!

* Тоупапу — привидение.

** Голубой крест — организация религиозного характера. Подписать голубой крест означает: дать клятвенное обещание не пить спиртного.

Амбруаз произнес эту фразу с бóльшим ужасом, чем Темере слово «ад». Быть может, дать богу такую клятву было для него равносильно тому, чтобы обречь себя на горение в аду при жизни. Больше он ничего не сказал, подавленный безрадостной перспективой доживать свой век без выпивки. Темере молча покинул хижину, но Фареуа продолжал уговаривать Амбруаза:

— Ты должен решиться! Я не хочу видеть, как ты завтра умрешь от того, что выпьешь, и никто на Арутаки не хочет. Но если ты откажешься подписать голубой крест и ввергнешь нас в пучину стыда и горя, то я соберу совет семи, как только выйду отсюда, и мы выгоним тебя из совета.

Жалобный стон вырвался из груди побежденного Амбруаза, и он заплакал, не имея сил сдержать слезы. Наконец он успокоился и сказал, что подпишет. Он попросил, чтобы пришли забрать оставшиеся напитки: пусты они не вводят его в искушение!

Амбруаз подписал голубой крест! Воистину на памяти людей Арутаки не было события более примечательного.

Но на этом дело не закончилось!

Те, кто пришел к Амбруазу, чтобы перенести ящики с напитками в хижину Фареуа, ничего не нашли. Бутылки в ящиках большей частью были пустые! Одновременно обнаружилось, что на складе осталось очень мало продуктов. Были ли счета в порядке? Амбруаз ничего не мог сказать по этому поводу, ибо большая книга расходов исчезла. Куда она запропастилась, проклятая? Ее невозможно было найти! Как же тогда узнать, кто должен кооперативу и сколько? Быть может, книгу унес тоупау, посмеивались некоторые. Так или иначе, был неподходящий момент выяснять это, потому что старый Амбруаз лишь начал приходить в себя. Вот так задача! Как ее разрешить? Фареуа и члены совета семи напрасно искали выхода. Гораздо проще было забыть о том, что кооператив когда-либо существовал.

Оставшиеся продукты и оборудование лавки купил Ли Мин. Он намеревался расширить дело.

Глава шестая

В СЕКТОРЕ

— Знаешь что? — сказал Матаоа Моеате. — Я уезжаю с родителями в сектор.

— Надолго?

— На пять или шесть месяцев, как пойдет работа.

Все это время они не будут видеться. Девочке пришлось сделать над собой усилие, чтобы скрыть огорчение.

— А когда ты едешь?

— Сейчас, лодка уже погружена.

Они молча смотрели друг на друга.

— Я буду думать о тебе, Моеата, — с усилием произнес Матаоа.

Ему стало грустно. Разделяла ли Моеата это чувство? Лицо ее оставалось непроницаемым.

— Я приду на пристань, — сказала она.

* * *

Суденышко, влекомое течением, быстро удалялось. Вскоре Матаоа мог различить лишь три небольших пятна на пристани: Моеату, Моссиу и Тену. Тао положил руль налево, чтобы обогнуть кораллы и войти в лагуну, Мато поднял парус, и они взяли курс на отдаленную точку в океане, до которой при попутном ветре могли добраться до ночи.

Несмотря на тоску по Моеате, Матаоа был доволен тем, что едет в сектор. Первый раз родители взяли его с собой — он уже мог помогать им в работе. Жизнь в секторе совсем не та, что в деревне, наверняка гораздо интереснее. Мато рассказывал, что там рыба буквально выскакивает из-под ног, когда идешь по щиколотку в воде. Можно брать ее прямо руками. Вот было бы

раздолье для Маори. Матаоа прогнал от себя эту мысль. На борту царило веселье. Викторина был возбужден и не переставал восхищаться. Все приводило его в восторг: рыбы, плававшие почти на поверхности над коралловыми полипами; живые краски кораллов, поднимавшихся из глубины; ходкий бег судна, туго надутые паруса, струя за кормой... Мато весело переглядывался с Тао, а Техина оживленно болтала с Тепорой, и ветер подхватывал и уносил их слова.

Тепора несколько раз поглядывала на Матаоа столь многозначительно, что под конец он смутился. Но вот и приехали! Какой здесь покой! По воде разлиты мягкие краски заходящего солнца. Тапереты*, плававшие у самой поверхности, отошли на небольшое расстояние при приближении лодки, но во время разгрузки эти непуганые рыбы оставались неподалеку. Первую ночь все спали в старой хижине — ниау** на опушке кокосовой рощи. На следующий день соорудили хижины для каждой семьи в отдельности, кухню, где хозяйничал Викторина, склад для копры. Тао и Мато работали на смежных участках; продукты, керосин, улов были у обеих семей общими. Благодаря изолированности и уединенному образу жизни между братьями установилась близость, несвойственная их обычным отношениям в деревне.

Матаоа быстро научился от отца собирать и складывать орехи в кучу, а потом раскалывать их в длину несколькими ударами большого ножа. Затем орехи сортировали, отбрасывая те, у которых мякоть была недостаточно густой и белой. Если день обещал быть солнечным, то орехи оставляли прямо на земле, чтобы под лучами солнца мякоть отделилась от кожуры. При пасмурной погоде их складывали в кучу, мякотью книзу, и тогда они хорошо проветривались и высыхали за два-три дня.

Каждый вечер орехи укладывали слоями, покрывая каждый слой пальмовыми листьями, чтобы предохранить от дождя и сырости. Через три дня из них вынимали высохшую мякоть, превратившуюся под лучами солнца в отличную копру, а затем складывали ее в мешки. Матаоа научился ценить ясную погоду: от нее зависел

* Таперета — скат-леопард.

** Ниау — легкая постройка из кокосовых пальм.

сбор урожая. В деревне радовались дождю — он наполнял цистерны водой, поил цветы и освежал воздух, но здесь, на участке, он приносил лишь огорчение, ибо вредил копре. От влаги мякоть гниет и бродит; и если даже потом ее высушить, копра хорошего качества все равно не получится.

Иногда продолжительные дожди сводили на нет несколько недель работы людей. Многие, так и не дождавшись солнечной погоды, возвращались в деревню с пустыми руками.

Собирать копру довольно тяжело. Вечерами Матаоа чувствовал себя разбитым, но ни за что на свете не признался бы в этом. У него окрепли мускулы, с каждым днем он становился сильнее. Вид мешка, плотно набитого копррой, доставлял Матаоа неопишущее удовольствие. Подумать только, мешок весом шестьдесят или семьдесят килограммов стоит от четырехсот восьмидесяти до пятисот шестидесяти франков! Перед юношей открылась еще одна сторона жизни. До сих пор, садясь за семейную трапезу, он ел и пил кроме рыбы, папай, маиоре и других плодов моря или земли еще много всякой снеди и напитков, не задумываясь над тем, откуда они взялись. Их подавали на стол, как паран или фетюз, и это казалось ему в порядке вещей.

Столь же естественным казалось Матаоа существование хижины, цистерны с водой, инструментов, мебели, удочки, причем он не задавал себе вопросов, каким образом все это появилось. Теперь он знал. Он работал изо всех сил, и плоды его труда — мешки с копррой считались столь драгоценным товаром, что с Таити за ними специально приходила шхуна, а в обмен можно было получить продукты, керосин, доски, цемент, инструменты, ткани — все необходимое для жизни на атолле.

Бессознательное до сих пор чувство безопасности и уверенность в разумном порядке вещей укреплялись по мере того, как Матаоа осмысливал жизнь. Часто он думал о Моссиу. Юноша хорошо понимал теперь деда, который обращался к богу со словами признательности за то, что бог столь щедро одарил людей богатствами. Ни словом, ни жестом не выдавал Матаоа своих новых мыслей, внешне он оставался прежним, но в нем происходили глубокие изменения. Только Мато заметил, как серьезно и старательно относится сын к работе, но тоже

молчал. Несмотря на это, между отцом и сыном установилась некая невидимая связь, какой не было прежде.

* * *

То, что говорил Мато относительно изобилия рыбы в секторе, оказалось правдой.

Достаточно было, стоя по щиколотку в воде, постучать острой по краю углубления в мадрепоровом коралле, где прятались каное*, как вспугнутый рой кито** начинал виться вокруг ног. Они были сродни той рыбе, которой на атолле отравилась целая семья. Кито ничего не боялись, но на расстоянии остроги было полно и других рыб. На внешнем рифе водилось столько лангустов, что ночью при свете факелов из пальмовых ветвей, пропитанных керосином, их просто подбирали голыми руками в лужах после отлива. Мато и Тао приносили за несколько минут ныряния с острой у коралловых массивов больше рыб, чем, казалось, можно было съесть! Тем не менее их съедали.

У всех был прекрасный аппетит. Еще лучше, чем в деревне: труд сборщиков копры изнурителен, им приходится много есть, чтобы восстановить свои силы. Из огромного количества рыбы и каное, сваренных Викторией в кокосовом молоке, очень редко что-нибудь оставалось недоеденным. Другое дело — лангусты: больше одного-двух их не съесть.

В сумерки, чтобы отогнать moskitov, зажигали гирлянды шаров ати. Ужинали рано, потому что спать ложились с наступлением темноты, а вставали с рассветом. Какой покой разливался вокруг, когда заходило солнце! Перед сном, пока не слипались глаза, Викторина играл на гитаре и пел с Тепорой. Она то и дело бросала на Матаоа красноречивые взгляды.

* * *

Матаоа больше не сомневался: Тепора смотрела на него, как на мужчину, и это его волновало. До сих пор она была для него лишь родственницей, женой его дяди

* Каное — осьминог.

** Кито — мелкий морской окунь с коричневыми пятнами.

Тао, но взгляды этой молодой, плотно сбитой женщины и близость совместной жизни изменили его отношение. Тепора не упускала случая обнажить перед Матаоа красивую крепкую грудь, и вид женских грудей с широкими заостренными коричневыми сосками волновал юношу.

* * *

В этот день Мато и Тао отправились нырять на внешний риф; ветер изменился, море было спокойно, можно было легко погружаться и вместе с небольшими волнами возвращаться в глубокую выемку в коралловом плато. Видя, что Матаоа намерен идти с отцом и Тао, Тепора тоже решила сопровождать их. Когда мужчины были в море, она сказала Матаоа:

— Давай искупаемся!

Она вошла в море, поднимая фонтаны брызг. Вода доходила ей почти до пояса.

— Иди! Чего ты ждешь? Боишься?

— Я не боюсь.

— Ну так иди!

Он догнал ее. Она легла на спину, и при этом развязалась и соскользнула ее набедренная повязка. Тепора закрыла глаза и вытянулась на воде, совершенно обнаженная. Течение колебало ее длинные волосы. Матаоа, не смея пошевелиться, не отводил глаз от Тепоры. Так, в молчании, прошло несколько минут. Наконец, женщина открыла глаза, нащупала плававшую рядом парю и надела ее. Затем она погладила Матаоа по щеке.

— Приходи ко мне этой ночью, когда все уснут.

Он молчал.

— Ну, не хочешь?

— Но... а Тао?

— Тао ночью спит.

— Не всегда.

— Откуда ты знаешь?

— Однажды я видел, как он пошел в кокосовую рощу.

— А Викторину ты тоже видел?

Что она хотела этим сказать?

— Тао ходит туда с Викторинной, — уточнила она. — Потом он спит. Приходи посреди ночи. Если что будет не так, я оставляю две перекрещенные пальмовые ветки

перед хижиной, ты увидишь их в лунном свете и тогда придешь следующей ночью. Приходи!

За ужином Матаоа упрекал себя в том, что слушал Тепору. Ему было стыдно перед Тао, который ел и беседовал с Тепорой как ни в чем не бывало.

Однако Тепора все-таки приглашала его к себе, и, если верить ей, Тао по ночам оставлял ее и уходил с Викторинной.

Как это было возможно?

Выходит, у взрослых мужчин и женщин два лица: одно показывают всем, другое, настоящее, скрывают. Это возмутительно! И сам он чуть было не стал таким же! Нет, он не пойдет к Тепоре!

* * *

Однако постепенно его решимость ослабевала. Сон не приходил к Матаоа, он без конца ворочался на своей циновке, не в силах отделаться от неотступно маячившего перед глазами образа Тепоры в воде. Услышав легкий шум, Матаоа приподнялся. В просвете между пальмами он увидел, как кто-то осторожно пробирался к хижине, и при свете луны узнал Викторину. Быть может, он выходил по нужде? Тогда зачем такие предосторожности? Тепора сказала правду. Тао сам виноват в том, что она просила Матаоа прийти. Тщетно пытался он заснуть, мысли его все время возвращались к Тепоре. Наконец, он не выдержал и поднялся. Техина, Мато и Викторина крепко спали. Он прошел двадцать метров, разделявших хижины. Перед хижиной Тепоры были разбросаны пальмовые ветки, но ни одной перекрещенной Матаоа не заметил. Он вошел. Тао храпел. Тепора лежала рядом с ним на циновке и тоже, казалось, спала. Он коснулся ее кончиками пальцев, и она тотчас открыла глаза. Потом бесшумно поднялась и долго смотрела на Тао, но тот крепко спал. Движением головы она указала Матаоа на кокосовую рощу.

* * *

Несколько месяцев стояла ясная солнечная погода. За все это время дождь шел два или три раза. Собранный копра была хорошо высушена и считалась высоко-

качественной. Пора было возвращаться в деревню с урожаем, чтобы успеть к приходу «Ваинианиоре». Не было смысла оставлять копру на участке до следующей шхуны. Вывезти всю копру можно было только в несколько приемов. Собрали прекрасный урожай: почти десять тонн Тао и Тепора и более пятнадцати тонн Мато и Матаоа, которым иногда помогала Техина. Всего двадцать пять тонн! Как приятно было смотреть на туго набитые мешки, аккуратно сложенные под навесом!

Перед отъездом все занялись очисткой кокосовой рощи от кустов. Если этого не сделать, она быстро зачахнет, так как мики-мики* высасывают все соки из земли, ничего не оставляя кокосовым пальмам. Нужно было также очистить почву от гниющих растений, чтобы гниение не передалось деревьям. Иногда кокосовые пальмы поражает болезнь, листья их становятся сухими и желтыми, орехи рождаются пустыми, без сочной мякоти.

Тогда приходится переходить на другой участок, так как пальмы, пораженные болезнью, дают урожай лишь через год. Но в чем, в чем, а в участках у семьи Мато недостатка не было: наследство и приданое Техины вместе с собственностью Мато составляли целые километры кокосовых рощ.

Владения Моссиу были еще больше, и он иногда разрешал молодым людям собирать копру на его участках за арендную плату в половину урожая.

Возвращение в деревню

Как только был выгружен на берег последний мешок с копррой, Матаоа накинулся на Хаамару с вопросами. Что нового в деревне? Как Моеата? Он еще не видел ее. Разве она не заметила их лодки, идущей к проливу? Хаамару предположил, что Моеата вместе с другими девушками отправилась собирать фе-тюэ на внешнем рифе.

Что до новостей, их было не очень много. Туке и Нахеу подрались из-за девушки, но потом помирились. Сгорела хижина Аману. Ночью он услышал шум и, рез-

* Мики-мики — мелкий колючий кустарник.

ко поднявшись, перевернул лампу. Аману успел заметить, как чья-то тень скользнула из хижины, и уверял всех, что это был Тероро, пытавшийся проделать моторо с его женой. Тероро, конечно, отрицал свою вину, но даже если это и правда, то как ее доказать?

Амбураз больше не пил, но все время молчал.

Пес Тукея укусил маленькую девочку, и его пришлось убить. Ныряльщики видели в проливе таматароу*. Это все.

— А что на участке? — спросил Хаамару. — Какая-нибудь история с Викторинной?

Матаоа отрицательно покачал головой и засмеялся. При чем тут Викторина? Он горел желанием рассказать своему другу, что делал много раз с Тепорой, но благо-разумие удержало его. Разве Хаамару сможет сохранить секрет, если самому Матаоа так хотелось раскрыть свою тайну? Ведь речь идет о Тепоре, а не о какой-нибудь другой женщине. Что, если слухи дойдут до ушей Тао? Нет, он должен молчать. Он чувствовал себя старше и взрослее Хаамару. У него ведь только что была настоящая связь с женщиной, притом не с такой пожилой, как Тоуиа. Кроме того, он уже собирал копру, и они с Мато заготовили более пятнадцати мешков.

— Смотри, вон Моеата, — сказал Хаамару.

Она шла прямо к ним. Матаоа сдержал нетерпение и, спокойный, улыбающийся, направился ей навстречу с таким видом, будто они расстались накануне. Напротив, ее лицо было серьезно и сосредоточенно. Они остановились:

— Матаоа, как ты изменился!

— Правда? Хаамару ничего мне не сказал.

— Ты стал больше и сильнее, и вообще какой-то другой... Ты изменился...

Он подумал, что она права. Неужели она догадалась о том, что с ним произошло?

— Я здорово поработал! Мы привезли много мешков копры. Я мог бы один поднять такой мешок, я стал сильный!

Непроизвольно он напряг свои бицепсы и выгнул торс. Заметив это, Матаоа засмеялся и расслабил мышцы. Но Моеата не улыбнулась.

* Таматароа — рыба-молот.

— Ты думал обо мне? — спросила она.

— Да.

— Часто?

— Да.

— Я тоже думала о тебе каждый день.

Моеату позвала мать. Девочка сделала знак рукой, что идет, и серьезно посмотрела на Матаоа влажными темными глазами:

— Матаоа, не уезжай больше!

Девушка повернулась и побежала. Они виделись всего несколько минут, обменялись двумя-тремя фразами — и снова он в ее власти! Он солгал, уверяя, что часто думал о ней. В действительности Моеата занимала его мысли лишь в начале поездки и в последние дни.

Тело и ласки Тепоры вытеснили на какое-то время воспоминания о Моеате. Но девушка все время думала о нем. Она сама так сказала. Матаоа знал, что это правда, и сердце у него дрогнуло. Тепора лишь тело. Для него существовала одна Моеата.

* * *

Через неделю после возвращения у Матаоа заболел зуб. Он уже испытал однажды зубную боль, когда был на участке. Может, вырвать зуб? Матаоа пошел к Темере, и тот посоветовал немедленно удалить шатающийся зуб. По правде сказать, Матаоа не очень-то спешил, он вполне мог подождать и пришел лишь посоветоваться, но было поздно. Темере уже подвел его к скале и заставил сесть. Не мог же Матаоа признаться, что боится!

— Этот? Верхний? — спросил Темере.

Он крепко привязал к зубу очень тонкий шнурок из пальмового волокна и, не переставая засыпать Матаоа вопросами, другой конец прикрепил к большому камню. Юноша был несколько озадачен: попробуй ответь со шнурком во рту на все эти вопросы. Все же он постарался произносить слова как можно более внятно:

— Действительно, в яме на месте одного каное сразу появляется другой... Да, на участке кито выныривают прямо из-под ног.

— Правда, что вы с Мато собрали двадцать пять мешков? — поинтересовался Темере и вдруг крикнул, глядя на пролив:

— Смотри! Таматароа!

Матаоа быстро повернул голову, а Темере в тот же миг отбросил камень далеко в сторону. Матаоа поднес руку к кровоточащему рту. Зуба не было! Он остался на конце шнурка! Матаоа ничего не почувствовал, так быстро все произошло. Темере перехитрил его, потому что, само собой разумеется, никакой рыбы и в помине не было.

— Ну, как? — спросил Темере с хитрым видом. — Видел таматароу?

Матаоа, еще несколько оглушенный, быстро нашелся:

— Это была не таматароа, а фафаруа *. Разве ты их не различаешь?

Позже Темере много раз рассказывал про молодого Матаоа, которому он врасплох удалил зуб и который не растерялся, шутил и вел себя, как подобает мужчине.

— Не правда ли, неплохо сказано по поводу таматароу? — добавлял он.

И старики тут замечали, что ничто так не полезно для подростков, как тяжелый физический труд. Несколько месяцев работы на участке делали из мальчиков настоящих мужчин. Мато был горд этим и решил больше не ждать и посвятить сына в искусство ныряния.

Посвящение

Матаоа уже видел дно моря. Не только с берега или с лодки сквозь прозрачную толщу воды, но и через очки для ныряния, которые ему давали иногда Мато или Тао.

Однако он не преодолел еще полностью свою робость, и его экскурсии на дно моря ограничивались спокойными, неглубокими водами лагуны невдалеке от деревни, так что при малейшей опасности он мог сразу же выйти на берег.

Хаамару, который сопровождал Матаоа в его вылазках, тоже побаивался: разве есть хоть один уголок в море, куда не заходили бы акулы. Правда, Мато сказал, что они страшны, только -когда ранены или видят кровь. Но эти слова Мато мгновенно вылетали из го-

* Ф а ф а р у а — скат-манта.

ловы, когда вдали появлялись акулы и, большие, величественные, страшные, двигались на мальчиков. По сравнению с ними Матаоа и Хаамару сразу начинали казаться себе слабыми и маленькими. Зато какая красота под водой — ее трудно описать словами! Там все — цвета, движения, формы — представлялось совсем иным.

Наконец, Мато стал брать сына в море. Несколько месяцев они каждый день отправлялись нырять в лагуну. Рядом с отцом Матаоа научился побеждать свой страх. Тем не менее, когда Мато переставал грести и бросал якорь на глубоком месте — обычно он останавливал лодку там, где ему были знакомы каждый коралл и каждая яма на дне, — Матаоа в момент погружения всякий раз испытывал странное волнение, то состояние тревоги и душевного подъема, которое охватило его, когда перед ним впервые открылся этот необъятный волшебный мир, полный чудес.

Нырнув, Матаоа подплывал к отцу, и тот показывал ему тотару, высунувшую из-за выступа коралла курносую морду с большими беспокойными глазами, косяк желтых, как утреннее солнце, таниф *, розовых, ослепительно сверкающих хапай *, стаю татихи, странно повторяющих движения друг друга, с забавными носами, похожими на торчащий вперед палец; огромных тенга-тенга, которые двигались прямо на охотников, сверля их любопытными, недоверчивыми глазами, еще более яркими, чем их крупная чешуя.

У Матаоа разбегались глаза, и страх незаметно рассеивался. Обо всем этом он вспоминал позже, уже в лодке. Под водой не думаешь ни о чем. Или, быть может, думаешь, как рыба? Прав был Мато, когда сказал:

— Под водой и сам уподобляешься рыбе.

Одно дело смотреть в подводный мир сверху, другое — погрузиться в него, почти опуститься на дно. Первые дни невыносимая боль в ушах мешала Матаоа погружаться глубже, чем на две сажени, но он напрягал все силы, чтобы приблизиться к отцу, который, держась одной рукой за коралл, ждал его внизу, там, где плавали рыбы, и наблюдал за тщетными усилиями сына достичь дна. Мато учил его уходить в глубину, не раздвигая ног, помогая себе спокойными, медленными движениями все-

* Т а н и ф, х а п а и — рыбы из породы окуневых. — *Прим. перев.*

го тела, лишь постепенно напрягая мышцы. Тогда уши постепенно привыкают к давлению. Боль нужно было перехитрить.

Вскоре Матаоа научился погружаться на три — три с половиной сажени. Мато хвалил сына за старание, но сдерживал его зазор: часто излишняя нетерпеливость лишь вредит успеху. Не нужно торопиться и переутомляться: ведь лагуна не оскудеет и рыбы в ней хватит еще на долгие годы.

Спокойно, спокойно! Нормально развитой физически мальчик должен не менее двух-трех лет практиковаться под наблюдением опытного учителя, чтобы научиться нырять на глубину шести-семи саженей. Если, возмужав, юноша будет продолжать тренировку, он достигнет глубины десяти, одиннадцати, двенадцати, тринадцати саженей. Это, разумеется, без веревки и камня для ныряния, которые позволяют опускаться на глубины двадцати пяти, двадцати шести, двадцати семи и более саженей. Но с этими приспособлениями человек идет на дно, не прилагая для этого ни малейших усилий, в то время как ныряние, которому отец обучал Матаоа, было тяжелой нагрузкой для сердца. Ведь человек не черепаха, которая может оставаться под водой столько же, сколько на земле.

— Спокойно, спокойно! — не уставал повторять Мато.

* * *

Когда появлялась акула, Мато нырял к ней: акула уходила, и Мато всплывал вблизи Матаоа, который, хотя и относился теперь спокойно к соседству хищницы, не мог окончательно побороть страх при виде ее. Придет ли день, когда он, как отец, обратит в паническое бегство маори, дотронувшись до ее хвоста? После этого случая Мато долго смеялся. Для него акула была просто большой рыбой с острыми зубами, а он считал, что человек не должен бояться нападения рыбы. Каждая порода акул ведет себя при опасности по-своему: у маори один характер, у торире или руруни — другой, но все они отступают перед охотником, если тот, не колеблясь, идет им навстречу.

— Но бывают же несчастные случаи? — с тревогой спрашивал Матаоа.

Очень редко. На Арутаки за десять лет их было всего два, если не считать недавнего случая с роои, но роои, по правде говоря, и акулой-то нельзя назвать.

Кроме того, все беды происходили не в самой лагуне, а в проливе или в море у внешнего берега. Там, признавал Мато, действительно надо держать ухо востро. Особенно следует остерегаться реиры, ораве и некоторых других пород, никогда не заплывающих в лагуну.

Позднее они с Матаоа отправятся туда, где встречаются эти акулы, и тот воочию убедится, что они проявляют интерес к человеку лишь тогда, когда он покушается на их добычу. Таким большим рыбам требуется много пищи, не могут же они спокойно смотреть, как добычу уведут у них из-под носа. Стоит наколоть острой рыбу, как акулы набрасываются на нее и растаскивают по кускам. Даже обычно пугливые торире в такие моменты становятся опасными. Если же пойманную рыбу отдать им на съедение, то они тотчас успокаиваются.

— Акулы подобны людям, — сказал в заключение Мато. — Большой частью они настроены миролюбиво и хотели бы жить спокойно, но у некоторых вздорный характер, и именно с такими происходят всякие истории. Так и с людьми. Взять, к примеру, Теурунуи, которого искусали реиры... Ведь это единственный человек на Арутаки, справедливо заслуживающий осуждения. Другие тоже не святые и часто раздражаются по тому или иному поводу, но быстро успокаиваются и сожалеют о первом дурном порыве. Теурунуи же на самом деле злой человек. Все это знали и считали, что от него всего можно ожидать.

— А пуи злые? — спросил Матаоа. — Очень уж они страшные на вид.

— Нет, — ответил Мато. — Столкновения с ними настолько редки, что об этом не стоит и говорить! Конечно, не следует слишком близко подплывать к пуи: она может укусить. Но обычно при приближении человека пуи ускользает в свою нору.

Мато, однако, признался, что сначала, когда дед посвящал его в искусство ныряния, он боялся пуи больше, чем акул. Что же сделал дед, чтобы помочь внуку преодолеть страх? Он схватил пуи рукой!

— Как рукой?

Очень просто, Матаоа увидит это в следующий раз, когда они встретят пуи.

Вскоре такой случай представился. Матаоа сначала очень боялся за жизнь отца, но, когда увидел, как Мато вытащил пуи на берег и убил ее ударом остроги, преисполнился восхищением и гордостью. Это нужно было видеть собственными глазами! Хаамару, которому Матаоа в тот же день рассказал о происшествии, ничего не сказал и только пытливо заглянул приятелю в глаза, пытаясь разгадать, не шутит ли тот. Тем не менее все произошло именно так, как говорил Матаоа.

Увидев пасть пуи, выплывающей из расщелины, Мато направился к пироге, стоявшей невдалеке на якоре, разрезал пополам парай, затем снял набедренную повязку и обмотал ею предплечье. Убедившись, что толщина повязки достигает примерно двух пальцев, он натер ее мясом парай. Потом он подплыл к тому месту, где находилась пуи, и нырнул. Когда Мато оказался на одном уровне с пуи, он протянул обмотанное материей предплечье, и рыба приблизила к нему свою пасть. Тогда Мато медленно отступил. Пуи заколебалась было, но запах рыбы манил ее. Постепенно она почти вся вышла из норы, так что стал виден даже ее хвост, но все еще пребывала в нерешительности. Мато же то протягивал обмотанную руку вперед, то убирал ее. Наконец, пуи не выдержала, кинулась на руку Мато и прокусила повязку. Что же дальше? А дальше Мато всплыл вместе с пуи, которая тянулась за его рукой, как длинная лента, и направился к берегу. На суше он размотал материю, и пуи вместе с нею упала на песок. Она и здесь не рассталась с повязкой, и Мато спокойно убил ее острогой.

— А рука? — спросил Хаамару.

— Ничего, она была в безопасности: у пуи короткие зубы.

— И она не разжала их даже на земле?

Зубы пуи расположены так, что она не может вытащить их из материи. И еще Мато объяснил сыну: никакими силами нельзя извлечь пуи из убежища, если хвост ее свернут узлом, но если хвост распрямлен и большая часть его находится снаружи, то вытащить пуи легче, чем любую другую рыбу, потому что у нее нет шипов, чтобы зацепиться, а недостаточно сильные плавники не могут помешать человеку вытянуть ее из воды.

Однако Хаамару по-прежнему был настроен скептически, и Матаоа обиделся. Пусть тогда Хаамару сам ныряет и смотрит на все собственными глазами. Матаоа больше ничего не расскажет, раз Хаамару сомневается в правдивости его слов.

* * *

Долгое время Матаоа удавалось поразить ударом остроги лишь тотару или уэ*, но это не большая заслуга: ведь они двигаются не быстрее рори...**. Кроме этих рыб он однажды наколол концом остроги параи, но она тут же сорвалась и стала добычей торире. Мато посмеялся над неудачей сына и посоветовал ему сохранять спокойствие: чтобы стать хорошим охотником, нужно запастись терпением. Сам он тренировался целый сезон, прежде чем научился владеть оружием. Он также сначала набил руку на тотаре и уэ, и лишь позднее его копье стало поражать других рыб! Бросать острогу на земле — это одно, метать же ее под водой — совсем другое! Можно промахнуться сто раз, тысячу, но когда наконец попадаешь, это запоминается на всю жизнь.

Разве ребенок начинает ходить, как только становится на ножки? Пусть Матаоа успокоится и неустанно продолжает тренировку, скоро его рука приобретет нужную твердость, взгляд — остроту и точность, а главное, он научится выбирать самую выгодную позицию для нападения на рыбу. После этого им останется лишь складывать добычу в лодку.

И вот этот момент настал! Матаоа добыл паихере! По правде сказать, эта паихере подошла к нему совсем близко, но, во всяком случае, он попал в самую середину ее тела и проткнул его насквозь!

До сих пор Матаоа казалось, что он слишком слабо бросал острогу и что шла она крайне медленно, в то время как намеченная рыба, двигаясь значительно быстрее, оказывалась вне досягаемости задолго до того, как оружие достигало своей цели. Как счастлив и горд был

* Уэ — рыба четырехзубка.

** Рори — голотурий, беспозвоночные животные типа иглокожих.

Матаоа, когда Мато решил не возвращаться на обед в деревню, а съесть паихере в знак того, что его сын стал настоящим охотником!

* * *

Матаоа молча наблюдал за отцом, который бросал в пылающий костер пригоршни мертвых кораллов, подобранных на берегу около кокосовой рощи. Что случилось с Мато? Вдруг он стал печальным. Положив паихере на раскаленные кораллы, он присел рядом на корточки и задумчиво следил за подымавшимся от костра дымом.

Когда паихере поджарилась, Мато разделил ее на две равные части, положил каждую на лист карликовой пальмы и подошел к сыну:

— Вот ... Вот первая рыба, убитая тобой под водой...

Голос его срывался, глаза покраснели и наполнились слезами, Матаоа почувствовал, как к его горлу подступает комок. Не поднимая глаз, он молча принял из рук отца свою часть рыбы.

Глава седьмая

ОТЪЕЗД МАТО И ТЕХИНЫ НА ХИКУЭРУ

Утром к пристани подошла «Ваинианиоре» и принесла долгожданное известие о начале промысла перламутровых раковин. На этот раз сбор раковин был разрешен на Хикуэру.

Если на Арутаки окажется достаточно ныряльщиков, чтобы заполнить все места на шхуне, то «Ваинианиоре» отправится прямо на Хикуэру, в противном случае судно сделает остановку на Макемо. На борту уже находились десять человек с Рангирао, с семьями.

Два месяца Матаоа готовился к началу сезона, хотя не знал, на каком атолле он будет открыт. Теперь юноша был доволен, потому что Хикуэру он знал и любил. Вода в лагуне Хикуэру прозрачная и синеватая, как керосин, а перламутровые раковины там большие, тяжелые и очень хорошего качества. Лучшего места не найти!

В семье долго спорили из-за Матаоа, родители чуть было даже не поссорились между собой! Мато был склонен взять сына с собой, а Техина настаивала на том, чтобы оставить его с Теной и Моссиу, страдавшим от астмы. Она хотела, чтобы с ними поехал Викторина, который взял бы на себя заботы по хозяйству, а сама Техина помогала бы Мато. Викторина не соглашался ехать без Матаоа и, видя непреклонность Техины, принялся плакать. Матаоа, смущенный тем, что явился причиной стольких волнений, вышел из хижины. Повсюду шли приготовления к отъезду: шхуна отходила завтра утром. Ясно было, что останавливаться на Макемо не придется, ибо на Арутаки «Ваинианиоре» забирала тридцать ны-

ряльщиков с семьями, всего восемьдесят человек. Не оставалось ни одного свободного места. Из молодежи наверняка ехали Туке и Тотаи. Вопрос о Пунуа и Нахее еще не был решен, а Хаамару оставался.

К Матаоа подбежала Моеата. Она запыхалась:

— Ты едешь?

— Еще не знаю.

— Но ты хочешь ехать?

— Еще бы! Кто бы на моем месте не захотел! А ты?

Она оставалась, но хотела знать, едет ли он.

— Я сказал тебе, что не знаю!

— Спроси! Пойди сейчас же и спроси!

— Зачем?

— Если я узнаю, что ты едешь, я начну плакать и заставлю мать отпустить меня.

— Но с кем? Твой отец не ныряет.

— С дядей и тетей, с моей кузиной, ей столько же лет, что и мне.

Лицо ее сморщилось, она, казалось, собиралась расплакаться. Этого еще не хватало! Как все женщины и девушки не похожи на мужчин и мальчиков!

— Я пойду спрошу еще раз, подожди меня.

Техина взяла верх, но Викторина тоже не сдался: он останется с Матаоа. Мать принялась уговаривать сына: он еще молод, у него будет время пожить в деревне ныряльщиков, куда во время сезона набивается две тысячи человек, а может, и больше. Нечего ему делать в этом бедламе среди игорных барачков!

— А Туке и Тотаи?! — пытался возражать Матаоа.

— Они старше тебя, а Хаамару и все мальчишки твоего возраста остаются.

Мато положил руку на плечо сыну.

— В будущем сезоне ты поедешь обязательно.

Он повел Матаоа к берегу и указал на лодку.

— Она твоя.

Матаоа преисполнился гордости и радости.

— Ты даришь ее мне?

Мато кивнул.

— Присматривай за сестрой. Все дела по дому лягут на тебя и на Моссиу.

От слов Мато все приобрело иную окраску. Техина считала его еще ребенком. С Мато же он чувствовал себя мужчиной.

«Ваинианиоре» была уже далеко.

Матаоа сидел на корме лодки. Постепенно он успокоился. В последний момент перед отплытием шхуны произошла сцена, которая очень взволновала его. Техина ждала сына в объятиях и заплакала. Он ощутил материнское тепло, слезы хлынули у него из глаз и смешались со слезами Техины.

Шхуна собиралась отдать швартовы. Мато и Тао, которые стояли уже в толпе на палубе, протянули руки и, оторвав Техину от сына, помогли ей подняться на борт. Продолжая плакать, она неотрывно смотрела на Матаоа, а потом опустилась на грудь тюков. «Ваинианиоре» вошла в пролив. Стена мужчин и женщин, махавших венками родным и близким на пристани, скрыла Техину. Воспоминания детства нахлынули на Матаоа. Значит, суровость Техины была лишь показной, на самом деле она любила его по-прежнему! Сквозь слезы смотрел он на Мато и Тао, которые что-то кричали с палубы. Ему тоже хотелось как-то выразить свои чувства, но он лишь молча провожал взглядом шхуну, увозившую тех, кто был ему так дорог.

После предотъездного шума и суеты тишина, установившаяся в деревне, казалась особенно необычной. В отсутствие Фареуа обязанности вождя возложили на Тавиту.

Из совета семи в деревне остался лишь он и Амбруаз. Те немногие мужчины, которые не уехали, видно, были лишены дара вносить оживление и смех в повседневное существование. По вечерам больше не пели и не танцевали перед доу. Те, кто уехал на «Ваинианиоре», увезли с Арутаки радость и веселье, оставив деревню в меланхолическом запустении. По вечерам лишь собачий лай нарушал тишину. Матаоа никак не мог привыкнуть к опустевшей хижине, ставшей вдруг очень просторной. Назойливое внимание Викторины выводило мальчика из себя. Ему было неловко от его постоянных забот, почему, он и сам не понимал. Тена была слишком мала, чтобы с ней беседовать. Спокойствие и сосредото-

ченность всегда погруженного в размышления Моссиу не располагали к разговорам, хотя он смотрел на внука с доброй, ласковой улыбкой. Даже Моеата на первых порах не могла рассеять грустного настроения Матаоа, но прошло несколько дней, он свыкся с новым порядком вещей и вновь обрел утраченную было жизнерадостность.

* * *

Мато говорил об акулах: «Не показывай им своего страха — и они будут бояться тебя». Когда отец был рядом, Матаоа чувствовал, что способен следовать этому совету.

После отъезда родителей забота о семье легла на его плечи. Матаоа считал, что сумеет добыть достаточно рыбы, чтобы прокормить родных. В его распоряжении была лодка, он надеялся на свой опыт и на помощь Хаамару, который готов был сопровождать друга в качестве гребца. Но вскоре Матаоа убедился, что переоценил свои силы. Едва он погрузился в первый раз, как около него начала кружить большая акула. Мальчика охватил страх. Теперь он понял, что лишь присутствие Мато избавляло его от боязни. И Хаамару догадается, что он испугался... Чем же еще, как не страхом, можно объяснить столь быстрое возвращение! В лодке Матаоа, смущенно взглянув Хаамару в глаза, признался:

— Я очень боюсь акул.

Но Хаамару понимающе кивнул головой:

— Я тоже на твоём месте боялся бы. Это мальчишки шестнадцати или семнадцати лет не боятся... И то не все...

Как все оказалось просто! Его гордость выглядела нелепой и неуместной по сравнению с искренним простодушием Хаамару.

— Хаамару, знаешь что! — воскликнул он. — Пойдем посмотрим, что стало с нашей зарудой!

Им пришлось лишь укрепить каменный барьер, размытый сильными приливами, и они могли вновь ловить здесь рыбу. Теперь все было по-иному, ведь они должны были добывать пропитание для своих родных и близких. При мысли об этом их рвение удвоилось. Если

раньше они заглядывали сюда лишь от случая к случаю, проверяя, не забрела ли, на их счастье, в запруду стая иоио, меко или паихере, то теперь они часами просиживали на площадке, подкарауливая рыбу. Когда-то это была игра — сейчас настоящая охота, чтобы прокормить тех, кто ждал их в хижинах. Часто улова хватало не только их семьям, но и семьям соседей. В деревне осталось много стариков и старух, которые в отсутствие Матаоа приходили поболтать с Моссиу. Мальчик был очень горд, что мог поделиться с ними своей добычей. Но сначала он делил улов с Хаамару и несколько рыб оставлял родителям Моеаты.

* * *

Матаоа долго не мог заснуть на своей циновке. Какая глупая история произошла! И как теперь они с Викториной будут смотреть в глаза друг другу? Сумеет ли Викторина побороть свой стыд?

Хаамару оказался более проникательным, чем Матаоа. Сколько раз Матаоа отмахивался от его предостережений! Последний разговор на эту тему состоялся не далее как вчера. Они с Хаамару возвращались с рифа.

— Никак не пойму, что с ним происходит в последние дни, — пожаловался приятелю Матаоа. — Он плачет и смеется без повода... Уходит и тут же возвращается... Похоже, что он тронулся!

Хаамару улыбнулся:

— Ты что, не догадываешься?

— О чем?

— Он слишком много думает о тебе...

Хаамару не в первый раз намекал на это. Матаоа пожал плечами. Действительно, со времени отъезда родителей Викторина казался другим. Но, может быть, он старался возместить отсутствие Мато и Техины и потому стал еще ласковее с Матаоа? В день отъезда он вбежал в хижину и застал Техину и Викторину за беседой, причем последний внимательно слушал ее наставления. Теперь Матаоа начинал догадываться: Техина предостерегала Викторину от глупостей, вроде той, которую он только что совершил.

Утром Викторина не пришел, как обычно. Тену послали разузнать, в чем дело. Она вернулась и сказала, что Викторина не может прийти работать. Он заболел. У Матаоа появилось желание пойти к Викторине и несколькими словами вылечить болезнь, известную только ему одному. Но тут пришел Хаамару. Матаоа взял острогу, и друзья отправились на риф.

Какая-то крупная рыба билась в запруде, поднимая фонтаны брызг. Они побежали. Еще несколько минут — и уруа ускользнула бы от них. Вот это рыба! Ну и сила! Она сломала острогу, которую Матаоа метнул ей в голову, а затем таким же образом расправилась с копьем Хаамару. Но все же две глубокие раны сделали свое дело, и в конце концов она, сделав последний прыжок, упала на бок. Однако она продолжала с такой силой бить хвостом, что подступиться к ней и вытащить наконечник остроги было невозможно. Когда Матаоа и Хаамару смогли наконец вытащить рыбу на плато, они с ног до головы были забрызганы водой и кровью. Каким образом великанша очутилась на таком мелком месте? Но вот и объяснение! Внезапно уруа извергла содержимое своего желудка. Она просто стала жертвой прожорливости, преследуя мелких рыбешек. В запруде она была застигнута в момент охоты.

Когда мальчики принесли уруу в деревню и положили перед хижиной, сбежалось много народу, чтобы посмотреть на нее. Это событие вызвало большое оживление. А какая радость и гордость светились в глазах Моеаты! Зато у Матаоа и Хаамару долго потом болели руки и плечи. Им пришлось несколько раз останавливаться по дороге, пока они донесли морское чудовище до дому.

Может быть, у Викторины изменится настроение, когда он увидит, какую огромную рыбу они с Хаамару сегодня выловили? Матаоа снова отправил Тену за Викториной:

— Скажи ему, что я поймал уруу, которая больше его самого, и что, если он не придет вечером ее готовить, я обижусь и больше никогда не буду с ним разговаривать.

На лице Викторины вновь появилась улыбка. Моссиу, лакомящийся частью головы уруу, рассказывал, как в старые времена туамотуанцы устраивали большие ловушки для рыбы, откуда можно было вытаскивать добычу сетями, не причиняя ей ни малейшего вреда.

Тогда было запрещено проливать кровь рыб под водой, будь то в лагуне или в открытом море: считалось, что акулы мстят за это, нападая на людей. Рыбьи кости и внутренности закапывали на берегу, в море их никогда не выбрасывали. Кости каждого вида зарывались отдельно, головами к лагуне. Татиhi с татиhi, паихере с паихере. Ведь и в родной стихии каждая порода жила отдельно. Рыбы были отдаленными предками человека. Когда-то их собратья покинули морские глубины и избрали себе иное местопребывание и иной образ жизни. Сколько всяких интересных вещей знал Моссиу! Он говорил, что раньше жителей Паумоту было в два раза больше, чем сейчас, и они были значительно сильнее теперешних людей. Тем не менее они никогда не дрались между собой, потому что не признавали насилия. Сам Моссиу презирал всякий вид насилия. Не удивительно, что трагическое событие, происшедшее несколько дней спустя после поимки уруу, повергло его в горестное уныние.

Мато правильно говорил: Теурунуи был на Арутаки единственным по-настоящему злым человеком. Из-за своей злости он сам погиб и жену погубил. Теперь уже поздно об этом говорить, но лучше было бы его уничтожить раньше, чтобы он не смог совершить свое преступление. Тогда бедная, ни в чем не повинная женщина была бы спасена. Однако кто властен над жизнью и смертью своего ближнего, даже если это всего лишь животное в образе человека? Не было нужды в показаниях очевидцев, чтобы составить себе представление о трагедии, которую все предвидели, но, увы, не могли предотвратить. Однако члены совета семи со вниманием выслушали рассказ Тоуиы, единственной свидетельницы всего происшествия.

Из своей хижины, расположенной по соседству, она слышала, что супруги спорят. По голосу Теурунуи она поняла, что он выпил слишком много пиа. Жена упрека-

ла его в пьянстве и лени. Жену, мол, избивать у него сил хватает, а как раковины добывать — он сразу становится немощным. Другие мужчины трудятся в поте лица, чтобы обогатить свой дом, а он его лишь разоряет. Он пьяница и трус. Вдруг раздались ужасные крики и звук повторяющихся глухих ударов. Тоуиа кинулась на помощь. Дверь хижины была открыта. Теурунуи бил свою жену куском дерева, а та лежала на земле, тщетно пытаясь руками заслонить от ударов голову. Вскоре силы несчастной иссякли, в то время как Теурунуи ожесточался все больше. На шум прибежали двое мужчин. Один из них, старый Тимое, был вооружен острогой. Теурунуи встал на пороге своей хижины, осыпая их угрозами. Его лицо, обезображенное шрамами, искаженное злобой, являло собой ужасное зрелище. Тимое вошел и поднял женщину. Ее голова была размозжена, она была мертва.

— Ты убил свою жену! — крикнул Тимое. — Подлый убийца!

— Тебя я тоже сейчас убью! — прорычал Теурунуи.

Он кинулся на Тимое с поднятыми кулаками. Тогда Тимое вонзил в него острогу, сначала в плечо, а потом прямо в сердце.

Вся деревня пришла на кладбище хоронить женщину. Теурунуи же двое его родственников закопали в землю вдали от деревни. Но даже они выразили сожаление, что реиры не избавили их от этого труда. Долго висела над деревней мрачная тень этого преступления. Подумать только, один из них был способен на такой поступок!

Спустя некоторое время кое-кто из стариков вслух заговорил о том, о чем другие только шептались. Даже Теурунуи должен быть похоронен на кладбище, с крестом на могиле. Каким бы преступником он ни был, все же он христианин и крещен. Кто знает, может быть, это реиры искусали его голову, повредили разум и сделали таким злым? Таково было мнение и Тимое. Тавита признался, что его также мучил этот вопрос. Итак, было решено перенести останки Теурунуи на кладбище. Пусть бог будет ему судьей!

Вот уже месяц Матаоа выходил на берег и всматривался в далекий горизонт, не движется ли там маленькая точка, которая могла оказаться всего лишь птицей, но могла быть также и долгожданной шхуной.

Возвращение тех, кто отправился на Хикуэру, стало главной темой разговоров среди оставшихся. Неужели они скоро увидятся со своими близкими? Более трех месяцев прошло со времени ухода шхуны. Ее ожидали со дня на день.

И вот наконец от хижины к хижине пробежал ребенок, кричавший: «Ваинианиоре!» «Ваинианиоре!»

Все бросились к берегу у входа в пролив и стали напряженно вглядываться в море, рукой защищая глаза от солнца. Ребенок не ошибся: это была шхуна.

Женщины, девушки и несколько стариков отправились за цветами типании для венков и ожерелий, которые обычно плели к приходу судна. Все торопили друг друга. Тоуиа собрала музыкантов, танцоров, певцов, и они принялись репетировать в тени доу. «Ваинианиоре» приближалась.

На носу стояли Мато и Техина! А позади Тао! Тоуиа начала петь, оркестр подхватил мелодию. «Ваинианиоре» вошла в пролив, замедлила ход и подошла к берегу. Взлетели перлины, корпус мягко коснулся пристани. Первой сошла на землю Тепора, за ней Тао, исхудавший, с обострившимися чертами лица. Матаоа, волнуясь, приблизился к матери, поднял руки и положил ей на плечи ожерелье, затем на голову венок. Они крепко обнялись. Техина нагнулась к Тене. Мато тяжело спрыгнул на пристань. Что с отцом? Он очень изменился. Машинально он обнял Матаоа, принял ожерелье и венок. Лицо его не выражало ни малейшего волнения, даже когда он обнимал Тену, Викторину и Моссиу. Матаоа посмотрел на мать и заметил напряженное выражение ее глаз. Молча все дошли до хижины.

Мато стал таравана.

Несчастный случай произошел три месяца назад. Весь день Мато нырял на глубину двадцати пяти — двадцати шести саженей. К вечеру Техина заметила, что вместо того, чтобы свистеть и петь для продувания лег-

ких перед погружением, он держится за брус балансира, не произнося ни слова и не двигаясь. «На сегодня хватит?» — спросила Техина. Мато не ответил. Вдруг он выпустил из рук балансир. Не схвати его Техина за волосы, он бы наверняка утонул. Техина пропустила веревку ему под мышки и позвала мужчин из соседней лодки. Когда Мато втащили в лодку, он упал навзничь и потерял сознание. Лишь на следующий день он пришел в себя. Когда наконец он открыл глаза и пошевелил губами, он не мог вразумительно объяснить, что с ним. Старые ныряльщики, пришедшие проведать его, лишь удивленно и печально покачали головами: даже Мато мог стать таравана.

* * *

Двое других мужчин также были поражены этим недугом, но не так серьезно, как Мато. Целыми часами сидел он молча и неподвижно, глядя вокруг себя отсутствующим взглядом. За столом, если он и вмешивался в разговор, то невпопад. Иногда он говорил сам с собой.

Матаоа не мог представить себе, что его отец надолго останется таким. Тао также очень изменился и похудел, но видно было, как он день за днем набирает силы. Мато тоже поправится. Два-три месяца отдыха — и он вновь станет прежним.

Еще больше его огорчало отношение Техины к отцу. Видно было, что он вызывал у нее лишь презрительную жалость. Мальчик замечал, с каким выражением его мать смотрела на Мато, который сидел на корточках, устремив неподвижный взгляд на море, и машинально играл куском сухого коралла. В ее глазах он читал досаду женщины, раздраженной слабостью мужа. Матаоа тяжело было это видеть, хотя временами Мато действительно вел себя как ребенок.

Однажды Мато, как обычно сидевший в тени хижины, вдруг, ни слова не говоря, поднялся и направился к группе ребятшек, игравших шариками ати. Что он сделал, Матаоа не понял, он только увидел, как двое малышей с плачем кинулись к Техине.

— Что случилось? — спросила Техина.

— Мато пристаёт к нам.

Мато стоял неподалеку с шариками в руке.

Техина подошла к нему, отняла шарики и отдала детям.

— Оставь их в покое!

Голос ее звучал очень резко. Мато опустил голову.

— Они начали первые, — пробормотал он и виновато поплелся на свое место.

Тогда Матаоа понял: отец впал в детство, он никогда больше не будет тем человеком, который три месяца назад отправился на Хикуэру. Чувство скорби охватило Матаоа. Он посмотрел на Мато, и неожиданно в его сознании родились слова, которые он произнес вслух дрожащими губами:

— Я заменю тебя. Я стану самым большим ныряльщиком на Туамоту. Клянусь тебе!

КНИГА ВТОРАЯ

Глава восьмая

СКОЛЬКО ИЗМЕНЕНИЙ!

В 1942 году оири вошли в лагуну по меньшей мере на два месяца раньше обычного, и в таком количестве, что старики не могли припомнить подобного нашествия. В воде у ныряльщиков буквально глаза разбегались: оири были повсюду. За час или два можно было поймать на удочку пять, шесть рыб, а то и больше. И это всего в ста метрах от берега!

Не часто складываются такие благоприятные обстоятельства для рыбной ловли. Ими необходимо было воспользоваться. Рыболовы потеряли интерес к другим породам, так как жирные, мясистые вкусные оири были любимой рыбой туамотуанцев. В этот сезон все наелись ею досыта. Некоторые старики заметили, что изобилие рыбы совпало с необыкновенным урожаем копры, цена на которую стала подниматься после начала войны в Европе, достигла сначала десяти, затем одиннадцати, двенадцати, тринадцати франков и остановилась на четырнадцати. «Ваинианиоре», оборудованная новым мотором, стала приходить на Арутаки гораздо чаще, а приемщик копры осматривал товар совсем не так придирчиво, как прежде.

— Сухая или почти сухая — это одно и то же, грузите! — приговаривал он. А администратор из Папэте с его печатными листками! «Производите копру, это в ваших интересах, и это ваш долг!» Они присылали мешки с веществом под названием железный купорос, который нужно было разводить в воде и лить на подножия кокосовых пальм и середину ствола, откуда начинают расти листья. Говорили, что это спасает от болезней. «Ваинианиоре» доставляла также инструкции по борьбе с крысами. Подумать только — копра становилась сокрови-

щем! Правда, соответственно повысилась цена на продукты питания, но, несмотря на это, всем жителям деревни удалось расплатиться с Ли Мином.

Некоторые семьи сдали ему даже много мешков авансом, в счет будущих покупок, кто за цемент и волнистое железо для постройки новой хижины, кто за цистерну, кто за велосипед, керосиновый холодильник или батарейный радиоприемник. У Мато и Тао уже был такой, весьма удобная вещь... Теперь они знали дату прибытия «Ваинианиоре» и начинали набивать мешки копррой перед самым прибытием шхуны на атолл. Радиосообщало о боях, в которых участвовали полинезийцы тихоокеанского батальона.

Как жаль, что Амбруаз не дожил до появления приемников на Арутаки! Он умер за год до этого, несколько месяцев спустя после моки. Амбруаз мог бы объяснить, что происходило на войне. Недавно, например, сообщили, будто одна страна потеряла в сражении сто пятьдесят тысяч человек! А по словам Тавиты, на атоллах Туамоту, вместе с Таити, Мурее, Подветренными и Маркизскими, насчитывалось всего пятьдесят тысяч мужчин, женщин и детей! Получалось, что за несколько дней на фронте было убито в три раза больше людей, чем жило во всей Полинезии*. Право же, трудно было этому поверить!

Перед смертью Амбруаз говорил по поводу копрры: «То, что дает Арутаки за один год, Франция расходует за один час». Он считал, что после окончания войны цена упадет до восьми франков, потому что нужда в копре станет меньше. Но пока за копру платили по четырнадцати франков, в деревне произошли большие изменения. Ли Мин снова расширил свою лавку, хотя его дети уехали в Папееэте учиться и они с женой остались одни. Отныне москитов разгоняли при помощи китайских шаров, горевших всю ночь. Освещались моригазами**, а старые фитильные лампы использовали лишь в безлунные ночи, чтобы отгонять привидения. В Арутаки появились велосипеды, целых тридцать штук! Похоже было, что молодежь больше не желает пользоваться собственными ногами.

* Имеется в виду Французская Полинезия. — *Прим. ред.*

** Моригаз — керосиновая калильная лампа.

Патуи *

Наступал вечер. Матаоа и Хаамару сидели рядом на пристани, на берегу пролива, болтая над водой ногами. Хаамару натягивал струну на укулеле.

— Знаешь что? — вдруг спросил Матаоа. — Нужно колоть в глаза!

Хаамару оторвался от своего занятия и поднял голову:

— В чьи глаза?

— В глаза патуи, конечно, не кокосового же ореха!

Хаамару посмотрел на товарища с изумлением. Не стал ли Матаоа таравана?

— Еще что скажешь?

В знак того, что он не одобряет столь бессмысленный разговор, он осуждающе покачал головой.

— Невозможно, — прибавил он, пожав плечами.

— Ты всегда говоришь «невозможно»! А я говорю, что возможно.

Не оставалось никакого сомнения, Матаоа не шутил. Хаамару обмотал струну вокруг деревянного винта. Это было похоже на Матаоа: колоть патуи в глаза! Легко сказать, но кто осмелится на такой поступок?

Вот уже несколько дней подряд в пролив заходили огромные патуи. Лишь очень опытные ныряльщики отваживались при них погружаться в воду, да и то у самого берега. Один раз такая рыба поднялась из глубины и с открытой пастью направилась прямо к мальчику, который плавал у пристани.

Потом, когда улеглось волнение, вызванное этим происшествием, некоторые усомнились в том, что она могла бы проглотить пятнадцатилетнего мальчика, но те, кто видел патуи, предлагали скептикам надеть очки — тогда они убедились бы, что такая рыба в состоянии без труда проглотить даже Фареуа.

По их словам, она была более двух сажень в длину и толщиной в шесть мешков копры. Несколько раз в море забрасывали на ночь толстую леску с крючком для акул в надежде, что патуи попадет на него, но наутро на крючке оказывалась простая акула. Откуда взялась эта патуи? Один старик утверждал, что это тоупау,

* П а т у и — гигантский морской окунь.

быть может — моки! Пусть остерегаются те, кто над ним насмеялся или его унижал. Может быть, он явился в образе рыбы, чтобы мстить за оскорбления, нанесенные ему в начале пребывания на Арутаки. Многие соглашались с этим: тоупапау иногда принимает вид животного, чтобы пугать людей. До смерти моки этого чудовища никогда не видели. Старые ныряльщики пожимали плечами: тоупапау большей частью избирают форму фафани, барракуды или даже акулы, но необычно большого размера, и ведут себя они так, что их можно узнать с первого взгляда. Между тем патуи, занесенная течением в пролив, была нормальной величины. У внешнего рифа случалось видеть рыб и побольше. Мато, память которого постепенно восстанавливалась, допускал, что патуи может достигнуть двух сажений в длину, и соглашался, что такое животное нельзя убить ударом острога.

Матаоа все это знал, но не собирался отказываться от своей идеи. Какой бы ни была рыба, величиной с ладонь или гигантских размеров, глаз остается самым уязвимым ее местом. Ведь даже огромная патуи, лишенная глаз, всего лишь слепая рыба, с которой не так уж трудно справиться. Но как убедить Хаамару?

Матаоа принял непринужденный вид:

— Я скажу Тене, что звал тебя, но ты испугался и не захотел и тогда я обратился к Тотаи.

Он правильно рассчитал удар.

— Ты пойдешь к Тотаи?

— Ну да, ведь ты отказался.

Лицо Хаамару помрачнело. Ему нравилась Тена, а Тена и так больше думала о Тотаи, чем о нем. Этот таравана Тотаи способен принять предложение Матаоа! Лишь бы показать, какие они храбрецы и как хорошо ныряют, оба готовы на любое безрассудство. А если они действительно решатся вступить в бой с патуи, то независимо от его исхода все будут говорить, что он, Хаамару, трусил. Интересно, кто бы на его месте не испугался? И все-таки он станет мишенью для насмешек. И Тена тоже будет над ним смеяться.

— Как ты хочешь это сделать? — спросил он нехотя, взвесив все обстоятельства.

— Мы подберемся к ней с двух сторон. Ты кольнешь в один глаз, а я в другой.

— Ты знаешь, какой величины глаз у патуи? Не больше жаберной крышки у мауа.

— Я часто попадал в глаз тону или панхере, да и ты тоже, но теперь мы должны метнуть острогу одновременно, чтобы ослепить патуи.

Послушать Матаоа—так сделать самую немыслимую вещь проще, чем выпить содержимое кокосового ореха! Хаамару раздумывал. Ведь даже если Матаоа не изменит свое решение, вполне возможно, что они не встретят патуи или она будет на самом дне и они не смогут ее достать. Кроме того, хоть Матаоа и очень самонадеян, он может первый испугаться и броситься бежать. Не очень-то легко отважиться напасть на такое чудовище! Хаамару помнит, что, когда почти все взрослые уехали на Хикуэру, Матаоа один хотел поймать огромную рыбу для всей деревни, но испугался первой же акулы и вернулся в пирогу. Матаоа сам тогда сказал приятелю, что ему стало страшно.

Хаамару приподнял поля своей шляпы:

— Ладно, не зови Тотаи, я пойду с тобой.

Матаоа быстро встал:

— Ничего никому не говори и заостри наконечник своей остроги, как иглу.

* * *

На следующий день план Матаоа осуществился с такой легкостью, что Хаамару оставалось лишь бранить себя за то, что накануне он всю ночь напролет не спал. Страх его рассеялся, как только пришло время действовать, и больше не возвращался. С этого дня исчез прежний Хаамару, молчаливый увалень с расхлябанной походкой, и появился новый, тот, который вместе с Матаоа убил патуи.

День только занялся, когда они медленно погрузились в воды пролива около берега. Они сразу же увидели патуи. Она наполовину высунулась из расщелины в коралловой стене на глубине трех саженей. Почувствовав их приближение, рыба повернулась к ним мордой и двинулась навстречу. Хаамару не ощутил ни малейшего страха.

Не колеблясь ни секунды, он вонзил острогу в глаз и быстро вытащил оружие назад, в то время как патуи

кинулась к стене. Хвостом она задела Матаоа, из-за этого первый его удар оказался неточным, но следующий достиг цели. Мальчики вынырнули на поверхность. Ослепленная патуи металась под водой, совершенно потеряв ориентацию. Она направилась было в открытое море, но затем вернулась к кораллу. Казалось, она искала расщелину. Течение сносило ее к лагуне. Наконец она наткнулась на нишу в коралловой стене и втиснулась под ее свод. Там Хаамару и Матаоа нанесли ей столько ударов остройгой, что она вскоре перестала шевелиться.

* * *

— Нечего сказать, две сажени длиной и шесть мешков копры весом! Людям, которые рассказывают о том, что видели, тем, кто этого видеть не мог, следовало бы быть поосторожнее, ибо придет ведь день, когда откроется правда, — так рассуждали некоторые жители деревни, глядя на патуи, висевшую на суку доу. Она была лишь на голову длиннее Фареуа и уже никак не тяжелее трех мешков копры.

— Разве этого не достаточно? — возражали настоящие ныряльщики. — Это самая большая рыба из пойманных когда-либо на Арутаки! Как известно, под водой предметы кажутся значительно более крупными, чем на земле. Во всяком случае, будь это настоящая патуи или тоупапуа в образе патуи, важно, что чудовище мертво, как и все рыбы, найденные в ее брюхе.

Что касается Матаоа и Хаамару, то они были склонны объяснить свою удачу прозорливостью патуи, которая проглотила столько рыбы, что отяжелела и потеряла осторожность. Они вели себя как истинные туамотуанцы! Старики справедливо говорят, что мужчина не должен гордиться своими поступками, ибо он лишь сделал то, что мог.

Викторина уезжает

В тот вечер под листвою доу, на площадке, освещенной четырьмя моригазами и огнями «Ванинианоре», былолюдно. Матрос, молодой таитянин, ме-

лодичным глосом пел под аккомпанемент оркестра, которым с особым воодушевлением дирижировала Тоуиа. Ох уж эта Тоуиа! Нескольким своим подругам она намекнула, что матрос проведет эту ночь не на борту своей шхуны (эти слова, как обычно, были подкреплены выразительной мимикой).

Мелодии Паумоту, быть может, более ритмичны, зато таитянские песни и музыка мягче и благозвучнее. А какие красивые слова!

Казалось, никогда не надоест слушать то, о чем пел матрос:

Отуе Роа Роа
Ите Рае То Фарэ Ити Э
И Реира Тэ Тино Мама
Равэ Ино па Иэ.

А Ари То Равер
Э Эре То Туаинэ
Аита Тэ Турэ
Фаа Аапа Тэ Реира.

Очень далека
Песчаная коса.
На этой косе
Дом из пальмовых веток.

Это прекрасное место,
Чтобы любить.
Но не сестру,
Ибо это запрещено законом.

— Ах, как это красиво! — восхищенный Викторина пробрался поближе к матросу и уселся рядом с ним на скамью. Бросив на певца многозначительный взгляд, он томно повторил слова песни:

...Но не сестру, нет!

Тоуиа, услышавшая эту фразу, перестала играть на укулеле и громко сказала:

— Тебе-то закон запрещает любить брата!

Все захохотали: неплохо сказано! Ну и язык у этой Тоуиы, с ней не соскучишься!

Викторина оскорбился и расстроился, к тому же он заметил, что матрос посматривает на него иронически.

— Что ты знаешь о том, что запрещено? — резко возразил он.

— Запрещено вести себя, как ты.

Она комически высунула язык, а затем сделала гримасу отвращения. Взгляды всех обратились к Викторине. Что он на это ответит?

— Тоора *! — бросил он с презрением.

Но в этот вечер взять верх над Тоуией было невозможно! Она рассмеялась, приподняла свои огромные груди и похлопала себя по широкому заду:

— Тоора — это хорошо! А где твои тити? У Ли Мина или в стирке?

Раздался новый взрыв смеха. Все знали, что Викторина делает себе фальшивые груди из набедренной повязки, которую он засовывает в корсаж и прикрепляет во время танцев английскими булавками.

Викторина в долгу не остался. Но кругом больше не смеялись, а старики неодобрительно качали головой. Женщины, когда ссорятся, не могут обойтись без непристойностей! Пусть говорят все, что угодно, у себя дома, но не здесь, в присутствии стольких людей и даже детей. Фареуа посмотрел на Викторину так, что тот поспешил сказать:

— Это она виновата! Она первая сказала, что мне запрещено иметь дело с братом!

Но Фареуа и другие старики дали Викторине понять, что ему следует помолчать. Ничего плохого Тоуина не сказала. Всем известно, что Викторина старел, становился толстым и некрасивым. От этого его характер начал портиться.

* * *

Викторина перестал плакать и повернулся на другой бок. Музыка продолжала играть на площадке, которую он только что покинул. Обида его была слишком велика, оставаться там он больше не мог.

Почему бы ему не вернуться на Таити? Ведь срок его

* Тоора — кит.

изгнания давно уже истек. В конце концов, к чему ему Арутаки! Он не сердился на Тоуиу и сожалел о разыгравшемся скандале, но его возмущали эти лицемеры Фареуа и Тавита с их суровыми взглядами и проповедями. Может, они забыли, что было в первое время после его приезда? Или тогда это казалось им нравственным? А разве он счастлив здесь, в этой хижине, среди своих родных, которым он так предан и ради которых так самоотверженно трудится? Техина все суровее относится к окружающим. Мато опять стал таравана, когда этого меньше всего ожидали. Моссиу вечно погружен в Библию. Тао и Тепора совсем откололись от семьи, с тех пор как усыновили двух детей. Лишь с Матаоа ему трудно будет расстаться. Но Матаоа думал лишь о нырянии и об этой Моеате, с которой наверняка даже не был близок. Нет, здесь Викторине больше нечего делать!

Викторина поднялся. Решение было принято. Завтра же он сядет на «Ваинианиоре».

Глава девятая

ИЗ-ЗА ТАВИНЫ

В тот вечер моригазы не горели. Стояла полная луна, и на танцевальной площадке было светло, как днем. Матаоа машинально искал глазами Моеату, хотя был уверен, что она не придет. Сегодня днем они поссорились, и, зная ее, он не сомневался, что она останется дома. Подошла Тавина и спросила насмешливо:

— Ищешь Моеату? Можешь ее не ждать. Она уже спит!

— Не лезь не в свое дело.

— О, пожалуйста, не сердись! Сюда приходят танцевать и развлекаться!

Пронзительно засмеявшись, она раскинула руки и сделала животом движение, как в тамуре. Эта несчастная становилась совершенно безумной в лунные ночи и не давала мальчикам прохода. Говорили, что в двенадцать лет ее изнасиловал собственный отец. Мысли Матаоа вернулись к его делам. Обида на Моеату, заставившая его повернуться и уйти от нее, теперь прошла, и он не знал, как ему поступить дальше. Они встретились в кокосовой роще, и она снова защищалась так яростно, что его охватил гнев.

— Как тебе не стыдно! — бросил он.

— Это ты должен стыдиться, ты же знаешь, что я не хочу!

— Почему?

Она заколебалась, но затем решила:

— Я поклялась матери остаться девушкой до замужества.

— Лжешь! Ты просто не любишь меня, ты смеешься надо мной!

Она опустила голову и замолчала. Может, он обидел ее?

— Разве это неправда? — спросил он.

— Ты хорошо знаешь, Матаоа, что так учит моя религия. Бог тому свидетель.

— Другие девушки католички, как и ты, и тем не менее...

— Я знаю, но я поклялась.

— Когда?

— Четыре года назад.

— Но ты же не сама поклялась, это мать тебя заставила!

— Да!

— Ну, видишь, ты только послушалась матери. Ты тогда была еще маленькой.

— Я не была маленькой! Я поклялась. Понимаешь?

На лице у нее появилось то серьезное выражение, которое всегда немного сковывало Матаоа. Лучше замолчать и оставить ее в покое. Он задумался. Может быть, Моеата собиралась выйти за него замуж? Но никогда она ни единым словом не намекнула на это. С другой стороны, ни с кем другим ее не связывала такая дружба, как с ним. Правда, они часто ссорились, но ненадолго. Они быстро мирились, достаточно было одному из них извиниться или обратить все в шутку. А как блстели ее глаза и вздымалась грудь, когда он прикасался к ней! В Моеате таился огонь, он чувствовал это. Как он хотел ее! Это не имело ничего общего с тем, что он испытывал к другим девушкам. Влечение к ним исчезало, как только Матаоа познавал их. Чувство же к Моеате оставалось всегда. Может, он вел себя с ней недостаточно твердо? Может, ему следовало сломить ее сопротивление, что бы за этим ни последовало? Несколько раз он делал ей моторо — вернее, пытался делать. Она пылала в его объятиях, но заклинала уйти. И каждый раз он повиновался. Если бы на ее месте была другая девушка, он бы не обратил внимания на ее протесты. Ведь известно, что, когда девушки говорят «нет», это значит «да», и только поино может всерьез принимать их слова. Но Моеата казалась иной. Вопрос в том, была ли она на самом деле не такой, как остальные, или он сам становился поино, выделяя ее среди других. Викторина уехал, к кому же обратиться за советом? С Техиной он не хотел говорить на эту

тему. Она недолюбливала Моеату, и та отвечала ей тем же. Он говорил с Тао, но Тао лишь посмеялся:

— Поклялась? Какая девушка может поклясться? Лезь к ней каждый вечер для моторо — и в конце концов добьешься своего!

Хаамару был того же мнения. Но надо ли их спрашивать? Они не могут понять его чувства. Нужно решить самому, что делать. Пока же лучше всего послушать музыку.

Звучит мелодия тапуни, и Тоуна, напевая, как-то странно смотрит на него. Может быть, она видела его и Моеату в пальмовой роще? Или кто-другой заметил их и разболтал?

Аэро Тауа и Те Рае Терекети
Э Кими Аи Те Ора
Э Аа Ра Те Катинга
Току не Энуа
Омото Э Те Пару, Мама
Э Ора Иоа Э.

Если мы оба сбежим на Терекети,
Тогда чем будем там питаться?
Мы будем есть плоды кокосовой пальмы и рыбу,
Пока есть пальмовые рощи и рыба на нашем
атолле,

Мы сможем существовать.

Тавина стояла перед ним.

— Ну, ты не хочешь совершить со мной тапуни? Не хочешь? Тогда пойдем танцевать.

Он неохотно поднялся. Она тесно прижалась к нему.

— Послушай...

Она что-то прошептала. Он слегка нагнул голову, чтобы услышать ее.

— Я сейчас уйду, а ты иди за мной.

— Нет! Танцуй и молчи.

— Ты не хочешь?

— Нет!

Она отстранилась и пристально посмотрела на него:

— Пожалеешь!

— Ох! Ты мне надоела.

Он перестал танцевать и оставил ее.

На следующий день Тавина ходила из хижины в хижину и говорила всем, кто хотел ее слушать, что Матаоа этой ночью насильно совершил с ней моторо. Вчера вечером, во время танцев, они спорили по этому поводу: он предупредил ее, что придет, а она не хотела. Некоторые не верили ни единому слову в этой истории, но другие слушали сочувственно: в конце концов это было вполне правдоподобно. Вскоре Матаоа узнал об этом. Он отправился к Тавине. Но при виде его она подняла такой крик, что он не нашелся, что сказать этой фурни. Оставалось лишь пожать плечами и уйти.

Спустя несколько месяцев Тавина вновь принялась за свои проделки. На этот раз она заявила, что беременна и что Матаоа отец ее будущего ребенка.

* * *

С тех пор как прошел слух о беременности Тавины, Моеата стала избегать Матаоа, и у него не было возможности объясниться с ней. Стоило ему начать разговор, как девушка замыкалась в себе, лицо ее становилось непроницаемым. Матаоа был свободен и мог делать все, что ему заблагорассудится, с Тавиной или с любой другой девушкой. Ей это было безразлично.

Первое время Матаоа терпеливо сносил холодность Моеаты, будучи уверен, что долго она не продлится. Ее равнодушие было слишком подчеркнутым, чтобы считать его естественным, и она не была так глупа, чтобы верить болтовне Тавины. Но ему пришлось убедиться в обратном. Какая нелепость! Матаоа был расстроен и раздражен одновременно. Если бы для ссоры действительно были какие-нибудь причины! Но вести себя так из-за какой-то глупости! А если завтра Тавина расскажет, что он полетел на луну, Моеата и этому поверит? Почему она верит Тавине, а его даже не хочет выслушать? Трудно понять этих девушек. Может, Моеата такая же сумасшедшая, как Тавина? В конце концов он желает внести ясность в эту историю!

При первой же встрече с Моеатой он спросил:

- Почему ты стала другой со мной?
- Оставь меня. Я спешу домой.
- Нет, ты должна выслушать меня, Моеата. Это из-за Тавины?

— Может быть...

— Тогда ты еще глупее Тавины и такая же безумная, как она.

— Ладно, оставь меня, лучше позаботься о ней и о своем ребенке.

Ему захотелось ударить ее, ибо что можно ответить на подобную бессмыслицу? Видно, права Техина, которая говорит, что у Моеаты голова тверже, чем шар ати, и что с таким характером она никогда не сделает ни одного мужчину счастливым.

И Викторина тоже прав, утверждая, что она такая же, как все девчонки, и все ее ссылки на религию— сплошное лицемерие: она делает это, чтобы одурачить Матаоа. Тогда он рассердился на Викторину, но теперь понял, что был к нему несправедлив.

Как же иначе объяснить такое поведение? Она же не разрешает ему прикоснуться к себе, так почему она обижается, если то, в чем она ему отказывает, он получал у других? Хотя бы у Тавины? Это ее не касается. Если же это ее трогает, пусть ведет себя как девушка, действительно любящая парня. Но вся его решимость исчезла без следа, когда он увидел слезы на глазах Моеаты. Она показалась ему совсем слабой и беззащитной.

— Послушай, ты поклялась, сама знаешь в чем. Ты не лжешь, я тебе верю. А я клянусь, что никогда не касался Тавины. Других девушек — да, но ее никогда!

— Правда, клянешься?

— Ну да! — сказал он с нетерпением.

Казалось, она поверила. Но что-то еще было у нее на сердце.

— А других девушек... Вот видишь?

— Но что же ты хочешь от меня, наконец? — взорвался он. — Думаешь, что я махоу, как Викторина? Может, мне из-за тебя стать вроде кокосовой пальмы, пораженной болезнью?

Его опять охватил гнев. Моеата была ревнивой и эгоистичной. Она опустила глаза. Тогда Матаоа понял, что он ничего не может сделать против этой ревности и эгоизма. Был лишь один выход, всегда лишь один выход.

— Ты хочешь на мне жениться? — спросила Моеата.

— Да!

Техина противится Матаоа

Матаоа боялся сопротивления со стороны матери, и это лишало его покоя. Чтобы избавиться от неприятного состояния, он решил, не откладывая, сообщить о своем намерении родителям. Причем он не будет просить их согласия, а как бы поставит всех перед свершившимся фактом.

Матаоа с нетерпением дожидался конца ужина. Моссиу весь расцвел, услышав новость, он надеялся в скором времени стать прадедом. Мато, вначале удивленный, разразился смехом. Ему трудно было представить себе Матаоа мужчиной, нуждающимся в женщине. Техина некоторое время сохраняла молчание, затем спросила:

- Кто первым заговорил о женитьбе, ты или она?
- Моеата, — признался Матаоа.
- И когда это было?
- Вчера.
- И ты сразу же пошел за ней, как щенок?

Матаоа ранили эти слова, тем не менее он смутно ощущал их справедливость. Юноша притих и задумался, но сердце подсказало ему ответ:

— Она первая спросила меня, но все равно позже этот вопрос задал бы ей я.

Он увидел по лицу матери, что совершил ошибку, сказав это.

— Позже это позже. Ты слишком молод, чтобы жениться.

Матаоа в надежде на поддержку обернулся к отцу. Но Мато даже не взглянул на него, поглощенный своими мыслями. Что касается Моссиу, то, поднявшись из-за стола, он по обыкновению взял Библию и направился к своему креслу.

— Чего тебе не хватает? — спросила Техина более мягко. — Разве ты несчастлив?

— Мне недостает Моеаты.

Какой поино ее сын! Смелый охотник, не уступающий самому опытному ныряльщику, а в остальном — как ребенок! Она смотрела на него с состраданием.

— Бери ее, если она тебе нужна.

Что она хотела этим сказать? Неужели она согласилась?

— Значит, ты согласна?

— С чем?

— Чтобы мы поженились, — пробормотал он.

— Кто говорит о женитьбе? — бросила она резко. — Неужели нужно жениться на первой же девушке, которую ты захочешь?

Гнев овладел Матаоа. Мать и сын с ненавистью, как два врага, смотрели друг на друга. Никогда больше Техина не будет для юноши тем, чем была прежде. Она никогда не примирится с мыслью, что другая женщина заняла ее место, женщина, которую не она выбрала и которую не любила.

Матаоа вдруг почувствовал себя чужим в родной хижине. Ему показалось, что он в ней лишний и должен построить себе другой дом. Чего он мог ожидать от этих людей, всецело подчиненных воле его матери? Может быть, она думает, что он всю жизнь будет плясать под ее дудку? Он больше не ребенок! Он знает, что ей нужно! Чтобы он как можно дольше оставался ребенком и держался за ее юбку. Все его мужское достоинство стремилось освободиться от этой опеки.

* * *

Если бы Техина в последующие дни проявляла к Матаоа мягкость и понимание, если бы она сумела убедить его в том, что ей дорого лишь счастье сына, он, наверное, уступил бы. В глубине души Матаоа и сам считал, что ему еще рано обзаводиться семьей. Он сможет считать себя настоящим мужчиной, только если сумеет собрать большое количество перламутровых раковин. Надо еще проверить себя. Копра и раковины, добытые собственными силами, — вот что завоеует ему полную независимость. Тем не менее он надеялся, что родные благосклонно отнесутся к его выбору и дадут согласие на помолвку. Он готов был ждать год и даже два. Что касается Моеаты, то он сумеет ее убедить. Если она верит ему, то согласится принадлежать ему, не ожидая дня свадьбы. Если же опять откажется, он знает, что ему делать. Но Техина, находившаяся во власти своих инстинктов, не только не сделала попытки найти общий язык с сыном, но, наоборот, своим поведением лишь углубила пропасть, образовавшуюся между ними.

Когда Техина убедилась, что чувство Матаоа не каприз и не просто физическое влечение, она отправилась к родителям Моеаты. Она знала, что в результате несправедливого раздела, давшего повод к затянувшейся тяжбе, им достался небольшой отдаленный участок. Отец Моеаты был разбит параличом, и в семье не было сына, который мог бы заменить его в трудной профессии пшряльщика за раковинами.

После традиционного обмена приветствиями Техина не мешкая перешла к делу, ради которого пришла. Что могут они дать своей дочери в день свадьбы? Родители Моеаты не ожидали такого вопроса. Почему Техина задала его? Потому что их Моеата хочет выйти замуж за ее Матаоа. Они казались удивленными: нет, им об этом ничего не известно, но, по их мнению, это хорошо. Они позвали Моеату. Она сказала, что всегда любила Матаоа, только его, и мечтает стать его женой.

Тогда Техина заговорила о земле, которая перейдет к сыну после женитьбы: она в десять раз больше и в десять раз плодороднее, чем та, что дадут за Моеату ее родители. Девушка, наверное, знала об этом, и это повлияло на ее выбор. Мать и отец Моеаты молчали, их лица стали печальны, так как сказанное Техниной было правдой — они действительно давали за дочь немного. Но Моеата твердо сказала, что думала лишь о Матаоа, как и он думал только о ней. Какое им дело, сколько у них будет земли, лишь бы им быть вместе! Техина резко ответила, что именно она не должна так говорить, потому что ничего или почти ничего не имеет! Моеата закусил губы, чтобы не расплакаться, но не смогла сдержать рыдания и убежала. Ее родители сказали Техине, что, может быть, у нее и больше земли, чем у них, но сердце ее беднее, ибо она принесла в их жилище зло. Пусть никогда больше не приходит в эту хижину, ни они, ни их дочь не хотят быть родственниками столь жестокой и надменной женщины.

Вечером по поведению родных Матаоа понял, что произошло нечто необычное, и в конце концов узнал правду.

В ту минуту ему очень хотелось, чтобы Техина не была его матерью, чтобы она даже не была женщиной, а каким-нибудь посторонним мужчиной, оскорбившим его, с которым он мог бы подраться. Но Матаоа взял себя в руки. Затем, успокоившись, он принял решение.

Глава десятая

ТАПУНИ

— Тапуни... — пробормотала она, в ужасе прижав ладони ко рту. Она произносила это слово с трепетом. В нем таилось нечто отталкивающее и одновременно притягательное.

— У нас нет иного выхода, — сказал Матаоа твердо.

— Но, Матаоа, мы не будем женаты, а ты захочешь...

— Да, захочу. Я и сейчас хочу, и ты тоже.

— Я поклялась!

— Я клянусь, что женюсь на тебе, ты будешь моей женой.

Она заломила в отчаянии руки.

— Но мы долго будем вместе, не будучи женаты. Я умру.

Он заранее подготовился отразить этот довод.

— Бог добрый и знает, что мы любим друг друга, что не наша вина, если мы не можем пожениться сейчас же. Мы оба пойдем в церковь: ты попросишь у него прощения, а я поклянусь, что ты будешь моей женой.

Согласится ли она? Он не потерпит никаких отсрочек.

С тех пор как он принял решение, все стало на свои места. Родители Моеаты, оскорбленные поведением Тихины, также противились теперь их браку. Кроме того, они были очень набожные люди и подняли бы вопрос о религии: ведь Матаоа был мормоном. Подобное обстоятельство не служило серьезным препятствием, когда между семьями жениха и невесты не было разлада, но могло стать причиной дополнительных разногласий. Если старики теряют разум, нужно ли им подчиняться? Рано или поздно, он все равно женился бы на Моеате, с согласия родителей или без него, хотя предпочитал, чтобы они с Моеатой, как подобает, получили родитель-

ское благословение. Тапуни было единственным средством принудить их к согласию. Подобные случаи уже бывали и раньше. Матаоа и Моеата только еще раз докажут всем, что, когда двое любят друг друга по-настоящему, родителям остается лишь смириться. Он все предусмотрел. Они смогут пробыть в своем убежище сколько понадобится. Но прежде он должен знать, согласится ли Моеата.

— Предупреждаю тебя: если ты скажешь «нет», я сяду на «Ваинианиоре» и уеду в Папеете. Больше ты меня не увидишь.

— Отвечай!

Она опустила голову.

— Дай мне подумать, — попросила она.

— Нет, ты должна решить теперь же!

— Я не могу... Не могу... Умоляю тебя...

— Имей в виду, Моеата: это не то, что было прежде. Ты хотела, чтобы я женился на тебе, и я пытался это сделать. Теперь ты не должна больше откладывать. Иначе я разлюблю тебя.

Она почувствовала, что он говорит правду. Если она станет тянуть, между ними все будет кончено. Он начнет презирать ее.

— Ты действительно дашь клятву в церкви?

— Хочешь, пойдем сейчас же!

Сопrotивление Моеаты было сломлено.

— Пойдем!

Лунный свет падал сбоку на алтарь. В темноте он взял ее руку. Их пальцы скрестились.

— Господи, — твердо произнес Матаоа, — клянусь тебе, что женюсь на Моеате.

Ее голос прозвучал как вздох:

— Господи! Прости меня! Прости меня!

* * *

Каждый туамотуанец знал — родители, противящиеся браку своих детей, ничего так не боятся, как тапуни. Молодые безумцы садятся в лодку, берут с собой немного продуктов и уезжают далеко от деревни. Они находят пристанище в самых глухих уголках лагуны, внешнего берега или кокосовой рощи. Как их найти и вернуть, если они всегда настороже и готовы в любую

минуту сняться с места и вновь обратиться в бегство! Не всякие родители отваживаются отправиться в погоню за парой, совершившей тапуни: если им не удастся вернуть беглецов, они могут стать мишенью для насмешек. Ведь если даже они найдут молодых, те могут не захотеть слушать их доводы. Не применять же силу и не вступать в драку с собственными детьми! Все бы осудили таких родителей, на них показывали бы пальцем, ничего хорошего из этого не вышло бы.

Когда у туамотуанца сын или дочь совершает тапуни, какие бы чувства ни владели родителями — печаль, гнев или растерянность, они тщательно скрывают их, чтобы избежать шуток соседей. Разве они сами не смеялись бы первые над тем, с кем случилась подобная беда? Ведь в душе каждый туамотуанец восхищается молодыми людьми, которые, следуя традиции, смело бросают вызов старшим.

Они доказывают, что любят друг друга, что их чувства не каприз, как часто считают родители. Если бы им нужна была только типера, они могли бы тайно осуществить ее, не покидая деревню. А моторо для кого? Тапуни имеет совсем иной смысл, и это все понимают. О тапуни не принято говорить, спрашивают о нем сдержанно, избегая задавать вопросы родным молодых людей. Общественное мнение всегда на стороне тех, кто совершил тапуни.

Иногда девушка тапуни рождает ребенка — по правде сказать, почти всегда. Это дитя настоящих туамотуанцев, смелых и любящих друг друга. Бог милостив к такому ребенку, он рожден под счастливой звездой.

Но бывает, что беглецы недостойны уважения и внимания. Их тапуни не длится долго, скоро они возвращаются. Как-то раз родители одной девушки не дали парню согласия на брак с их дочерью. Они считали его изнеженным лентяем: он никогда не стал бы хорошим работником и мужем. Легкомысленная девушка говорила, что любит парня за красоту.

Спрашивается, зачем этим двоим нужно было тапуни? Только для того, чтобы раздосадованный парень мог доказать всем, на что он способен, девушка же слепо за ним последовала, готовая на все. Спустя месяц они вернулись в деревню под тем предлогом, что девушка больна и нуждается в лечении. На самом же деле един-

ственной ее болезнью была пустая голова. Они чувствовали себя фиу *, и в этом заключалось все. Неужели им было не стыдно вернуться так скоро? Надо совсем не иметь самолюбия, чтобы так поступать! Может, они просто хотели привлечь к себе внимание? Но они глубоко заблуждались. Всем лишь стало ясно, что родители девушки были правы. Чтобы заслужить уважение родных, парень должен был скрываться с девушкой несколько месяцев. Он же оказался трусом, и эта история кончилась для него и для девушки печально. Отец задал ему сильную трепку, а затем отправил на один из восточных островов Туамоту. Девушка же уехала в Папеэте, где стала портовой пукаруой **.

Все это Матаоа знал. Теперь, когда Моеата согласилась, он вновь обрел обычное спокойствие и прекратил разговаривать в семье на эту тему. Техина думала, что убедила его. На самом же деле Матаоа тщательно готовил побег, который рассчитывал совершить в будущем месяце.

Только Хаамару был посвящен в тайну и помогал ему. Украдкой они собирали копру и сдавали Ли Мину. Они делали это незаметно, носили понемногу, и никому не приходило в голову обращать на них внимание. Многие молодые люди поступали так же, чтобы сделать кому-нибудь из близких подарок или просто облегчить жизнь семьи, принося в дом свою долю продуктов. Как-то раз Хаамару принес от Ли Мина мешок риса, потом Матаоа приобрел в лавке большой нож и набедренную повязку. Вскоре все было готово.

* * *

Была глубокая ночь. Никогда Матаоа не ждал Моеату с таким волнением и нетерпением. Придет ли она? Они виделись в полдень. Она старалась казаться спокойной, но он видел, что она сильно нервничает. Он допытывался:

- Что с тобой? Ты боишься?
- Нет.
- Ты не изменишь своего решения?

* Фиу — глупец, глупость.

** Пукаруа — проститутка.

— Нет, не бойся.

Она вышла из церкви, и мысль о том, что она долго не сможет посещать ее, делала ее несчастной. Но Матаоа и это предусмотрел.

— Пойдем, я тебе покажу одну вещь.

Она пошла за ним к лодке. Раздвинув пальмовые ветки на носу лодки, он вытащил тщательно завернутую в набедренную повязку статуэтку святой девы.

— Я построю тебе часовню, только для тебя одной, и ты сможешь молиться.

Лицо Моеаты просияло от любви и признательности, но кто-то направлялся к ним, и они разошлись.

Легкий шум... Она? Нет, собака. Она узнала Матаоа и потерлась о его ноги. Если бы это был Маори! Может, взять пса с собой? Нет, нельзя. Это соседская собака, нельзя увезти ее без разрешения. Снова шум, шуршание легких шагов по пальмовым веткам. Матаоа узнал Моеату по силуэту. Пришла! Он забрал у нее свертки и присоединил к тем, что уже были аккуратно сложены на корме и прикрыты пальмовыми ветками. Только бы собака не залаяла! Но Матаоа приласкал ее, и она не издала ни звука, пока они спускали лодку на воду. Одно весло Матаоа протянул Моеате. Она села впереди. Небо было усеяно звездами. Беглецы скользили в тишине по неподвижной воде. Слышен был лишь всплеск весел. Матаоа казалось, что до него доносится стук сердца любимой. А может, это билось его собственное сердце. Ведь теперь их сердца слились воедино!

На рассвете беглецы были на месте. В этой части атолл делился на многочисленные островки, разделенные неглубокими каналами, которые заполнялись водой только во время приливов. Островок, выбранный Матаоа, был опоясан белым песком, по которому сновали крабы. Матаоа и Моеата высадились, разгрузили лодку, оттащили ее подальше и укрыли от посторонних взглядов в густой кокосовой роще. Роща давала приют многочисленным морским птицам. Песчаный пляж завершался широким рифом, открытым всем ветрам. Волны с шумом разбивались о риф, круто обрывающийся в безграничный океан.

Моеата развела огонь и приготовила чай. Она подала Матаоа чашку и по выражению его лица старалась понять, по вкусу ли ему напиток, не слишком ли он

крепкий или, наоборот, слабый, достаточно ли сахару, в меру ли он горячий. Она не поднесла свою чашку к рту, пока не убедилась, что все в порядке.

Потом они начали сооружать хижину. Из свежих пальмовых ветвей Моеата плела стены по указанному Матаоа размеру, а он вбивал в землю ветви аито с заостренными концами.

В полдень она сварила рис, часть которого оставила на ужин. Они съели его с мякотью кокоса, сдобрив кушанье кокосовым молоком. Затем вновь взялись за работу. До наступления ночи они успели возвести стены хижины. Завтра они укрепят ее, настелют крышу и закончат внутреннюю отделку. Эту ночь они проведут на полу, на циновке.

По мере того как день клонился к вечеру, Моеата становилась все серьезнее и молчаливее, и Матаоа ощутил, что ее тревога передается и ему. Они не осмеливались взглянуть друг на друга. Поели и попили, не произнеся ни слова. Он поднялся, чтобы постелить циновку на полу хижины. Когда он вернулся, Моеаты не было. Он знал, что она молится где-то невдалеке, но не видел ее. Он подложил веток в огонь и смотрел на пламя. Скоро Матаоа услышал шаги девушки, но поднял глаза, лишь когда она подошла совсем близко. Никогда их взгляды не были так красноречивы. Они принадлежали друг другу. Он поднялся, взял пылающую руку Моеаты и увлек девушку в хижину.

* * *

Дни текли, как в волшебном сне, не было мгновения, чтобы Моеата и Матаоа не занимались каким-нибудь делом, кроме тех часов, когда солнце стояло в зените. Тогда они отдыхали в прохладной хижине, спали, беседовали или любили друг друга, как в ночные часы.

Они подробно изучили свои владения. Свежую хрустящую сердцевину молодых кокосовых пальм можно было употреблять в пищу. Островок был изрыт норами кавеу, и с наступлением ночи Матаоа охотился на них, если это можно было назвать охотой. Он просто подстерегал и захватывал одного или двух кавеу, прежде чем те успевали спрятаться в свои убежища. На ужин подавались то зажаренные на раскаленных углях кавеу,

то собранные на рифе оура. Здесь же водились и ракообразные помельче, без усиков, чье мясо оказалось более нежным и изысканным, чем у оура. Их можно было собирать, как камни.

На самом островке в расщелинах камней, где образовались наносы с сильным специфическим запахом, росли высокие панданусы. Моеата срезала и складывала листья пандануса, чтобы плести из них циновки. На берегах островка гнездились птицы. Когда Моеата собирала яйца, всегда находилась упрямая самка, которая истошно вопила и била клювом, отказываясь от подачек.

На скале, нависшей над морем, сидела пара фрегатов. Заметив с высоты своего полета в море рыбу, фрегаты складывали свои большие черные крылья и стремительно, камнем, кидались вниз на добычу.

Маленькая птичка с ярким сверкающим оперением позволяла сажать себя на ладонь, гладить ее перышки. При этом она слегка склоняла маленькую головку. Она часто прилетала к хижине и порхала вокруг нее.

На песчаной косе, являвшейся продолжением берега, раки-отшельники вели жестокие бои за раковины. Прилив заносил туда множество самых разнообразных раковин, моллюсков, которые кишмя кишели на рифе. Моеата и Матаоа их собирали. Одни раковины нравились им цветом и формой, другие годились в пищу. Дно лагуны у самого берега представляло собой коралловый массив, изобиловавший рыбой. Нырнув несколько раз, Матаоа ловил столько рыбы, что ее хватало и на обед и на ужин. Стол разнообразили также фетюэ, собранные Моеатой.

Нельзя было утолять жажду лишь соком кокосовых орехов — он вызывал расстройство желудка. На следующий день после того, как Матаоа закончил строить хижину и часовню, он выкопал колодец. Ему пришлось рыть несколько часов, пока показалась вода. Тогда Матаоа укрепил колодец камнями. Его солоноватая вода годилась для приготовления пищи и умывания, но чай, даже с большим количеством сахара, сохранял привкус горечи. Спустя некоторое время они, однако, свыклись с ним.

Каждый день Моеата собирала мелкие раковины, из которых наловчилась делать красивые ожерелья. Они

украшали их хижину внутри. Часть она складывала к ногам святой девы в маленькой часовне, где молилась. Ее молитвы уже не походили на те, что она возносила святой деве в первый вечер и даже в последующие дни. Тогда она просила прощения за грех, который была вынуждена совершить со своим возлюбленным, видит бог, не по своей вине. Теперь ее поступок не казался ей более грешным, ибо только сейчас для нее началась настоящая жизнь. Она обращалась к непорочной деве как женщина, открывающая сердце другой, бесконечно доброй женщине, которую Моеата молила о заступничестве перед богом. Разве лицо и улыбка богоматери не были полны понимания и милосердия?

Матаоа был глубоко счастлив переменой в своей подруге. Вначале он опасался, что чувства страха и раскаяния еще долго не покинут Моеату, это приводило его в уныние. Он ощущал свою вину перед девушкой, ведь на нем лежала ответственность за все происшедшее. Он не был бы счастлив, видя, что Моеата страдает. Но откровение любви преобразило Моеату. С каждым днем она становилась все более пылкой, нежной и ласковой. Часто он замечал в ее глазах выражение покоя и счастья, наполнявшего его гордостью, ведь это он дал ей счастье, так же как Моеата сделала счастливым его.

* * *

Дважды к их убежищу приближалось судно, и они готовились к бегству, а в случае надобности, и к отпору тем, кто захотел бы помешать их счастью. Но каждый раз маленький парус удалялся в глубь лагуны, туда, где находилась их деревня и все, кто в ней остался.

По просьбе Матаоа Моеата сплела длинную узкую циновку из пандануса, накрыла свежими пальмовыми листьями и приспособила для собирания дождевой воды. Эта вода была вкуснее колодезной. Из копры они вытапливали масло, которым пользовались для приготовления пищи и освещения, хотя в последнем не было особой необходимости. Ели они у хижины, в тени ее навеса. Матаоа соорудил там стол и врезал в стволы пальм скамьи. Чего им недоставало? У них было все! Матаоа, когда хотел, умел заставить Моеату смеяться. Сидят они, к примеру, за столом. Вдруг Матаоа смотрит по-

верх плеча Моеаты и обращается к воображаемому прохожему:

— Тамаа!

При этом он сохраняет такое серьезное выражение лица, что всякий раз Моеата поневоле оборачивается, как будто и вправду кто-нибудь может стоять у нее за спиной.

— Кого ты ждешь, а? Кавеу, фрегата или крысу?

Из кокосовых орехов он вырезал ножом гримасничающие головы. Одну он назвал именем, заставлявшим ее смеяться до упаду, другую — Моеатой. Но это была не теперешняя Моеата, а прежняя, той поры, когда она так сурово обращалась с ним. Моеата обожала эту куклу.

Приближалось время, когда черепахи приплывают откладывать в песок яйца. Однажды утром Матаоа увидел следы на пляже. Вечером они нашли и самоё черепаху. Они с трудом перевернули ее. Эта первая черепаха дала им не только много яиц и мяса, которое они могли засушить впрок, но и большое количество жира, а великолепный панцирь украсил хижину.

Потом они поймали вторую, затем третью, наконец, черепах появилось столько, что они перестали обращать на них внимание. В тот день, когда попалась третья черепаха, Моеате показалось, что она беременна, но, не будучи уверена, она решила выждать месяц и пока ничего не говорить Матаоа.

* * *

Никогда Техина не видела Мато таким. Много дней он пребывал в состоянии сильного гнева. Может, это действовала таравана, которая изменила свою форму, как это часто бывает по прошествии стольких лет? Или, наоборот, таравана тут была ни при чем? Когда Матаоа совершил тапуни, а родители Моеаты пришли и устроили скандал, Мато лишь насмешливо улыбнулся и сказал жене, что она хорошо потрудились и теперь должна быть довольна делом своих рук.

— Бери лодку и отправляйся за этим поино! — приказала Техина.

— Отправляйся сама, если хочешь! Ты такая нежная мать, что, конечно, он тебя послушает.

Таким образом, он открыто стал на сторону сына! А Моссиу в своем кресле делал вид, что читает, сам же едва сдерживал смех. Техина была глубоко уязвлена, но понимала, что ей лучше молчать. Она помнила, каким был Мато до того, как стал таравана. Его трудно было вывести из себя, но наступал момент, когда ему нельзя было перечить.

Проходили месяцы. Мало-помалу Техину охватывало сомнение и беспокойство. И причиной тому было не только то, что некоторые женщины изменили к ней свое отношение. Где-то в глубине души она чувствовала себя виноватой. Она недооценила Моеату. Техина никогда не считала ее способной послушаться родителей, пренебречь мнением всей деревни, не побояться бога... Эта девушка поступила мужественно и доказала, что любит Матаоа. Техина, настоящая женщина, не могла этого не признать. Сумеет ли по крайней мере Моеата приготовить вкусную еду ее сыну? Эта безумная пара способна питаться только кокосовыми орехами и ракушками! Как будет выглядеть Матаоа, когда она вновь увидит его?

Однажды по радио передали, что губернатор Туамоту совершает турне на правительственном судне «Тамарии» и вскоре прибудет на Арутаки.

Фареуа созвал сначала совет семи, затем всех жителей. На пристани будет воздвигнута арка из зелени, при входе в деревню — вторая такая же. Все хижины должны быть украшены пальмовыми ветвями! Тоуиа или другая женщина, если Тоуиа откажется, сочинит специальную песню в честь гостя. С этого же вечера оркестр начнет репетиции. Состав его должен быть увеличен. Те, у кого более трех свиней, обязаны одну сдать, у кого более пяти кур — тоже сдать по одной, а семьи, владеющие десятью курами и больше, — по две. Рыбаки отправятся на ловлю черепах, которые до большого тамаараа будут находиться в общественном бассейне. Все преподнесут губернатору подарки — кто что может, по меньшей мере один подарок от семьи.

Фареуа и члены совета семи подготовят речь и список ходатайств губернатору. Среди них — просьба об отпуске материалов для расширения пристани и строительства большого навеса для копры. Мато выслушал все это с удовольствием. Вернувшись в хижину, он сразу помрачнел и зло взглянул на Техину. Вначале она

удивилась, но затем догадалась о причине его недовольства и почувствовала, как в ней тоже поднимается раздражение против мужа.

— Что ты на меня так смотришь?

— Где Матаоа? — взорвался он. — На остров приезжает губернатор, а наш сын в тапуни!

Она хорошо представляла себе, как им будет стыдно перед всеми, и зло ответила:

— Я говорила, что нужно догнать их и вернуть обратно! Что ж, отправляйся их разыскивать теперь.

Он пожал плечами.

— Ах, ты не хочешь? Так пусть он там сдохнет со своей Моеатой!

Мато сжал свои большие кулаки и двинулся на нее. Неужели он побьет жену? Он ударил по столу с такой силой, что кувшин с водой упал на землю и разбился на тысячу кусков.

Глава одиннадцатая

ЖЕРТВЫ КОРАБЛЕКРУШЕНИЯ

Среди ночи Моеата внезапно вскочила и прислушалась. Ничего, кроме привычного равномерного гула волн, разбивающихся о риф... Может, ей почудилось? Нет, она была уверена, что ее разбудил необычный шум. Она дотронулась до Матаоа. Он открыл глаза и повернулся:

— Что случилось?

— Я слышала шум.

— Какой шум?

— Он донесся с моря, только что.

Матаоа зевнул. Вчера целый день дул сильный, порывистый ветер, и на море поднялось волнение. Не удивительно, что волны ударились о берег с большей силой. Он успокоил ее:

— Это море. Ничего не бойся, спи.

— Нет, Матаоа, я убеждена, это было не море.

— Тогда что? Что это могло быть, по-твоему?

У них возникла одна и та же мысль. Она боялась тоупапу. По правде сказать, Матаоа и сам думал, что это слово лучше не произносить ночью и вообще выкинуть его из головы. Он старался побороть возникший у него страх.

— Спи, — повторил он, — это море, — и заставил ее лечь.

Ветер все сильнее шумел в пальмах, затем пошел дождь.

— Вот что ты слышала, — бормотал он сквозь сон. — Это был ветер.

Но беспокойство Моеаты не проходило. Вдруг она схватила его руку и сжала. На этот раз сомнения не оставалось.

— Слушай!

С моря доносился угрожающий треск.

Матаоа больше не испытывал страха. Чутье не могло его обмануть. К острову прибило какой-то предмет. Он должен узнать, в чем дело. Матаоа поднялся, все еще прислушиваясь:

— Пойду посмотрю.

— Я боюсь! Не оставляй меня одну!

— Пойдем со мной!

Они вышли и сразу же промокли до нитки. Ночь была темная. Они обогнули остров берегом, чтобы не идти напрямик через темную рощу. Матаоа инстинктивно сжимал острогу.

Наконец, они вышли к рифу и, пораженные, остановились. Перед ними лежал на боку большой парусник. Ветер хлопал белыми парусами. Разъяренные волны, вынесшие судно на берег, вновь и вновь обрушивались на него со страшной силой. Было время большого прилива.

— Идем!

Матаоа бросился вперед. Вода была им выше колен, а иногда доходила до бедер, волны то влекли их вперед, то отбрасывали назад.

Они изранили ноги об острые камни, оступаясь на каждом шагу и попадая в расщелины рифа. Но оба не обращали на это внимания. Они падали, опрокинутые шквалом, и снова поднимались, когда вода отступала и обнажала неровные выступы скалы. На накренившейся палубе они различали человеческие фигуры. Теперь нужно было плыть. Матаоа прокричал на ухо Моеате, чтобы она ждала его здесь, а сам кинулся в волны. Они увлекли его в направлении моря. Несколько мгновений ему казалось, что он задохнется в пене. Волна неумолимо несла Матаоа вперед, и он не в силах был ей сопротивляться. Неужели море засосет его? Или бросит на острые скалы? Матаоа понял, что отлив делится на два потока, с двух сторон обтекающих судно, и плыл изо всех сил, стараясь оказаться напротив парусника, который приближался с головокружительной быстротой. Он наткнулся на какое-то препятствие, его подбросило, и, оглушенный, он очутился перед развороченным корпусом корабля. С палубы его увидели и бросили трос. Ухватившись за него, Матаоа поднялся на палубу.

Трое белых людей с волнением смотрели на него. Один дотронулся до его головы и плеч, затем крепко пожал ему руку. Другой снял с себя рубашку и остановил кровь, текущую из его ран. Тут подошел четвертый — таитянин.

— Где мы находимся?

— На Арутаки.

Он повернулся к своим белым спутникам и заговорил на их языке. Его слова удивили их: кораблекрушение было вызвано навигационной ошибкой.

Палуба дрожала под ударами шквала, водяная пыль летела через борт, о который разбивались волны. Под порывами ветра оглушительно хлопали паруса. Один белый спустился вниз и вернулся с бутылкой спирта. Он протянул ее Матаоа. Тот смог сделать лишь один глоток — ему сразу обожгло желудок.

Таитянский язык немного отличался от языка, на котором говорил Матаоа, но он знал много таитянских слов: он объяснил, что должен вернуться к своей жене, ожидающей его на рифе. Они с ней подождут неподалеку и вернуться, когда схлынет прилив. Теперь с парусником уже ничего не случится. Разве что особенно сильные волны отнесут его еще на несколько метров вперед. После отлива потерпевшим кораблекрушение будет легко спуститься на риф и добраться до острова. Дальше видно будет. Матаоа огляделся вокруг, прежде чем покинуть борт корабля. Он никогда не представлял себе, что может существовать подобный корабль — гораздо больше «Ваинианиоре» и в тысячу раз красивее. И от него осталась лишь груда обломков! Какая жалость! Матаоа даже стало грустно.

* * *

«Южный ветер» — шхуна водоизмещением сто тридцать тонн шла из Гонолулу в Папеете. До трагической ошибки, метров с двадцати бросившей великолепное судно на риф Арутаки, его последняя остановка была у Нукухивы на Маркизских островах.

Раненых на борту не было, только несколько человек получили ушибы в момент толчка, но «Южный ветер» был безвозвратно потерян.

Кроме владельцев — американца шестидесяти лет,

его жены и двух высоких белокурых дочерей — на борту находилось еще восемь человек команды. Капитан, пятидесятилетний великан с лицом боксера, был совершенно подавлен катастрофой, за которую он нес ответственность. Старший помощник, наполовину таитянин, с седыми волосами и спокойным, приветливым лицом философа, по внешности был полной противоположностью капитану. Это он разговаривал с Матаоа. Трое юношей-американцев от шестнадцати до восемнадцати лет плавали на правах членов экипажа. Они оплачивали свой проезд тем, что помогали механику и двум матросам. Последние все были с Гавайских островов.

Еще до рассвета, как только отступил прилив, люди начали на спинах перетаскивать через риф груз с корабля на песчаный берег. Матаоа соорудил небольшой навес из пальмовых веток, кое-как прикрывавший вещи от дождя. Их хижина уже давно была переполнена. Моеата поддерживала огонь и поила чаем продрогших людей. Правда, от дождя и сырости они страдали меньше, чем от усталости после бессонной ночи.

Только капитан не пил и не ел и даже не отвечал на приглашения Моеаты. Он сидел, прислонившись спиной к стволу кокосовой пальмы, уперев локти в колени и положив подбородок на руки, и, безразличный ко всему окружающему, не сводил глаз с остова корабля. Время от времени он опускал голову и скрипел зубами.

Кроме капитана, казалось, никто не был особенно удручен катастрофой. Всех заботили лишь насущные проблемы — нужно было переправить на остров все, что необходимо для жизни на нем в течение долгого времени.

Даже мужчины не привыкли ходить по рифу и пробирались по нему с большим трудом, а о женщинах и говорить нечего, но работали все мужественно и энергично. Матаоа чувствовал, как их энергия передается ему, но одновременно ощущал, что она чужда его природе. Что-то в этих людях возбуждало любопытство Матаоа, но и пугало его. Тем не менее его влекло к ним, особенно к старшей чете.

Как ласково улыбались они Моеате, принимая по очереди из ее рук чашки с чаем! Лица их были спокойны и благожелательны. Они с удовольствием пили чай, и казалось, что больше всего их в ту минуту интересо-

вала Моеата и он сам, Матаоа. А ведь они только что лишились всего своего имущества! Другие на их месте были бы печальны и подавлены.

Прежде чем приступить к разгрузке, старший помощник задал Матаоа несколько вопросов. Нет ли на ближайших островах населенного пункта? Одни ли они здесь? Где находится деревня и за какое время можно до нее добраться? Ответы Матаоа он перевел на язык белых, и те посмотрели на Матаоа, а затем на Моеату с дружелюбным любопытством. Они обменялись несколькими словами, и Матаоа по их виду понял, что они довольны встречей с ним.

Мужчины спустили три шлюпки. На них можно будет перевозить грузы во время прилива, который начнется через несколько часов. Паруса убрали. По голым мачтам били тросы. Без парусов выброшенное на риф судно являло собой еще более жалкое зрелище.

Матаоа предложил свои услуги. Было решено, что он отправится на лодке в деревню и уведомит вождя о происшествии.

* * *

Матаоа высадился на берег лагуны на окраине деревни. Он рассчитывал, что встретит здесь меньше людей, чем если бы причалил к пристани в центре Арутаки. Усталость валила его с ног, но он твердо решил вернуться назад, как только переговорит с Фареуа. На обратном пути, в нескольких километрах от деревни, он выберет место, где отдохнет, иначе у него не хватит сил грести еще несколько часов.

По дороге к Фареуа Матаоа встретил нескольких жителей деревни, и, прежде чем он добрался до хижины вождя, весь Арутаки знал о его приезде. Языки немедленно заработали. Несомненно, он явился повидать Фареуа, чтобы тот ходатайствовал за него и Моеату перед родителями. Или Моеата заболела? Может, она тоже высадилась и прячется, ожидая результатов его переговоров? Кто-то из соседей предупредил Техину:

— Матаоа тут!

Она приложила руку к груди:

— Где он?

— У Фареуа.

Сколько раз вглядывалась она в лагуну в надежде увидеть лодку Матаоа, возвращающегося в родную деревню! Но напрасно ждала она сына. И вот, неожиданно, он тут! Как он выглядит? Худой, обросший длинными, спутанными волосами, израненный, больной? Наоборот, он выглядит совершенно здоровым и стал еще красивее. Техина немного успокоилась. Она умирала от желания видеть сына, но ни за что на свете не сделала бы первого шага к примирению. Впрочем, разве не ясно, для чего он приехал? Он хотел, чтобы его простили, но сам не отважился предстать перед родителями и обратился к посредничеству Фареуа. Так или иначе, если Матаоа воображает, что ему все сойдет с рук, то он ошибается!

Фареуа принял молодого человека с напускной суровостью:

— Ну, тапуни окончилось? Ты вернулся с Моеатой?

— Я один, я не вернулся.

Он объяснил причину своего появления в деревне. Нужно будет поехать за потерпевшими кораблекрушение. Что касается его самого, то он возвращается на островок немедленно.

Фареуа был изумлен. Наконец, он положил руку на плечо Матаоа:

— Хорошо, ты поступил правильно.

Прежде чем выйти из хижины, Матаоа, немного колебавшись, спросил:

— Как поживают мои родители?

— По-моему, очень хорошо. Ты не пойдешь пови-
дать их?

Он отрицательно покачал головой.

Фареуа еще не определил степень важности двух событий на Арутаки — предстоящего визита губернатора Туамоту и кораблекрушения — и никак не связывал их между собой. Поэтому он не сказал Матаоа, сколь желательно его возвращение, которое избавит родителей от стыда и огорчения.

Вот так история! Вся деревня была в волнении. Молодая пара совершила тапуни. Большой парусник потерпел кораблекрушение. И где же? Как раз на рифе, где поселились тапуни!

И вот юноша, совершивший тапуни, пришел в деревню, чтобы сообщить о катастрофе. Эту историю будут рассказывать до тех пор, пока останется жив хоть один человек, способный ее повторить. Многие хотели повидаться с Матаоа, чтобы разузнать подробности, но он уже уехал, и даже родители не видели его.

Подумать только, он уехал и не зашел к ним, чтобы сказать хоть слово, не захотел даже взглянуть на мать! Техина страдала. Но даже сейчас оскорбленное самолюбие брало верх над ее чувствами к сыну. Какое ей дело теперь до мнения окружающих, если ее сын вел себя по отношению к ней, как чужой? А тут еще Мато и Тао захотели принять участие в экспедиции на островок. Она этого не перенесет.

В конце концов Мато уступил ее настояниям. Техина была права, Матаоа должен был по крайней мере оставить им весточку о себе. В последний момент, однако, он не удержался и попросил Тао сказать Матаоа следующее: «Он и мать очень довольны своим сыном и его поведением в связи с кораблекрушением». И тайком передал ему подарок.

В деревне снарядили не только три моторные лодки, которыми располагал Арутаки, но и все парусные.

* * *

Не успел Матаоа возвратиться к себе, как увидел с берега приближающиеся паруса. Он разделял чувства Моеаты, которыми она только что поделилась с ним в хижине. Что будет с ними и как им, совершившим тапуни, вести себя перед людьми? Ведь только за сутки до этого они были одни во всем мире!

Но в то же время он испытывал гордость от того, что люди Арутаки приплыли на помощь пострадавшим. Их уединение было нарушено, но речь шла о потерпевших кораблекрушение, о катастрофе, с которой они были непосредственно связаны. Их личные переживания отступали на второй план по сравнению с этим событием.

Вскоре пристала первая лодка. Из нее высадилось двенадцать человек во главе с Фареуа. Он с большим достоинством приблизился к группе ждавших на берегу людей. Матаоа представил его старшему помощнику,

таитянину, и тот перевел капитану и экипажу взволнованные слова вождя.

Он сожалел, говорил Фареуа, что люди, пришедшие с моря, попали на атолл Арутаки не по собственному желанию, а волею столь печальных обстоятельств. Поистине бог располагает стихиями и людьми. На Арутаки не было мужчины, женщины или даже ребенка, которые остались бы равнодушны к этому несчастью и не сочувствовали бы пострадавшим. Пусть эти люди чувствуют себя здесь как дома и считают жителей Арутаки своими братьями, которые готовы сделать для них все, что в их силах. Трудно выразить словами то, чем полны их сердца.

Старый белый человек, как и его спутники, казалось, был глубоко тронут этим обращением и пожал руку Фареуа и его односельчанам.

Но красноречивее слов было молчание жителей Арутаки, когда их провели в конец пляжа, откуда был виден выброшенный на риф корабль. Люди Арутаки пускались на лодке в плавание по миру, воплощенному для них в родном атолле. Они знали лишь берега атолла и дно лагуны, да и то, по их убеждению, не до конца. Из открытого моря, через пролив, прорезающий затерянное в океане кольцо кораллов, приходили к ним только медлительные, тяжелые шхуны с Таити, большей частью «Ваинианиоре». По сравнению с «Южным ветром» это были ненастоящие корабли. «Южный ветер» мог смело плавать по всем морям и покрывать расстояния между самыми отдаленными странами. Это судно было вестником внешнего мира. Люди Арутаки были потрясены зрелищем громадного, завалившегося на бок корпуса, которому никогда больше не суждено рассекать волны океана.

Владельца «Южного ветра» звали Гарри Хиггинботем, жену — Мэри, а дочерей — Сара и Дороти. Таитянин, старший помощник, откликался на имя Билли. Что касается капитана, то его имя произносили шепотом: Лестер. Он по-прежнему пребывал в прострации, не говорил ни слова, и никому не удавалось вывести его из этого состояния. Не сошел ли он с ума? «Не исключено», — сказал старший помощник.

Какое счастливое совпадение, что в ближайшее время прибудет правительственное судно! Наверно, губер-

натор изменит курс, чтобы отвезти потерпевших в Папеэте. А пока их надо как-нибудь устроить.

Было решено, что Гарри, Мэри, Сару и Дороти сегодня же доставят в деревню. Билли будет продолжать руководить разгрузкой судна, и двенадцать человек с Арутаки присоединятся к экипажу. Построят навес для вещей, а также две или три хижины для людей. Когда все, что можно перенести, будет доставлено на берег, решат, что делать дальше. Одна моторная лодка останется для связи. Она двигается быстрее, чем пирога.

Когда обо всем договорились и работа закипела, Фареуа и два члена совета семи вспомнили о Матаоа и Моеате. Они направились к хижине тапуни, и Тао присоединился к ним. За несколько минут до этого, предвидя неизбежный разговор, Матаоа отвел Моеату в сторону:

— Нас будут просить вернуться. Как ты думаешь поступить?

— Я не знаю. Мне стыдно. Все на меня смотрят.

— Хочешь вернуться в деревню?

— А что там с нами будет? Снова начнем жить, как раньше?

— Ты хорошо знаешь, что нет.

— Делай, как хочешь. Тебе решать.

Матаоа раздумывал. Они не должны обращать внимания на необычную обстановку в связи с кораблекрушением и на присутствие иностранцев. Нужно действовать так, как если бы ничего не произошло.

* * *

— Вот почему сегодня же вы оба должны вернуться, — заключил Фареуа.

Лицо Матаоа сохраняло выражение почтительного внимания, он опустил глаза и погрузился в размышления. Они дошли до затемненного уголка пляжа, выдававшегося в лагуну. Только что они с Моеатой молча выслушали все доводы Фареуа, двух членов совета семи, а также Тао. Последний сообщил, что Техина и Мато простили их, и передал Матаоа подарок отца. Теперь пришла очередь Матаоа высказать свое мнение. Юноша оказался в затруднительном положении. Он испытывал

большое почтение к этим влиятельным пожилым людям, но не хотел обещать ничего такого, что шло бы вразрез с интересами его и Моеаты. Довольно долго они вели оживленную дружескую беседу. К какому же заключению они пришли в результате? Приезжает губернатор Туамоту и будет стыдно, если они останутся в тапуни. Пусть они к этому времени вернуться, а затем все уладится.

— Ну, как? — спросил Фареуа.

— Мы хотим пожениться, вот и все, — сказал Матаоа.

— Я тебе сказал, сначала лучше вернуться.

Но Матаоа не хотел остаться в дураках. Он покачал головой:

— Мы оба хотим, чтобы сначала родители дали нам согласие на брак.

Теперь было сказано все. Наступило молчание.

Только сейчас Матаоа понял, как правильно поступил, взяв на себя смелость послушаться старших. Он сделал бы ошибку, если бы согласился с их доводами. Фареуа и все остальные также почувствовали, что Матаоа прав. Нужно было убеждать не этих двоих, а их родителей. Они обменялись многозначительными взглядами и поднялись.

* * *

Весь следующий день Матаоа трудился над окончанием навеса, а Моеата, занятая стряпней, не имела ни одной свободной минутки. Обилие новых продуктов в ящиках и коробках, составлявших груз корабля, ставило ее в затруднительное положение.

Оба они желали, чтобы день поскорее закончился и они остались вдвоем. Этот момент наконец наступил. Котелки были подвешены над огнем. Люди отдыхали на пляже, курили и беседовали на своем странном языке. Теплые, мягкие сумерки спустились на остров. По уснувшей поверхности лагуны скользила парусная лодка, четко выделявшаяся на фоне сиреневого неба.

Вот парус убрали, и люди сели на весла. Матаоа вскочил. Ему показалось, что один из гребцов — Мато. Возможно ли это? В суматохе ни он, ни Моеата не обратили внимания на лодку, маячившую где-то в глубине

лагуны. Теперь Матаоа ясно видел, что лодка приближается к острову. Он не выдержал, спустил пирогу на воду, вскочил в нее и что есть силы заработал веслом. Усталости как не бывало. Пирога птицей летела по воде. Теперь он не сомневался, что в лодке сидел Мато. А там, на корме, вроде бы отец Моеаты... Так оно и есть, они оба там! В паре с Мато греб Хаамару. Хаамару, с которым он вчера не успел обменяться и словом! Кажется, они с Моеатой выиграли сражение! Однако рано праздновать победу. Что еще скажут родители!

Матаоа пригнулся от напряжения и начал грести еще быстрее. Хаамару выпустил весло и бросил ему трос. Матаоа прыгнул на борт.

— Проклятый ветер! — произнес Мато несколько смущенно.

— Нам нужно было выйти раньше, — сказал Нумаи, отец Моеаты.

Хаамару хранил молчание.

— Ну, — спросил Мато, — как поживает Моеата?

— Хорошо, — пробормотал Матаоа, сбитый с толку обыденностью встречи.

— А! Твоя вахине * чувствует себя хорошо, — расхохотался Мато и одобрительно посмотрел на другого отца, с видом сообщника подмигнувшего ему. Неплохую шутку сыграли они с Матаоа, который скорее выглядел дикарем с Восточных островов, чем женихом. Ну, теперь пора сообщить ему добрую весть!

— Все улажено! — воскликнул Мато.

Юноша почувствовал комок в горле.

— Фареуа говорил с нами, — продолжал Мато, — со мной, с матерью, с родителями Моеаты. Вы поженитесь, все согласны!

Мато задохнулся от волнения. Он бросился в объятия отца и оторвался от него, чтобы прижаться к груди Нумаи, а потом Хаамару. Ему хотелось обнять лодку, море, небо! Он заплакал. Все четверо плакали и в то же время смеялись.

— Дай мне!

Матаоа взял весло из рук Мато. Хаамару греб с другой стороны. Лодка сделала рывок и стрелой полетела к берегу.

* Ва х и не — жена.

Преступление Лестера

Целых три дня прошло с тех пор, как пассажиры выброшенного на риф корабля перебрались в деревню. Как только они ступили на берег, их начали осаждать со всех сторон: каждая семья хотела приютить у себя одного или двоих пострадавших.

В конце концов решили тянуть жребий, чтобы никого не обидеть. Гарри и Мэри поселились у Фареуа, Сара и Дороти заняли большую комнату в хижине Мато. Они быстро подружились с Техиной.

Большую часть груза — продукты, одежду, ценные и боявшиеся сырости вещи — тоже перевезли в деревню. Остальной груз оставили на островке, сложив его под навесом и в хижине и накрыв парусами и пальмовыми ветвями. Правительственный корабль «Тамарии» попросят пересечь с лоцманом лагуну и перевезти оставшиеся вещи. Судно с губернатором должно было с минуты на минуту прибыть на Арутаки.

Население атолла брталось с потерпевшими кораблекрушение. С их появлением жизнь деревни сильно изменилась. Все хотели, чтобы они остались навсегда, и относились к ним с большой сердечностью. Только один человек вызывал у всех неприязнь и презрение: Лестер. Он остановился в хижине Тоуиы и пьянствовал с утра до ночи. Пусть лучше не появляется на тамаараа в честь губернатора! Никто не хочет его там видеть.

Когда первое волнение в связи с кораблекрушением улеглось, все стали размышлять о причине катастрофы. Несомненно, кто-то допустил грубую ошибку. В момент удара о рифы паруса на шхуне были зарифлены, «Южный ветер» шел при помощи двигателя. Ночь действительно была темная, море беспокойное. Но буря была не настолько сильная, чтобы вызвать кораблекрушение. Подумать только! Наскочить на риф! Лестера осуждали не только за то, что он, капитан судна, не сумел предотвратить несчастье, но также за глупость и заносчивость. Сначала он внушал жалость, но отношение к нему изменилось, когда все узнали правду.

Любой человек, искушенный в мореходстве, знал: одно дело вести судно в открытом море или вдоль знакомых берегов, другое — среди атоллов архипелага Туамоту. Это мог сделать лишь опытный моряк, такой, как

Билли, например, старший помощник — таитянин! Двенадцать лет каботажного плавания в Полинезии научили его понимать, каким опасностям подвергается судно, прокладывающее себе путь среди островков, которых насчитывалось не менее пяти тысяч.

Полагаясь на свою осведомленность, Билли счел нужным предупредить Лестера, как трудно вести корабль в этих водах. Ведь это было его обязанностью! Правда, Лестер редко прислушивался к чьему бы то ни было мнению, но, с другой стороны, он совсем не знал этих мест.

— Осторожно, — сказал Билли, — компас и карты хороши между Гавайями и Маркизами. Теперь же нужно усилить вахту. Нельзя ослаблять внимание, и не следует особенно доверять морским картам этого района, лежащего в стороне от главных путей и малоизученного.

Но Лестер «поставил его на место». Он знает свое дело и не нуждается в советах, а Билли здесь для того, чтобы выполнять его приказания. Билли возразил, что вовсе не собирался подменять капитана, а хотел лишь поделиться с ним опытом. Это было в интересах всех, кто находился на борту судна.

Лестер грубо ответил: когда он будет нуждаться в советах старшего помощника, он поставит его в известность. Билли замолчал. Ни для кого не было тайной, что Лестер не любил цветных и не питал к ним доверия. «Это черномазые-то знают море? — говорил он. — Ерунда! Даже самые лучшие из них не умеют читать карту и прокладывать курс. Все эти небылицы о их знаменитом инстинкте, чувстве природы, умении ориентироваться по звездам и солнцу — дешевая экзотика и вранье. На это есть карты, навигационные приборы и мореходные инструкции. Не для собак же они писаны!»

После Маркизских островов Лестер ограничился тем, что внимательно следил за курсом и чаще обычного сверялся с картой. Однако Билли беспокоили показания компаса. Легкое отклонение стрелки, не превышавшее, по его расчетам, трех градусов, Лестер считал нормальным и не обращал на него особого внимания. Тем не менее еще на Маркизах при определении курса на Уа-Ука была допущена ошибка, свидетельствующая о том, что компас отклоняется больше, чем на три градуса.

Но Уа-Ука — высокий остров, его легко различить издалека, и ошибка в расчетах в один-два градуса прошла незамеченной. Билли не отважился сообщить о своих опасениях Гарри Хиггинботему, владельцу корабля. Хиггинботем не впервые плавал с Лестером, в то время как Билли был на корабле новичком. Его упрекнули бы в том, что он сеет панику на борту. Однако чем больше судно углублялось в архипелаг, тем сильнее Билли охватывало беспокойство. Сколько шхун разбилось на его веку из-за халатности капитанов и старших помощников!

С наступлением вечера он решился вторично обратиться к Лестеру:

— Нужно ли поставить наблюдателя на ночь?

— Зачем? Разве мы идем по неправильному курсу?

— Этого я не сказал, но погода плохая, видимость ухудшается — быть может, одного штурвального недостаточно.

Лестер не ответил и повернулся к нему спиной. Билли заколебался, но все-таки спросил еще раз:

— Так как вы решили?

— Бог мой, вы еще здесь! Разве я не сказал, чтобы вы убирались к чертовой матери?! Мне понадобятся советы такой макаки, как вы, на суше, чтобы знать, какая из ваших потаскух не больна оспой! Идите к дьяволу!

Так Лестер погубил судно.

Попаа на Арутаки

Никогда еще на Арутаки не было столько попаа! К белым пассажирам «Южного ветра» присоединился высадившийся с «Тамарии» губернатор в сопровождении двух должностных лиц и механика — на одну четверть таитянина. Никогда еще тамаараа так не удавался, не был столь веселым и оживленным! Лестер — и тот оказался приятным товарищем, и некоторым даже стало стыдно, что до сих пор его все обходили стороной.

Несомненно, трудно было питать к нему дружеские чувства, но как не пригласить его на праздник? Поэтому он тоже присутствовал на тамаараа и на него, как на всех, надели ожерелья из раковин и венки. Сначала

он сидел мрачный и угрюмый, но потом оживился и даже пригласил Тоуну танцевать тамуре, вызвав бурю смеха. Почему он пошел танцевать именно с ней? Разве не ясно? Он у нее жил. Певцы, музыканты, танцоры, так же как и ораторы, старались превзойти один другого. Особенно гордились речью Фареуа, хотя он и говорил впоследствии, что полностью забыл подготовленный текст и отдался на волю вдохновения. И это было очень хорошо. Недаром старики говорят, что лучшие речи те, что идут от сердца, а не от головы.

Все разделяли чувства, выраженные вождем.

— Это самый большой день для Арутаки, — начал он. — А почему? Среди нас губернатор, отец Туамоту. И еще двое. Нас посетили и два других фарани. Зачем они здесь? Может, для того, чтобы слушать наши песни, смотреть танцы, вдыхать аромат тиарэ? Нет, они приехали ради нашего блага. Один хочет сделать нас богатыми, увеличив доходность кокосовых рощ Арутаки, другой покажет, как надо лечиться, чтобы дольше сохранить свою жизнь. А вот человек, который заботится о двигателе правительственного корабля, плавающего с атолла на атолл по всему Туамоту. Здесь сидят и другие поаа, которые потеряли свой караван на нашем рифе. Они потеряли, а мы выиграли. Что мы выиграли? Но разве мы не видим, что поаа любят туамотуанцев, а туамотуанцы любят поаа?

Здесь Фареуа замолчал, подыскивая слова, чтобы сказать еще что-нибудь, но, беспомощно оглядевшись вокруг, смог лишь пробормотать:

— Это правда.

Тогда губернатор, видя волнение Фареуа, поднялся и ответил ему также от всего сердца.

— Это правда, совершенная правда, — сказал он. — Туамотуанцы созданы, чтобы понимать и любить поаа, будь они фарани, американцы или жители другой страны. Сказано, что все люди — братья, но многие люди на земле забыли об этом, и им было бы полезно ненадолго приехать на Туамоту, чтобы вспомнить эту истину.

Поистине незабываемый день!

Но недаром сказано: с венками встречают гостей и с венками провожают. Встречают с радостью, а провожают со слезами.

Как печален был следующий день, когда речь зашла

об отъезде гостей с Арутаки! Фареуа и другие члены совета семи сочли неуместным обсуждать в такой день с губернатором интересующие деревню вопросы о расширении пристани, о навесе для копры и материалах для спортивной площадки. Впрочем, губернатор, как бы разгадав их мысли, заговорил первый и обещал вскоре сделать все необходимое.

«Тамарии» направился на островок, чтобы забрать багаж потерпевших кораблекрушение и отвезти его в Папезте, прежде чем продолжить поездку по Туамоту. Как пусто станет завтра в деревне! Попаа говорили, что вернутся. Но нет, они не вернутся никогда! Лишь остов корабля на рифе будет напоминать жителям атолла об этих событиях.

* * *

Билли нашел Матаоа на пороге хижины. Он наблюдал за тем, как Тена обучала Сару и Дороти плести венки.

— Сходи за своей невестой, и ступайте вместе к вождю, господин и госпожа Хиггинботем хотят вас видеть. Я тоже буду там.

Матаоа и Моеата внимательно слушали Билли, который старался слово в слово перевести все, что говорили Гарри и Мэри. Фареуа тоже слушал.

Мэри и Гарри не забудут двух молодых людей с островка, проявивших столько участия к их судьбе. Останки корабля на рифе — это смерть, в то время как двое молодых людей, Моеата и Матаоа, — олицетворение жизни. Они всегда будут помнить, как юноша бросился им на помощь, рискуя собственной жизнью. Они богаты. Потеря судна невозместима для их сердец, но материально они не пострадают, так как получают за него страховую премию. Они тронуты историей Матаоа и Моеаты, знают, что в ближайшее время те поженятся, и просят их принять половину того, что они оставляют на Арутаки. Таким образом, молодые люди сохранят память о них и приобретут много полезных вещей для своего будущего дома.

Когда они вышли из хижины Фареуа, Моеата сказала Матаоа, что она беременна и надеется, что у них будет мальчик.

Когда в очередной раз прибыла «Ваинианиоре», с нее сошли два поаа. На лодках они переправились на риф, где лежал остов «Южного ветра». Потом их видели с Ли Мином, который не отходил от этих людей до самого отъезда. Спустя два месяца, через несколько дней после свадьбы Матаоа и Моеаты, Ли Мин получил документ на владение судном, потерпевшим кораблекрушение. И корабль и все его содержимое теперь принадлежали ему.

у дел, но очень гордилась внуком, который был точь-в-точь Матаоа в этом возрасте.

Когда Техина подошла к дому Матаоа, Ириа играл перед хижиной под присмотром Моеаты, гладившей белье. Техина взяла внука на руки и поцеловала. Затем она сообщила о ценах на копру и спросила, что думает Моеата по этому поводу.

Моеата не верила своим ушам! Техина пришла просить ее совета в таком важном деле! Впервые Техина обратилась к ней как к равной, впервые Моеата почувствовала себя равноправным членом семьи, на плечи которого ложатся общие тяготы и заботы.

— А Мато и Матаоа не успеют вернуться до отхода шхуны? — спросила она.

— Разве эти двое оторвутся так быстро от своего излюбленного ныряния? На них нечего рассчитывать.

— А другие как? Что говорят старики и Фареуа?

— Не знаю. Одни хотят сдать копру, другие нет...

— В таком случае ты сама должна решать.

Техина посмотрела на Моеату. Может, Моеата просто хотела переложить ответственность на нее, чтобы избежать упреков Матаоа, если тот будет недоволен принятым решением? Но нет! На лице Моеаты было новое выражение почтительности и еще чего-то, что тронуло сердце Техины.

— Речь идет не только о нашей, но и о вашей копре, — заметила Техина.

— Это ничего не значит, как ты решишь — так и будет, — улыбнулась Моеата.

Тренировка

Ныряльщики Туамоту передавали свое умение из поколения в поколение. Но только после длительной тренировки (два, три, четыре года, в зависимости от способностей ученика) юноша мог считаться настоящим ныряльщиком за раковинами. Лишь тот, кто мог за день более пятидесяти раз погрузиться на глубину двадцати—двадцати пяти саженей и в последующие дни повторить этот результат, был вправе называться ныряльщиком. Прежде чем достигнуть такого мастер-

ства, юноша подвергался многим опасностям. Из них самой серьезной было его нетерпение.

Не проходило сезона, чтобы не погибал новичок, оказавшийся недостаточно подготовленным, а то и несколько. Они не умели рассчитывать свои силы, уходили чересчур глубоко, набирали слишком много раковин за один раз, быстро задыхались и не могли выбраться на поверхность. Если же их удавалось вытащить и привести в чувство, то смерть казалась им слаще жизни. Но разве смерть, даже легкая, может быть лучше жизни на Туамоту?

Молодые люди иногда смеялись, видя, как старшие перед погружением или после подъема с глубины более двадцати пяти саженей пели утэ. Конечно, смешно было смотреть, как ныряльщики распевали, для забавы иногда выводя последнюю ноту особенно пронзительно, но это лучшее средство для того, чтобы выпустить из легких весь воздух и вдохнуть свежий. Начинаящий ныряльщик часто сердился, если после того, как он сделает глубокий вдох, ему говорили: «Вдохни еще, а потом удержи дыхание и ныряй». «Ничего не выйдет, — уверял он, — я не могу». Часто, не успев как следует погрузиться, новичок всплывал на поверхность и сообщал, что у него разрывается грудь. «Нужно пройти вглубь пять или шесть саженей, и она не будет разрываться, — учили старики. — Потерпи немного, потом все пойдет хорошо до самого дна». Юноша делал вид, что следует совету, но быстро выныривал: у него ничего не получалось. Другому, напротив, удавалось погрузиться на семнадцать или даже восемнадцать саженей, и тогда он во что бы то ни стало хотел опуститься на двадцать пять. Никакие уговоры не помогали, он делал по-своему. И что же? Он проходил двадцать саженей, а потом целый месяц, если не весь сезон, не тянул даже на пятнадцать.

После рождения Ириа Мато два года тренировал Матаоа. Сын постигал мудрость отцовских слов, открывавших ему законы ныряния за раковинами, как когда-то учился у Мато приемам охоты с остройгой на рыб. Теперь Мато вновь столкнулся с нетерпеливостью и излишним рвением сына.

— Ну, — спрашивал Мато время от времени, чтобы

охлаждать пыл Матаоа, — как ты будешь вести себя, когда начнется сезон? Чего ты хочешь: собрать вместе с женщинами и детьми несколько раковин в самом начале сезона или достать со дна три тонны?

Он говорил сыну:

— Настоящий ныряльщик выдерживает по крайней мере двадцать сезонов, если не тридцать. Я покажу тебе старого таитянина семидесяти двух лет, ныряющего до сих пор, и другого старика, с Хикуэру, который более сорока лет не пропускает ни одного сезона. Вот это ныряльщики! А на сколько хватит тебя, если ты будешь торопиться? На один, два сезона, не больше.

Или:

— Чего ты хочешь? Стать таравана после нескольких сезонов? Ну что ж, ныряй, поступай как поино!

Матаоа, обуреваемый нетерпением, торопил отца:

— Сегодня я могу пойти глубже.

— Двадцать сажений, этого вполне достаточно.

— Я чувствую себя как рыба!

— Правда? — иронически замечал Мато. — А какой породы эта рыба? Дай посмотреть. Я вижу руки и ноги. А где твоя чешуя, шипы и жабры?

— Постепенно, медленно, спокойно, не спеши, — не уставал повторять Мато. Иногда он делал вид, что сердится:

— Ты меня не слушаешь. Нет смысла продолжать, вернемся домой.

С решительным видом он поднимал якорь. Тогда Матаоа унимался, в глубине души он понимал, что отец прав. Однажды он поступил вопреки его советам и дорого за это заплатил. Он должен был нырнуть на двадцать две сажени. Достигнув заданной глубины, он почувствовал себя достаточно сильным, чтобы пойти дальше, и, не задерживаясь, опустился по донному скату, захватил на дне ради забавы горсть песку и всплыл на поверхность. Уже при подъеме он ощутил легкое недомогание, но скрыл его от отца. Вечером его охватила смертельная усталость, и он свалился, не будучи в состоянии даже есть. На следующий день, едва нырнув, он выпустил веревку и поднялся на поверхность, прежде чем камень достиг дна. Тренировка была прервана на месяц. После этого случая Мато следил за сыном с удвоенным вниманием, наблюдал за режимом

его дыхания, проверял, насколько быстро восстанавливаются у него речь и дыхательные функции. Не испытывал ли Матаоа усталости? Ясно ли различал предметы на дне? Не было ли у него головокружения? Иногда Матаоа отвечал с оттенком раздражения:

— Да нет же, все в порядке! Я не сахарный!

Тогда Мато выговаривал ему. Но в глубине души Мато понимал нетерпение сына. В этом возрасте трудно быть мудрым. Кроме того, в молодых людях, ровесниках Матаоа, благоразумие, расчетливость и осторожность редко сочетаются с такими необходимыми качествами, как смелость и решительность.

Даже Хаамару, доказавший в истории с патуи, что он не трус, считал, что никогда не сможет стать настоящим ныряльщиком, и собирался нырять в будущем сезоне в качестве помощника Матаоа. Хаамару вполне спокойно относился к этому незавидному положению. Какого же сына предпочитал иметь Мато — рассудительного, как Хаамару, или горячего, как Матаоа? Ответ не вызывал никаких сомнений. Просто Матаоа должен избавиться от излишней горячности, чтобы она не мешала ему в работе. Матаоа обладал необходимой для его профессии силой воли, у него были хорошо поставленное дыхание и прекрасная техника. Единственное, чего ему не хватало, — это выносливости, но она придет с возрастом и с опытом.

Два с лишним года Мато обучал сына, но зато какие результаты! Сегодня Матаоа, с одобрения отца, спустился на двадцать семь саженей.

Двадцать семь саженей

Мато на размах руки отмерял на веревке сажени. Матаоа наблюдал, как круги каната один за другим ложатся на нос лодки. Еще несколько секунд — и он опустится на дно в самом глубоком месте лагуны. Туке и Наеху уже ныряли на такую глубину. Чтобы не оставалось места сомнениям, Матаоа достанет со дна перламутровую раковину. Слово Мато, подтвердившее, что раковина поднята с глубины двадцати семи саженей, будет считаться неопровержимым доказательством. И тогда перед лицом всех жителей Арутаки со-

стоитя посвящение Матаоа в ныряльщики. Много раз отец предупреждал сына об опасностях, таящихся на больших глубинах, но теперь, когда наступил решительный момент, Мато больше о них не говорил.

Впрочем, Матаоа представлял себе, что его ждет на глубине двадцати семи саженей. Нечто подобное он испытывал во время тренировок: обжигающий холод, способный парализовать ныряльщика, помутнение зрения, ощущение вкуса крови во рту после того, как в горле что-то хрустнет. Но самое опасное — чувство приятного опьянения, которое иногда охватывает человека на большой глубине. «Как будто выпил слишком много пиа», — говорят некоторые. Нужно быть начеку, ни в коем случае не поддаваться этому ощущению и немедленно выбираться на поверхность.

Мато держал погруженную в воду веревку, Матаоа прилаживал очки. Он скользнул в воду. Руки сжимали веревку, скрещенные ноги обхватили камень. Еще долго он освобождал легкие, выдыхая воздух до предела, а затем медленно, постепенно вновь наполнял их воздухом. Он пропел утэ. Наконец, он был готов. Заключительные ноты утэ, глубокий вдох... Он поднял голову, выпил последний глоток воздуха. Мато отпустил веревку. Матаоа погружался все быстрее и быстрее. От сильного давления на виски у него на миг потемнело в глазах. Вильнув хвостом, мимо проплыла акула. Матаоа вошел в полосу холодной воды. Камень коснулся дна. Юноша чувствовал себя хорошо. Он оторвал одну руку от веревки, огляделся вокруг. Справа и слева от него виднелись перламутровые раковины. В каком направлении идти? Мысли текли медленно. Секунду Матаоа колебался, затем решил и отпустил веревку. Он поплыл направо, оторвал одну раковину, вторую, третью... Ему хотелось набрать побольше. «Нет, — подумал он, — надо подниматься». Действительно, пора... Как хорошо!

Он возвратился к веревке. Что делать с раковинами, они мешают ухватиться за веревку? Секунду Матаоа колебался. Его охватило желание заснуть. Одну раковину он засунул за набедренную повязку, остальные выбросил. Пора было идти на подъем, но руки его вдруг стали совершенно бессильными. Однако Матаоа преодолел слабость и начал подниматься, вновь обретая ощущение жизни. Снизу лодка казалась совсем маленькой.

Он продолжал подниматься и чувствовал, как постепенно к его рукам возвращалась сила. Матаоа вспомнил: «Не спеши при подъеме». И замедлил темп движения вверх по веревке. Все шло хорошо. Вот он прорвался сквозь последний слой воды и оказался на поверхности. С наслаждением, широко открытым ртом, вдохнул воздух. Мато наклонился к сыну, чтобы схватить за плечи, но Матаоа подался назад. Он не нуждался в помощи.

— Ну? — спросил Мато.

Матаоа оперся на брус балансира и прыгнул в лодку. Он достал из набедренной повязки перламутровую раковину, положил на ладонь.

— Видишь эту раковину? — сказал он отцу. — Клянись, если за нее мне пообещают весь Арутаки и даже Туамоту, я ее не отдам. — Он протянул руку и положил свою добычу на колени Мато. — Она твоя.

* * *

Когда Моеата стала говорить мужу о копре, тот преврал ее на полуслове. Конечно, она правильно поступила, предоставив решать этот вопрос матери. Восемь франков или девять, какое это имеет значение, если за раковины, которые он может добыть за один сезон, они выручат больше, чем за тридцать и даже за сорок тонн копры.

— Знаешь что? Я опустился на самое дно лагуны! — ликовал он. — На двадцать семь саженей!

Матаоа совсем ошалел от счастья. Он построит дом из дерева, цистерну, лодку! Моеата будет иметь все, что захочет!

Он взял Ириа на руки и подбросил к самому потолку. Ириа больше всего на свете любил взлетать вверх, особенно на руках у отца. От удовольствия он смеялся.

* * *

Было несколько похорон. Похоронили старика, старуху, ребенка, прожившего всего несколько дней. Но после того как их предали земле, разговоры на главную тему возобновились. Где и когда в будущем сезоне будет разрешено нырять за раковинами? Одни называли Хикуэру, другие — Такароа, третьи — Арутаки.

Все внимательно слушали радио в ожидании решения администрации в Папеете. Однажды вечером было передано сообщение, что промысел раковин разрешен на Такароа, а если выбор окажется неудачным, то на Такапото. Мудрое решение, ничего не скажешь! Кроме того, по радио объявили дату прибытия на Арутаки «Ваинианиоре». Нужно было готовиться.

При подсчете выяснилось, что на Такароа собираются восемьдесят человек. Но если «Ваинианиоре» заберет людей с Рангиороа и Апатаки, то как разместятся на шхуне жители Арутаки? Они будут сжаты со всех сторон, как рыба в косяке. Только в семье Мато семь человек: он сам, Техина, Тао, Тепора, Матаоа и Моеата с сыном, а по сути дела, даже больше: Моеата была опять беременна. «Ох уж этот Матаоа! — говорили в деревне. — Видно, не так сильно его утомила тренировка!» Кругом царил веселая суета.

Лишь одно омрачало радостное настроение семьи Мато. На Арутаки оставался Моссиу и с ним Тена, чтобы кормить деда и ухаживать за ним. Но кто будет присматривать за Теной, которая мало-помалу становилась взрослой девушкой? Разумная, послушная, она обещала выполнять все наставления Техины. Но сможет ли Тена с ее мягким характером и неизменно потупленными глазами противостоять соблазнам? Правда, бóльшая часть взрослых мужчин и юношей уезжала на Такароа, но оставались самые молодые, которые с каждым днем становились все распухшее. Радио и напевы Таити совсем вскружили им голову!

Глава тринадцатая

НА ТАКАРОА

Четыреста лодок рассеялись по северо-западной части лагуны Такароа. Солнце поднималось. Несколько человек уже погрузились в воду. Сезон промысла перламутровых раковин 1947 года начался.

Матаоа сосредоточился, наклонил голову и стал молиться, но очень тихо, чтобы его не мог слышать Хаамару:

— «Отец наш, находящийся на небе, я благодарю Вас за избавление от многих несчастий и зла и молю не оставлять меня и впредь. Вы знаете, почему я нахожусь в лагуне: я пришел за сокровищами, сотворенными Вами под водой. Я знаю, одной силы и храбрости недостаточно, чтобы добыть эти сокровища, для этого нужна Ваша помощь и благословение. Прошу Вас защитить меня от несчастного случая, чтобы я мог завершить начатое дело. Простите мне грехи и зло, совершенное мною».

Это была молитва ныряльщика, которую Матаоа перед отъездом с Арутаки выучил наизусть и повторял на шхуне и еще вчера в хижине, поставленной Мато по соседству с его жилищем. Что еще мог он к ней добавить?

Матаоа поднял голову и посмотрел вдаль. Он узнал лодку Мато. Техина приготавливала корзину. Матаоа прошептал:

— Это мой первый сезон. Вы знаете, я поклялся заменить моего отца Мато, ставшего таравана. Вам было угодно, чтобы он излечился, и он выздоровел. Теперь он может нырять, но больше никогда не станет тем Мато, каким был раньше. Сделайте так, чтобы с ним больше ничего не случилось под водой. Сделайте так, чтобы

я взял столько же раковин, сколько брал прежде Мато, чтобы он гордился мной и забыл, что он больше уже не великий ныряльщик.

Комичные протяжные звуки утэ подымались все выше и выше. Один ныряльщик испускал как бы призывный клич, а десять других, словно вступая в игру, подхватывали его еще более пронзительными голосами. «Возьми столько раковин, сколько я сам хочу взять, и еще больше. Ведь ты и я—мы оба братья туамотуанцы, мы ныряем в одной лагуне! Хорошей добычи всем нам! Мы, каждый на своем атолле, ожидали сезона промысла, и вот он начался! Какая радость видеть столько лодок». Вот о чем говорили утэ, при помощи которых мужчины очищали легкие перед первым погружением.

В прозрачном утреннем воздухе была хорошо видна белая церковь под красной крышей в деревне Такароа. Матаоа подумал, что в старости не раз будет вспоминать этот момент. Ему хотелось бы, чтобы Моеата была в пироге, но она осталась на берегу присматривать за Ириа. Кроме того, хотя лагуна спокойная, ей наверняка стало бы нехорошо. Новая беременность проходила у Моеаты тяжело, при одной мысли о море у нее начинала кружиться голова. При переезде с Арутаки на Такароа морская болезнь не отпускала ее ни на минуту.

Наступил момент погружения.

— Я подниму сто килограммов перламутренниц величиной с тарелку! — воскликнул Матаоа весело.

Хаамару ответил ему улыбкой.

— Давай! Спускай якорь! — приказал Матаоа и приладил очки.

Хаамару приготовил корзину — пакете, затем, придерживая веревку, немного отпустил камень. Матаоа прыгнул в воду и начал дыхательные упражнения, присоединяя свое утэ к нестройному хору голосов. Он был очень взволнован и преисполнен гордости. Он — один из четырехсот мужчин, съехавшихся сюда со всех атоллов Туамоту, лучших людей его народа. Но вскоре эти мысли отступили на задний план, и он сосредоточился перед погружением. Последний раз вдохнув, он сделал Хаамару знак глазами, и тот отпустил веревку.

Немного выше Матаоа плыл другой ныряльщик, начавший спуск почти одновременно с ним. Матаоа его хо-

рошо видел сквозь полупрозрачную толщу воды над головой. На глубине двадцати саженей камень коснулся дна. Матаоа отпустил веревку, остановился и внимательно осмотрелся вокруг. Он прекрасно себя чувствовал, голова его была ясна. Нужно было собрать как можно больше раковин, приложив наименьшие усилия. Матаоа приглянулось место в десяти метрах справа от него. Там, у подножия древовидных кораллов, лежали крупные перламутровые раковины с раскрытыми створками. Он направился к ним, оторвал три штуки, и тут его блаженному состоянию пришел конец. Где пакете? Он забыл поднести ее к кораллу. Теперь ему нужно вернуться за ней, чтобы складывать туда добычу. Успеет ли он? Матаоа заколебался. Лучше подняться и при следующем погружении не вести себя как поино. Он дернул за веревку, почувствовал, что она натянулась, и поднялся на поверхность.

— Полно раковин! — закричал Матаоа, как только ему удалось восстановить дыхание. — Я настоящий поино: забыл поднести пакете! Ладно, ничего, — сказал он озадаченному Хаамару. — Положи эту отдельно.

Он вбил себе в голову, что в первой же раковине, которую подберет, будет жемчужина. И он подарит ее Моеате.

Он вновь проделал дыхательные упражнения и ушел под воду. Подтянув пакете к подножию коралла, он одну за другой оторвал семь ближайших раковин, затем две другие, подальше. И тут же понял, что они были лишними. Он снял их торопливыми неточными движениями, а затем слишком стремительно стал подниматься и выскочил на поверхность, как поплавок, запыхавшись, с вытаращенными глазами. Жадно глотнув воздух, он сказал себе: «Осторожно!» Мато предостерегал его от таких вещей. Жадность сильнее рассудка и заставляет ныряльщика поступиться законами поведения в воде, а это никогда не приводит к добру. Не нужно делать глупости! Раковицы не уйдут! Но почему-то в воде думаешь иначе, чем наверху. Как будто там люди забывают, что надо вернуться назад. У них становится не больше мозгов, чем у рыбы. Разве стоят несколько лишних раковин того, чтобы ради них люди под водой задыхались и умирали?

К концу первого дня Матаоа поднял сотню прекрас-

ных раковин, весивших около шестидесяти килограммов. За них Матаоа получит десять тысяч франков, из которых пятая часть причиталась Хаамару. Это больше стоимости тонны копры! Жемчужин Матаоа не нашел, но в одной раковине уже образовался радужный бугорок величиной с ноготь, зародыш будущей жемчужины.

Матаоа чувствовал себя бодро. Руки его вновь обрели силу и гибкость по мере того, как лодка приближалась к берегу. Он не чувствовал усталости, ему было весело, он даже заставил Хаамару обогнать другие лодки. Моеата приготовила мужу рыбу с рисом, и он с жадностью набросился на еду. Не успел Матаоа наесться, как усталость обрушилась на него и свалила с ног. Голова Матаоа упала на грудь, глаза закрылись. Он с трудом поднялся со скамьи, спотыкаясь, направился к циновке, рухнул на нее и мгновенно заснул.

В деревне ныряльщиков

Деревня Такароа растянулась вдоль берега более чем на два километра. Она состояла из пятисот хижин, двух церквей, трех часовен, магазинов, складов, игорных бараков, двух кинотеатров, жандармерии и медицинского пункта.

После того как шхуны, пришедшие из самых отдаленных уголков Туамоту, высадили последних ныряльщиков, население деревни превысило две тысячи человек. В десять раз больше, чем обычно жило на Такароа! Утром и вечером, когда пироги выстраивались на суше, за ними не было видно берега. Кругом народ, движение, суета! Многие, как Матаоа и Хаамару, впервые покинули родные атоллы и были совершенно оглушены новыми впечатлениями. Что касается Моеаты, то она быстро свыклась с новой обстановкой и подружилась с несколькими соседками, тоже женами ныряльщиков.

Ириа задавал вопросы, которые на Арутаки никогда не пришли бы ему в голову. Техина оказалась неправа, утверждая, что не нужно брать на Такароа такого маленького ребенка. Перемена обстановки действовала на него благотворно, мальчик развивался под воздействием новых условий и людей. Здесь звучал резкий гортанный диалект жителей Восточных островов, мягкий говор

жителей западных атоллов Туамоту и таитянский язык. Среди ныряльщиков был один с Уа-Пу, женатый на женщине с Тенги. Он объяснялся на своеобразном диалекте, состоявшем из слов родных языков его и жены. На Такароа съехалось много китайцев. Среди них были не только владельцы крупных магазинов и перекупщики раковин, но и мелкие торговцы, спавшие и готовившие пищу в своих лавчонках. Они продавали пирожные, имбирь, цветную сладкую воду с мятой, гренадин, куски жареной рыбы, тефтели, рагу из свинины или собачины.

Один из них, китаец наполовину, объезжал пироги на лодке, которой управлял его сын, и предлагал блюда из мяса или сырой рыбы в обмен на перламутровые раковины. Ох уже эти китайцы! Будто они не знали, что перед погружением в воду человек не ест, чтобы не почувствовать себя плохо под водой или не сбиться с дыхания при спуске. Но кому жалко одной раковины, какой ныряльщик откажет, если к нему обращаются с просьбой! А блюдо он откладывал в сторону до вечера или отдавал помощникам.

Пироги выходили в море сразу же после восхода солнца и возвращались к полудню. Ныряльщики, в большинстве случаев выпившие утром только чашку чаю или кофе, подкреплялись, а затем спали до вечера. Все это время в деревне царила тишина. Но зато какое оживление наступало вечером, когда зажигались моригазы! Люди прогуливались по деревенским улицам, заходили друг к другу в гости, толкались в магазинах, собирались группами, обмениваясь новостями.

Молодые люди пели, аккомпанируя себе на гитарах или укулеле. Из игорных барачков слышался стук бильярдных шаров и восклицания игроков. Там играли и на маленьких бильярдах, рукой бросая по наклонной плоскости шар, который должен был попасть в углубление. Мальчишки азартно сражались в настольный футбол. В бараках можно было попытаться счастья в лотерее и выиграть полезную вещь или сладость. На одном лотке стояли бутылки с пивом, на другом — стаканы с искрящимся лимонадом или охлажденным фруктовым соком. Повсюду люди, шум, смех, гам, шутки...

Время от времени мужчины углублялись в кокосовую рощу, где в укромном месте стоял перегонный куб

и китаец, владелец куба, бойко торговал спиртным. Здесь же шла запрещенная игра в кости на деньги. При каждой новой ставке банкомет встряхивал в чашке кости. Хаамару пристрастился к этой игре, Матаоа же предпочитал кино. Как бы он ни устал, он не пропускал ни одного вечера, чтобы не посмотреть картину. В большом, душном, всегда переполненном бараке под волнистой крышей вряд ли можно было найти зрителя, который бы с большим волнением следил за событиями на экране. Хаамару, иногда сопровождавший друга, тоже, казалось, с интересом смотрел фильм, но как только сеанс кончался, он заговаривал о других делах и чаще всего отправлялся играть в кости. А Матаоа еще долго находился под впечатлением картины. Почти каждый кадр отпечатывался у него в памяти, эпизоды фильма виделись ему во сне, и даже на дне лагуны перед глазами Матаоа возникал то один, то другой герой картины.

«Эти поаа, создавшие фильм, настоящие чароден! — думал Матаоа. — Какое волшебство, что можно видеть людей, которые ведут совсем иную жизнь, полную событий и приключений. В кино можно познать мир! А выходя из кино после окончания сеанса, испытываешь странное ощущение. Ты возвращаешься к себе в хижину, вновь видишь пальмы и освещенную луной лагуну, а где-то далеко, на другом краю огромной земли, лежат неведомые страны, о которых только что рассказало кино. Если сравнить мир с небом, то Такароа или Арутакп лишь маленькие звездочки среди множества других, блистающих на небосклоне».

И такое чудо, как кино, стоило для него, Моеаты и Ириа всего лишь одну перламутровую раковину средней величины! Одно движение на дне лагуны, и он мог весь вечер упиваться сказочной жизнью, возникавшей на обыкновенной простыне, приспособленной для экрана. Да за такое счастье он отдал бы не одну раковину и даже не десять, а двадцать, тридцать, весь дневной сбор!

Какое сокровище, оказывается, перламутровая раковина! Как хорошо, что она нужна поаа! Если бы торговцы не скупали раковины, что делали бы туамотуанцы? У них бы ничего не было, кроме рыболовных крючков для макрелей да нескольких предметов обихода. Даже старики говорили по этому поводу: «Мы ныряем

потому, что поаа носят одежду. Если бы поаа одевались, как туамотуанцы, и не нуждались в пуговицах, которые они вырезают из перламутровых раковин, то каждый бы оставался на своем атолле и занимался лишь сбором копры. Тогда конец нырянию, конец кино!»

После того как Матаоа возвращался с лагуны и подкреплялся едой, его одолевал сон, и он мог бы проспать как убитый всю ночь до утра и даже весь следующий день. Но он всегда просил Моеату разбудить его к началу киносеанса. Однажды Моеата умышленно не стала будить мужа, и Матаоа проснулся только на рассвете. Он очень рассердился и перевернул чашку с кофе, предложенную женой.

— Когда я прошу тебя о чем-нибудь, то делай это! — закричал он.

Со времени их женитьбы Моеата ни разу не видела его таким рассерженным.

— Если бы ты взглянул на себя вчера со стороны, — мягко сказала она. — Ты так устал, что не мог ни есть, ни говорить. Тебе полезнее было поспать.

— Нечего тебе беспокоиться! Буди меня, когда я тебе говорю, вот и все!

В тот вечер они смотрели фильм про любовь. Какая прекрасная история! А музыка! Ириа спал у них на руках, взмокший от пота. В бараке стояла удушающая жара. Моеата плакала, и Матаоа заметил ее слезы. Он упрекнул себя за суровость. Когда они вернулись домой, он старался быть с ней как можно ласковее. Он больше не будет груб, пусть Моеата простит его, ему очень грустно, что он заставил ее плакать...

— Я плакала не из-за этого, — сказала Моеата. — Мне было жаль бедную девушку, которая осталась одна, когда ее муж ушел на войну. Печальное зрелище!

Продажа раковин

— Продашь мне раковины? — спросил торговец у Матаоа. — Если они красивые, я возьму их по сто восемьдесят франков за килограмм. Мне говорили, что ты хорошо ныряешь и умеешь выбирать. Ты сын Мато с Арутаки, не так ли?

— Да, — пробормотал Матаоа.

— Ну, тебе есть у кого поучиться!

Матаоа был польщен и согласился уступить собранные раковины этому торговцу — полукитайцу. Правда, Матаоа обещал все, что ему удастся добыть, Ли Мину, который оставался на Арутаки и поручил приемщику груза на «Ваиннианиоре» проверить качество раковин и доставить их на атолл в целости и сохранности. Но, с другой стороны, почему Матаоа не может отдать товар этому любезному человеку?

Прошло четыре месяца с начала сезона. Груда раковин, хранившихся под небольшим навесом позади хижины, доросла примерно до Ириа. Раковины были все крупные, как на подбор. Хотя под водой пропорции предметов изменяются и легко ошибиться, Матаоа быстро научился правильно определять размер раковин и договорился с Хаамару, что они не будут брать те, что меньше кулака. Пусть такая добыча остается женщинам и детям, ныряющим на малые глубины, она недостойна внимания настоящего ныряльщика.

Кроме того, маленькие раковины попадались лишь в самом начале сезона, пока не были опустошены неглубокие места. Какой смысл доставать всякую мелочь с глубины более чем двадцать саженей?

Поэтому Матаоа с гордостью и без всяких опасений показал перекупщику свой улов. Тот взял несколько раковин сверху, из середины и с низа, долго рассматривал их и наконец сказал, что готов купить все, что добыли Матаоа и Хаамару, по сто восемьдесят франков за килограмм. Однако когда раковины были сложены в мешки и взвешены, приятели испытали разочарование. Их расчеты не оправдались: вся их добыча весила семьсот килограммов, в то время как они надеялись на тонну. Правда, Матаоа не нырял по воскресеньям, и были дни, когда ему удавалось принести всего сорок раковин, но лишь теперь Матаоа понял, что значит собрать три тонны за три месяца. А ведь были ныряльщики, в том числе и его отец, Мато, которые добывали по три, а то и по четыре с половиной тонны за сезон! Только тот, кто сам ныряет каждый день на протяжении многих месяцев, способен понять, сколько труда, сил и энергии должен потратить человек, чтобы добиться подобных результатов.

Матаоа хотел открыть счет в банке, но Хаамару

потребовал свою часть немедленно. Спустя три дня он попросил у Матаоа аванс в счет будущей выручки.

— Как? — удивился Матаоа. — Ты уже потратил все деньги?

— Мне не повезло. Но, подожди, я отыграюсь, вот увидишь.

Матаоа отправился с другом к торговцу, и тот выдал им аванс в пять тысяч франков. Через четыре дня Хаамару все спустил. «Ну и поино, — подумал Матаоа. — Конечно, каждый волен сам распоряжаться своими деньгами, но не лучше ли посмотреть кино, чем следить, как выпадут кости на игорном столе. Разве может что-нибудь сравниться с кино? С этим маленьким человеком с палочкой на экране, в круглой шляпе и с удивительной походкой? Замечательный комик! Можно умереть со смеху, когда он боксирует с толстяком, сует утюг в перчатку или заставляет своих преследователей падать на лестнице. А собака Ринтин! Ее-то уж не посадишь в мешок и не утопишь, не сделаешь из нее тефтели! Киномеханик говорил, что она застрахована на сумму в десять раз бóльшую, чем стоит весь улов перламутровых раковин! А всадник на белой лошади! Он один спас семью, ехавшую в повозке, и выстрелами из пистолета убил напавших на нее индейцев, а вождя свалил ударом кулака. Потом этот храбрый и сильный человек играл на гитаре и пел так, как не сумел бы никто из туамотуанцев. Не удивительно, что молодая девушка, сидевшая в повозке, захотела выйти за него замуж, и родители тотчас дали свое согласие. Совершать тапуни не было необходимости. Хаамару настоящий поино!»

• Черная жемчужина

Какое событие! Все происшествия с начала сезона ничего не стоили по сравнению с ним! Ведь в конце концов ни один сезон не обходился без нескольких случаев таравана, двух-трех утонувших, многочисленных ссор и даже драк. Но история с ныряльщиком с Макемо не имела равных себе.

Этот ныряльщик, совсем еще молодой человек, нашел черную жемчужину, большую и такую красивую, что первый же увидевший ее торговец предложил ему

пятьдесят тысяч франков*. Ныряльщик, рассчитывавший на десять тысяч франков или даже немного больше, совсем было уже согласился, но передумал.

А вдруг жемчужина стоит больше? Не лучше ли спросить сначала у Тони, толстого, вечно сонного полуяпонца, скупщика перламутровых раковин и жемчуга? Тони отдыхал после обеда. Помощник его разбудил.

— Пришел туамотуанец с жемчужиной.

— Ну и что? — пробурчал Тони из-под москитной сетки. — Ты разбудил меня из-за одной жемчужины? Пусть он придет вечером.

Тони зевнул, повернулся на другой бок и собирался снова заснуть.

— Я думаю, лучше посмотреть ее теперь, — сказал помощник.

Он взял жемчужину из рук ныряльщика, положил себе на ладонь и протянул Тони:

— Посмотри!

Тони что-то проворчал, но повернулся и открыл глаза. Вдруг зрачки его расширились, он замер, задержал дыхание, затем раздвинул москитную сетку, поднялся, выхватил жемчужину из рук помощника и начал рассматривать ее сквозь специальное стекло, увеличивающее предметы. Сквозь него видны все поры на коже и линии на ладони. Наконец он возвратил жемчужину ныряльщику, посмотрел на него и спросил:

— Откуда ты?

— С Макемо.

— Когда ты ее нашел?

— Только что.

— Ты показывал ее кому-нибудь?

— Мин Тао-лаю.

— И кому еще?

— Больше никому.

— И что он сказал?

— Он дает пятьдесят тысяч франков.

Тони сощурил свои маленькие глазки и лукаво улыбнулся:

— Вот как! Пятьдесят тысяч! Да...

Ныряльщик изменился в лице. Видимо, Тони ему не верил.

* Две тысячи семьсот пятьдесят новых французских франков.

— Правда, пятьдесят тысяч! Спроси у него, если думаешь, что я обманываю.

Тони не отвечал. Он долго молчал. Под конец он спокойно произнес:

— В Папэте твоя жемчужина стоит двести тысяч франков. Если хочешь, я возьму ее у тебя за сто восемьдесят тысяч. Должен же я тоже немного заработать!

Нужно было видеть в этот момент лицо ныряльщика с Макемо! Он ничего не понимал. Он думал, что Тони над ним смеется. Но Тони открыл свой небольшой железный ящик, вытащил из него восемнадцать пачек по десять тысяч банкнотов и положил их на покрывало.

— Ну, согласен?

Ныряльщик посмотрел на деньги и сказал:

— А куда положить все эти деньги?

Тони пошарил глазами по хижине, вытащил корзину для рыбы, опорожнил ее и протянул ныряльщику, который ушел, не произнеся больше ни слова.

Этого ныряльщика звали Пунуа. Теперь его стали звать «Пунуа Сто Восемьдесят Тысяч Франков».

«Вот человек, избранный богом», — говорили старики о Пунуа Сто Восемьдесят Тысяч Франков. Но они перестали так говорить; когда стало известно, что он не только не произнес утренней молитвы ныряльщиков в тот день, когда нашел жемчужину, но вообще никогда не молился. Тем не менее он был бесстрашный ныряльщик и удача сопутствовала ему.

Матаоа много думал об этом случае. Кому поведать свои сомнения? Моеата слишком набожна, с ней нельзя на эту тему беседовать. Он решил поговорить с отцом. Мато ответил неопределенно. «Надо молиться, так делали всегда», — сказал он и тут же заговорил о чем-то другом. Его сознание казалось в последнее время затуманенным. Не был ли он снова в плену таравана? Значит, бог не внял его молитве в первый день сезона.

Беспокойство не покидало Матаоа. Каждое утро он произносил одну и ту же молитву. Была ли она данью уважения богу и страху перед ним или лишь проявлением заботы о собственной выгоде? Где тут правда? Не докучали ли эти просьбы господу богу? Ведь нередко старики говорят одно, а на деле происходит совсем другое. Разве бог только что не послал самую прекрасную жемчужину, когда-либо найденную на Туамоту, молодого

му парню, который ничего не просил у бога и лишь делал свою работу?

— Как ты считаешь? — спросил Матаоа у Хаамару. Хаамару, возившийся с веревкой, задумался.

— Не знаю. Делай, как считаешь лучше, — пробормотал он наконец.

Матаоа понял, что прежде всего он должен поступить так, как ему подсказывает совесть. Он решился. Другого выхода не было. Матаоа хотел быть честным и обратился к богу с такими словами: «Я не хочу более повторять Вам то же самое каждый день, Вы знаете почему».

В этот день удача сопутствовала ему. Бог согласился.

Таравана

Какая странная вещь таравана! Фельдшер (таитянин, учившийся медицине у попаа) говорил, что под действием давления воды кровь отливает от головы и более не оmyвает мозг нырятьщика. Вот тогда-то нырятьщик и становится таравана. Поэтому заболевших лечат уколами папаверина, который гонит кровь обратно к голове. Но фельдшер не мог объяснить, почему человек, ставший таравана, поступает так или иначе.

Вот нырятьщик сорока лет принес домой камень и положил его на жаровню, считая, очевидно, что это рыба. Затем он попытался его съесть и только тогда заметил, в чем дело. «А ведь он не такой жирный, как оири!» — рассмеялся он.

Другой, с седыми волосами, вообразил, что находится на Хикуэру и, как в старой легенде, проплыл только что под водой от камня Кокека до камня Оэка, собирая на пути перламутровые раковины: теперь он имел право взять любую девушку, какую захочет. Жена пыталась его урезонить, но старик положил раковины в корзину, зашел в одну из хижин и сказал родителям, чтобы они вышли и оставили его наедене с их четырнадцатилетней дочерью.

Третий таравана сидел, уставившись на песок. Он заметил тень проходившего мимо мужчины и потребовал, чтобы по нему больше не ходили. Прошел другой,

его тень тоже скользнула по таравана. Таравана вскочил и ударил ничего не подозревавшего человека. Тот быстро утихомирил его и спокойно, но твердо сказал: «Иди сделай укол». Таравана пришел в себя и согласился: «Ты прав». Он пошел в медпункт, там ему ввели папаверин. Ему стало стыдно, он отправился в кокосовую рощу, где китаец торговал спиртом, и напился до беспамятства.

Один старик с Апатаки, несмотря на свои семьдесят два или семьдесят один год, чувствовал себя в море как рыба. В пироге он обретал уверенность в себе, командовал своей старухой и прекрасно ориентировался на глубине. Но на суше он вновь становился робким, как малый ребенок, за каждым его шагом приходилось следить.

Странная вещь: женщины никогда не бывали таравана.

Правда, женщины очень редко ныряли за раковинами, одна или две за сезон на четыреста или пятьсот мужчин, да и те, к слову сказать, больше походили на мужчин, чем на женщин, но почему все-таки ни одна из них не была таравана? Некоторые утверждали, что все дело в том, что они опускались на меньшую глубину, чем мужчины. Многие считали, что месячные, очищающие кровь, предохраняли женщин от этого заболевания.

Некоторые таравана не понимали, что с ними происходило, но большинство сознавали свое положение и очень страдали. Поэтому те, кто позволял себе смеяться над таравана, лишь проявляли свою глупость и злобность.

Хотя Мато не нырял каждый день и не добыл еще и тонны раковин, у него появились тревожные симптомы. Иногда он вел себя так же, как после возвращения с Хикуэру. Он играл с Ириа, ссорился с ним, заставлял его плакать. Матаоа был расстроен этими проявлениями слабости у отца, но что поделаешь? Не мог же он требовать, чтобы Мато совсем не нырял и сидел в хижине, как старик, способный лишь делать ожерелья.

Однажды произошел инцидент, который мог бы плохо кончиться, если бы не вмешался сам Мато.

Туке пришел к Матаоа за веревкой: его поизносила, а в лавке не было такой, какую он хотел.

— Что же ты не захватил с собой лишней веревки? — спросил Матаоа.

— Я заказал приемщику грузов на «Ваинианиоре»! Он привезет в следующий раз.

У Матаоа веревки не оказалось, и он направил Туке к отцу, у которого в запасе наверняка была хорошая веревка. Мато в это время вспарывал брюхо акулы-сони, которую поймал под водой, накинув ей на хвост веревочную петлю. Он вытащил огромную желтую печень и положил на пальмовые листья.

Старики говорили, что печень акулы-сони еще лучше папаверина излечивает таравана и придает силы ныряльщику.

— Хочешь? — спросил Мато у Туке.

— Нет, к чему мне печень, — ответил Туке. — Я пришел спросить, не найдется ли у тебя тридцати сажень веревки.

В словах Туке явно звучала насмешка. Он не должен был говорить Мато, что не нуждается в печени. Все знали, что Туке спесив и язык у него без костей. Мато, склонившийся над брюхом акулы-сони, неожиданно поинтересовался:

— Не для того ли тебе веревка, чтобы поймать акулу-соню?

Туке засмеялся и ответил:

— Нет, я не таравана, как ты!

Тут Матаоа не выдержал. Он бросился на Туке, повалил его на землю, осыпал градом ударов. Но сильный Туке поднялся и начал защищаться. Вне себя, Матаоа оглянулся вокруг в поисках оружия, увидел весло, схватил его и кинулся на Туке. Он бы убил его, если бы Мато не удержал сына. На этот раз Туке испугался. Кроме того, ему было стыдно, он чувствовал себя виноватым. Какой сын позволит, чтобы над его отцом смеялись? Поэтому Туке лишь пристально взглянул на юношу, который рвался из рук отца, и ушел. Вслед ему неслись слова Матаоа:

— Эй ты, Туке! Знай: еще раз посмеешься над моим отцом, я тебя убью!

Когда Матаоа успокоился, он нисколько не жалел, что побил Туке, тот вполне это заслужил. Не следовало только грозить ему смертью. Матаоа решил при случае сказать Туке, что гнев его ослепил.

Прошло семь месяцев. В той части лагуны, где работала основная масса ныряльщиков, перламутровые раковины стали попадаться все реже.

Было добыто несколько сот тонн перламутренниц. Лагуна была опустошена до самой границы, за которой запрещалось не только нырять, но и становиться на якорь: ведь тот, кто хотел обмануть товарищей, мог сказать, что едет всего лишь ловить рыбу. Все старались уйти подальше от деревни, чтобы найти место, где бы можно было вылавливать не меньше раковин, чем прежде.

Матаоа поступал как все и целый месяц возвращался каждый день с богатым уловом, но скоро и в отдаленных районах почти не осталось раковин. Работать стало гораздо труднее. Нетронутым оставался лишь небольшой участок лагуны, который ныряльщики должны были поделить между собой. Таравана и несчастные случаи участились. Ныряльщики начали следить друг за другом, подсматривать, в какой лодке больше добычи, подслушивать разговоры, чтобы выведать, где есть местечко получше. Некоторые выезжали задолго до восхода солнца, чтобы опередить своих более доверчивых и простодушных товарищей, которым оставалось лишь пытаться счастье на другом участке.

Матаоа считал все эти уловки и хитрости недостойными, но Хаамару думал иначе: «Почему бы не делать как все?»

Однажды он рассказал Матаоа о том, что узнал накануне вечером, во время игры в кости, от помощника одного ныряльщика. Они взяли пятьдесят килограммов у подножия большого камня, почти на границе участка.

— Он мне сказал, как найти это место, — добавил он. — Его ныряльщик устал и сегодня не выйдет в лагуну. Пойдем туда! Мы возьмем его в долю, вот и все.

Матаоа отрицательно покачал головой, он не желал даже слушать об этом.

Однажды утром Матаоа и Хаамару увидели фафаруа, на мгновение выпрыгнувшего из воды перед самой пирогой. Ну и животное! Более двух саженей в ширину!

Если верить приметам, появление фафаруа предвещало какое-то событие. То, что он выпрыгнул перед пирогой, было добрым знаком. И действительно, Матаоа нашел камень, буквально усеянный перламутровыми раковинами; к концу дня лодка наполнилась. Следующие дни оказались менее удачными. Затем друзья вновь увидели прыгающего фафаруа,— быть может, того же самого. В этот день им снова повезло — они добыли около пятидесяти килограммов раковин.

Спустя месяц Матаоа опять увидел фафаруа, но уже не на поверхности моря, а на самом дне. Гигантский скат приблизился и стал делать возле него круги. Это был знак траура. Матаоа испугался и поднялся на поверхность без единой раковины. Он отвел лодку на другое место. Когда Матаоа погрузился в третий раз, он вновь встретил у кораллов фафаруа. Случилось несчастье! Матаоа всплыл на поверхность и велел Хаамару поднять якорь: они вернулись в деревню. По пути Матаоа все больше охватывало беспокойство и предчувствие беды. Техина, Мато, Моеата, Ириа... Лишь бы с ними ничего не произошло! Когда лодка приблизилась к берегу и он увидел толпу перед хижиной, где помещался медпункт, у него внутри что-то оборвалось. Фафаруа не обманула его!

— Скорее! — крикнул он Хаамару, и тот стал грести изо всех сил.

Едва лодка коснулась берега, Матаоа спрыгнул на землю.

— Что случилось? — спросил он у женщины, чистившей рыбу.

— Утонул ребенок.

Матаоа почувствовал, как у него подгибаются колени.

— Чей?

— Не знаю.

Он ринулся вперед, расталкивая толпу, и оказался у порога хижины. Фельдшер прикладывал рот ко рту ребенка, пытаясь вдохнуть жизнь в маленькое неподвижное тельце. Это был не Ириа. Матаоа повернулся и зашагал к своей хижине. Моеата вышла к нему навстречу, ведя Ириа за руку. Матаоа опустился на колени, взял ребенка за плечи и долго не отрываясь смотрел на его личико.

Оживить ребенка — ему было полтора года — так и не удалось. Он играл без присмотра на берегу лагуны и упал в воду. От испуга малыш не смог подняться и захлебнулся. На следующий день был общий траур. Каждый дал родителям сто франков, никто не пошел нырять. Многие, конечно, ругали мать — ведь из-за нее пропал целый рабочий день. После похорон много говорили о разных дурных приметах, которые почти всегда сбываются.

Не только Матаоа, но и другие ныряльщики видели на дне фафаруа и боялись за жизнь своих близких. В лагуне живут не только рыбы, пригодные в пищу, но и животные, лишь похожие на рыб. Один человек видел у островов Гамбье одно небывалой величины. Подобной оно никто никогда не видел. Скорее всего, это был тоупау. «А как он себя вел?» — «Он следовал за мной неотступно и смотрел на меня. Наверное, кто-нибудь из умерших родственников».

Другой человек, с Хикуэру, видел акулу, которая наверняка была тоупау, потому что у настоящих акул не бывает грудных плавников с таким странным наклоном.

Еще одного ныряльщика уже здесь, на Такароа, недалеко от деревни преследовал фафаруа длиной три сажени. Когда фафаруа оказался над ним, он подумал, что наступила ночь. Неужели ему никогда не выбраться на поверхность! Ныряльщик попробовал вынырнуть справа от фафаруа, потом слева, но всюду натыкался на его туловище. Тогда он с силой ударил фафаруа кулаком в брюхо, тот испугался и уплыл. «А может быть, это был твой дед?» — спросил человек с Тикая. «Может быть», — согласился ныряльщик. «Ну и парень! Ты же ударил своего деда кулаком в живот!»

Вокруг засмеялись, но после этого все быстро разошлись, ибо смеяться над такими вещами не следовало. Кто знает, чем встретит завтра ныряльщика морская пучина!..

Этого следовало ожидать: Техина с несколькими другими женщинами, женами старых ныряльщиков, возглавила движение против мутон. Этот мутон, таитянин, был хороший малый и хотел жить со всеми в мире. Сколько раз он при помощи кружки пива улаживал дела, в общем пустяковые, но грозившие виновному тюремным заключением и отправкой в Папеезе!

На вечерах, которые устраивали по субботам мормоны, никто не мог сравниться с ним в танцах (они заключались в том, что люди становились в круг лицом друг к другу и отвешивали церемонные поклоны до земли). Что же до девушек, то для них он был не последний парень, это уж точно! Да и то сказать, в красивой форме цвета хаки и фуражке он был совсем не дурен!

Что же ставила ему в вину Техина? Мутон, большой хвастун, не пропускал ни одной девушки. Это можно было бы ему простить, если бы он хорошо выполнял свои обязанности. Однако ни для кого не являлось секретом, что многие молодые люди без зазрения совести ходили за раковинами в запретную зону, за пределы участка, выделенного для промысла раковин. Делали они это очень просто: уходили ночью и, едва забрезжит рассвет, ныряли два-три часа. В это время помощник стоял на страже, чтобы предупредить, если покажется лодка мутон.

При малейшей тревоге они снимались с якоря и как ни в чем не бывало возвращались на разрешенный участок, благо старались от него не отдаляться. А что делал в это время мутон? Спал! Не иначе как переутомился, танцуя до упаду у мормонов или занимаясь типера с девушкой!

— Да разве он настоящий мутон? — метала гром и молнии Техина. — Это же умара (сладкий картофель) — и больше ничего! Если так будет продолжаться, нам придется самим навести порядок.

Тем же, кто не хотел жаловаться на мутон, Техина сказала:

* М у т о н — должностное лицо вроде полицейского, наблюдающее за соблюдением правил сбора перламутровых раковин и т. п. — *Прим. перев.*

— Наши старики становятся таравана, в то время как другие работают на старом участке и плюют на законы. Что же нам, молчать?

Ныряльщики все больше убеждались в том, что Техина права. Там, где раньше, не сходя с места, брали три или четыре килограмма перламутровых раковин, теперь приходилось перемещаться на десятки метров, чтобы взять то же количество.

Как же не возмущаться поведением тех, кто спускался в нетронутые глубины и поднимал со дна по пятьдесят-шестьдесят килограммов раковин, тратя на это меньше времени и усилий, чем их товарищи, соблюдавшие законы, на сбор десяти килограммов?

Молодые бездельники, уверенные в своей безнаказанности, нагтели день ото дня. Было ясно, что, если мутои вовремя не вмешается, не миновать серьезных столкновений. На следующий день после собрания по этому поводу, не принявшего никаких определенных решений, Техина остановила мутои, проходившего мимо ее хижины.

— Мы недовольны! — бросила она без обиняков.

— Вот как! Почему? Кем?

— Тобой, разумеется.

— А кто на меня жалуется?

— Все, кроме похитителей раковин.

— Каких похитителей? Откуда они взялись?

— Хорош ты, нечего сказать! Ну и мутои!

Она посмотрела на цветок тиарэ, прикрепленный к козырьку его кепи, и, изменив голос, передразнила:

— Какие похитители? Откуда? Выйди хоть раз рано утром на лодке в лагуну, тогда увидишь, есть у нас воры или нет!

Вокруг собрались любопытные. Ох уж эта Техина! Поистине нет ей равных! Она права. Напрасно мутои думает, что люди не различают, где доброта, а где слабость. Зачем устанавливать законы, если не можешь заставить их уважать! Пусть мутои выполняет свой долг!

Спустя три дня мутои и его помощник впервые поднялись вместе с солнцем и застали двух парней с Рангира в запретной зоне. Мутои конфисковал не только их лодку со всем, что в ней было, но и весь улов перламутровых раковин с начала сезона. Задержанные протестовали: другие тоже нарушают границу зоны, и никто ничего им не говорит. В конце концов ничего особенного

не произошло. Всего один раз нарушили границу участка, и их сразу схватили. Больше это не повторится.

Но мутон рассердился не на шутку. Уж не хотят ли эти двое сказать, что по его, мутон, вине они, поощренные безнаказанностью других, совершили преступление? Он не пожелал ничего слушать и прозил отправить злоумышленников к судье в Папезте. Если они соскучились по тюрьме, то пусть еще немного поговорят, и они живо туда попадут. Раз попались — отвечайте. Нужно знать, на что идешь.

Один старик таравана взял парней в оборот, и в словах его было столько справедливого гнева и возмущения, что впоследствии люди говорили, будто вместе с бранью вышла из него таравана и он совсем выздоровел.

После этого случая редко кто отваживался нарушать границу зоны, и все пошло как положено. Однако мнение о Техине изменилось. Одно дело говорить между собой, и совсем другое — обратиться к мутон. Немногие отважились бы на такой поступок. Разве что в порыве гнева, а потом сожалели бы о содеянном... Техина, что и говорить, была бой-баба, но ее поступок не привлек к ней симпатии. В дальнейшем к ней стали относиться с недоверием.

Десятая часть — богу

Матаоа редко бывал на собраниях мормонов в большой открытой хижине, уставленной скамьями. Около пятидесяти мужчин и женщин приходили слушать проповедника с Таити, после чего каждый верующий мог с места высказать свое мнение или задать вопрос.

Первое время подобный обмен мнениями привлекал Матаоа, но потом ему стало скучно. От блестящих глаз и вдохновенного голоса проповедника юноше становилось не по себе. Большинство вопросов, с которыми присутствующие обращались к проповеднику, казались Матаоа довольно глупыми. Проповедь неизменно заканчивалась призывом к верующим ничего не утаивать из улова и десятую часть его откладывать в пользу бога. С такой ложью Матаоа не мог примириться. Почему проповедник не скажет прямо, что возьмет себе десятую

часть или отдаст своему начальству в Папеэте? Зачем вводить верующих в заблуждение и говорить, что раковины предназначены богу. Что делал этот проповедник? Может быть, он нырял, рискуя стать таравана? Нет! Он произносил свои проповеди и ходил из хижины в хижину, беседовал о религии, пил, ел и спал. Очень приятное и легкое ремесло, оплачиваемое наверняка этой десятой частью, якобы предназначенной богу. Интересно, как они переправляют богу его долю? Может, сам проповедник или кто другой, поважнее, поднимается на небо и кладет деньги к ногам господу? Значит, чтобы завоевать расположение бога, нужно давать ему деньги? В таком случае стоит какому-нибудь Теурунуи, убившему жену, или другому поино, который напивается, как свинья, и избивает своих родных, отдать десятую часть добычи, как он вновь обретет милость божью?

Религиозность Моеаты поддерживала Матаоа. В конце концов к чему подчеркивать различия в религии? Разве не достаточно одного набожного человека на семью?

В этот вечер во время ужина к Матаоа пришел проповедник. Матаоа поднялся и уступил ему место:

— Поужинайте с нами, у нас хорошая рыба.

— Меня ждут в другом месте.

Блестящие глаза, выразившие одновременно кротость и суровость, внимательно смотрели на Матаоа.

— Тебя не часто видят на собраниях.

Матаоа смущенно опустил голову. Последний раз проповедник послал за ним мальчика, но ему не захотелось идти слушать проповедь.

— Ты пренебрегаешь нашими собраниями, — продолжал проповедник. — Почему?

— Я устаю и вечером сразу же засыпаю.

— Ты предпочитаешь кино, вот в чем истинная причина.

Что ответить? Это правда. Матаоа молчал.

— Смотри! Бог добр, но ты должен любить его и уважать. Думаешь ли ты отложить часть улова для господу?

Теперь стало ясно, куда он клонит. Матаоа почувствовал, что его охватывает гнев. Разве он мальчишка, чтобы делать ему выговор за посещение кино? Или деньги на билеты ему дает этот священник? Разве Матаоа не

собственным трудом зарабатывает возможность смотреть со своими близкими новые фильмы? Ему хотелось ответить: «Если ты хочешь получить десятую часть моего сбора, то это очень просто сделать: возьми пирогу и поедем вместе. Я нырну десять раз, а ты один!»

— Ну, — настаивал проповедник, — что ты скажешь?

На его худом лице, окаймленном светлыми волосами, появилось суровое выражение.

— Нет! — вдруг сказал Матаоа решительным тоном.

Ему не хотелось спорить или вступать в объяснения.

Выражение лица проповедника изменилось. Кротость и печаль отразились на нем:

— Я буду молиться за тебя.

Он вышел.

Во время этого разговора Ириа играл около Моеаты. Она стояла на пороге хижины и следила за варившейся рыбой. Обращаясь к Матаоа, она спросила:

— Ты думаешь, что поступил хорошо?

— Не беспокойся об этом и дай мне поесть.

Итак, ты рекордсмен!

Моеата никогда не была такой красивой. Беременность, пока еще незаметная, придавала ей цветущий вид, и подружки делали ей комплименты. По глазам мужчин Моеата видела, сколь она привлекательна и желанна.

Однако Матаоа к ней не прикасался, у него не было сил. Он был так утомлен, что даже не мог каждый день ходить в кино. Чтобы избежать упреков мужа, Моеата все еще будила его по вечерам, но он обратно падал на циновку и снова засыпал как убитый. Утром он приободрялся, лишь выпив чашку кофе. Матаоа похудел, и Моеата стала беспокоиться за его здоровье.

— Это только на земле я устаю, — успокаивал ее Матаоа. — В воде я как рыба.

Так оно и было. Усталость исчезала, как только он погружался в воды лагуны, силы сразу возвращались к нему. Более того, благодаря тренировке он чувствовал себя под водой гораздо увереннее и свободнее, чем в начале сезона. Но как только Матаоа возвращался в лодку, усталость мгновенно валила его. Часто случалось, что он

не мог даже помочь Хаамару пригнать лодку к берегу и с трудом, пошатываясь, совершенно отупевший, едва добирался до хижины.

— Будь осторожен, Матаоа, — предупреждал его фельдшер, — ты можешь надорваться.

Но Матаоа думал лишь об одном: поднять со дна как можно больше раковин. Только он один знал, для чего. Впрочем, через один-два месяца сезон промысла завершится. Люди давно начали шоговаривать об июльских празднествах* в Папезте. Некоторые собирались уже сейчас покинуть Такароа и с первой же шхуной уехать на Таити.

Июльские торжества продлятся месяц, но лучше было прибыть заранее, чтобы наверняка попасть на большие танцевальные соревнования в первые дни празднеств. После окончания сезона неизвестно, удастся ли сразу получить место на шхуне. Был ли смысл рисковать стать таравана теперь, когда каждый день приносил только десять, самое большее двадцать килограммов раковин, к тому же ценой все более тяжких усилий?

По мнению торговцев, сезон обещал средние результаты — немногим более пятисот тонн. «Как же так? — спрашивал себя Матаоа. — Четыреста ныряльщиков и только пятьсот тонн? Ведь если послушать ныряльщиков, то иные уже имеют две с половиной, а то и три тонны, и ни один не признается, что набрал меньше тонны». Не следовало придавать значение этим разговорам, все преувеличивали свои успехи. Среди собравшихся на Такароа ныряльщиков было много стариков и неопытных новичков, таких, как Матаоа. Некоторые из заслуженных ныряльщиков были поражены таравана или другими недугами, многие — стоило им почувствовать сильную усталость — отдыхали три-четыре дня подряд.

После того как Матаоа уступил торговцу свои первые семьсот килограммов раковин, гора добытых перламутренниц выросла примерно в два раза. «Неслыханный успех для первого сезона! Истинный сын Мато! Ого! Да ты просто чемпион!» — говорили ему соседи и друзья. Он начинал приобретать лестную репутацию хорошего ны-

* Июльские празднества — имеются в виду праздники, связанные с 14 июля, днем взятия Бастилии — национальным праздником Франции. — *Прим. перев.*

ряльщика. Редко у кого с самого начала все складывалось так удачно. Матаоа имел все основания быть довольным, но ему хотелось большего. Втайне он мечтал занять место среди сильнейших. Как бы он был горд услышать о себе: «Это Матаоа с Арутаки, сын Мато, он собрал столько раковин, сколько собирали Тефау, Моана или Маюри».

Эти ныряльщики не знали себе равных в течение многих сезонов, они были не слабее Мато до того, как он стал таравана. Тефау и Маюри были на полголовы выше Матаоа и на тридцать килограммов тяжелее. Настоящие великаны, рядом с которыми он чувствовал себя хрупким и слабым, как молодая кокосовая пальма. А вот Моана не был ни выше его, ни шире в плечах... Кроме того, было известно, что величайший из ныряльщиков, знаменитый островитянин с Маруэты, был человек среднего роста, худощавый и на вид нежный и слабый, как девушка.

Ни Моана, ни Тефау, ни Маюри еще не добыли по три тонны, они этого и не скрывали. В последние дни сезона они не каждый день выходили в море, считая недостойным своего имени подбирать то, что не подняли другие. «Если я соберу пятьсот килограммов, то лишь немного отстану от них», — прикидывал Матаоа. Ни за что на свете не пропустил бы он ни одного дня.

* * *

Двадцать две, двадцать три сажени... Пакетэ коснулась площадки, сплошь усыпанной раковинами. Матаоа еще держал ногами камень, лежавший уже на дне, и осматривался. Он отпустил веревку и пошел вниз по отлогому спуску площадки, а затем возвратился, подбирая лишь самые крупные раковины, которые складывал в пакетэ. В полусажени от себя он увидел еще одно скопление перламутренниц. Матаоа направился туда и наклонился за первой раковинкой, которая почему-то не закрылась при приближении его руки, а начала двигаться. Другие тоже. Матаоа попытался схватить их, но пальцы его натыкались лишь на коралл. Перед глазами Матаоа поплыл туман, его потянуло ко сну, все вокруг окрасилось в красный цвет. Матаоа схватился за веревку и почувствовал, что его поднимают.

В голове его шумело, на грудь навалилась тяжесть, вызывавшая тошноту. Был день... Хаамару... Матаоа оказался в лодке. Ему в глаза светило солнце... Больше ничего... Чернота...

— Не плачь, — говорил фельдшер Моеате, — это ничего, он проспится, но мог бы остаться на дне.

Он вышел, бесцеремонно растолкав любопытных на пороге хижины.

Ириа посмотрел на распростертого на циновке отца, на мать, деда и бабушку. Мальчик понял, что плакать сейчас не время, двигаться — тоже.

* * *

Матаоа пришлось пролежать несколько дней. У него отнялись ноги и долго не возвращалась ясность сознания. Ром, который ему давали, действовал благотворно, согревая внутренности, — Матаоа засыпал в блаженном оцепенении. Его состояние не внушало фельдшеру опасений. Скоро Матаоа будет снова на ногах. Недомогание заставило его хоть немного отдохнуть.

— Какой неистовый! — шутил фельдшер, глядя на Моеату. — Он все делает с таким же пылом?

Этот человек был симпатичен Моеате, и ей хотелось ответить: «Только не в сезон промысла раковин», — но она ничего не сказала, так как рядом стояла Техина. Общая беда сблизила женщин, Матаоа был дорог им обоим. Теперь Моеата понимала, что испытывала Техина во время болезни Мато. Обе они были женами ныряльщиков.

* * *

Как только торговец, купивший у Матаоа первую партию раковин, узнал, что тот поправляется, он прислал курицу и передал через своего посланца, что куриный бульон подкрепит силы ныряльщика. К этому он добавил пожелания здоровья и процветания. Матаоа был тронут таким вниманием: торговец с Таити открыто демонстрировал свое уважение к Матаоа. Разве он поступил бы так, если бы Матаоа не считался хорошим ныряльщи-

ком и не обещал стать, быть может, лучшим на Туамогу? В том, что с ним произошло, не было ничего необычного — его профессия связана с риском. Можно сказать, что Матаоа легко отделался, он оказался достаточно выносливым. Двум другим меньше повезло — они умерли в течение нескольких дней.

Один из них, новичок, как и Матаоа, проиграл в кости большую сумму. Стараясь наверстать упущенное, он, видимо, не рассчитал свои силы и не смог подняться. Когда его вытащили, он был мертв. Другой — жизнерадостный крепыш двадцати пяти лет — сам выбрался на поверхность, но затем потерял сознание и через некоторое время скончался. Говорили, что он давно уже ощущал недомогание и перебои в сердце. Что касается случаев таравана, то их даже не считали. К людям возвращались старые таравана и возникало много новых, как всегда в конце сезона.

У Матаоа не было признаков таравана. Но не думал ли он, что сможет в свой первый сезон собрать около двух тонн совсем без происшествий?

Кроме Мато, Техины, Тепоры и фельдшера Матаоа решил пригласить на курицу и торговца. Он попросил Хаамару наловить побольше рыбы, чтобы приготовить торжественный обед.

Торговец принял приглашение Матаоа, но из вежливости ни слова не сказал о раковинах, сложенных под небольшим навесом. Он мало говорил во время обеда, скромно и внимательно слушал других. Фельдшер был в ударе и рассказывал множество историй, происшедших с ныряльщиками за три сезона. По правде сказать, он не отличался скромностью. Он утверждал, что лечит лучше, чем многие врачи на Таити, которые знают только то, что написано в книгах, но имеют мало практики. Кроме того, он слишком уж многозначительно поглядывал на Моеату, не обращая внимания на смущение молодой женщины.

В конце обеда торговец отозвал Матаоа в сторону:

— Что ты собираешься делать с уловом?

— Ли Мин просил меня оставить раковины для него, он поручил приемщику грузов с «Ваинианиоре» проверить товар и привезти на Арутаки.

— Ты ему обещал?

Матаоа заколебался. Фактически он не давал обяза-

тельств Ли Мину, а лишь выслушал его просьбу. По правде сказать, он предпочитал продать весь свой улов этому торговцу, манеры и лицо которого нравились ему.

— А ты хочешь купить?

— Почему бы и нет? Если эти раковины не хуже первых, я дам тебе сто восемьдесят, а может быть, и сто девяносто франков за килограмм.

В последние месяцы цена на раковины колебалась между ста восьмьюдесятью и ста девяноста франками. Матаоа устраивало предложение.

— Тогда я продам раковины тебе.

— Хорошо, я приду завтра утром. Только вот что: я израсходовал за последние дни все деньги и уплачу тебе в Папее. Тебе придется подождать. Ты приедешь на июльские праздники?

Почти все хорошие ныряльщики собирались на праздники в Папее. В конце концов не пора ли и ему повидать Таити? Кроме того, поездка будет носить деловой характер, ему нужно оформить продажу улова. Что подумают о нем, если он сразу возвратится на Арутаки, как старик или ребенок? Не раздумывая ни секунды, Матаоа ответил, как если бы это решение созрело у него давным-давно:

— Конечно, поеду!

На следующий день Матаоа и торговец — его звали Чанг — сошлись на ста восьмидесяти пяти франках, что составляло за тысячу триста пятьдесят килограммов круглую сумму — двести пятьдесят тысяч франков. Матаоа получит ее в конторе Чанга спустя два или три дня после возвращения последнего в Папее.

Что касается Хаамару, то, когда подвели итог, выяснилось, что он не только потратил свою часть от первой продажи раковин — двадцать пять тысяч франков, но забрал еще двадцать тысяч вперед в счет платы за следующий улов. Куда он девал все эти деньги? Проиграл в кости. Вот поино! Следовательно, ему причиталось лишь тридцать тысяч франков из двухсот пятидесяти тысяч, которые Матаоа получит в Папее. И кто знает, не проиграет ли он до отъезда с Такароа и эту сумму! Разве Хаамару не хвастался, что, имея в кармане десять тысяч франков, сможет отыграть все, что потерял с начала сезона?

— Знаешь что? — весело сказал Матаоа Моеате. — Мы отправляемся в Папеете на июльские праздники!

В его голосе звучали фальшивые нотки. Он знал, что Моеата откажется, и применил замаскированную хитрость. Он хотел, чтобы жена отпустила его одного. Матаоа упрекал себя в лицемерии. Ведь Моеату страшила даже поездка на Арутаки, как же может она согласиться на столь длительное путешествие по морю?

Она ответила:

— Я не поеду.

— Но нужно получить деньги в Папеете!

— Поезжай сам.

Он был ошеломлен тем, что так легко добился ее согласия.

— Ты правда так думаешь?

Но у нее были свои соображения:

— Ты побудь там между двумя рейсами и привези мне швейную машину.

Она открыла сундук и вытащила из-под белья каталог, на одной из страниц которого был изображен предмет ее мечтаний:

— Вот эту.

— Конечно! — с энтузиазмом воскликнул Матаоа. — Если хочешь, даже две!

Какая у него жена! А он-то боялся, что она будет возражать против поездки и рассердится, если он проявит настойчивость. Ведь после того, как Матаоа договорился с Чангом, он не мог изменить свое решение. И как быстро все уладилось! Моеата — лучшая из лучших! Он сказал Моеате, стараясь выразить свое восхищение:

— Ты цветок лагуны!

Глава четырнадцатая

МАТАОА ГУЛЯЕТ

Через несколько часов шхуна придет на Таити. Остров был уже виден, ветер доносил его аромат. Аромат тиарэ. Матаоа казалось, что в его жилах пульсировала новая кровь. На двух палубах шхуны «Тенитии» размещалось сто человек, не считая экипажа! Когда море было спокойно, казалось, что шхуна совсем не двигалась, однако это было не так! «Тенитиа» совсем не походила на «Ваинианиоре»! Ни днем, ни ночью на ней не прекращалась жизнь. Можно было подумать, что люди здесь совсем не спят! Когда они отчаливали, помощник капитана принес двадцать гитар и мгновенно их распродал. Будь у него пятьдесят, нырлящики, ехавшие в Папее, раскупили бы и их. Гитара стоила всего тысячу пятьсот франков, меньше, чем десять килограммов перламутровых раковин, как же ее не взять? Кругом звучало столько музыки и песен, словно на борту не двадцать гитар и даже не пятьдесят, а все сто! А каких людей встретил здесь Матаоа! Вчера он говорил с самим Тефау.

— Ну, как? — спросил Тефау. — Добыл несколько раковин?

— Семьсот килограммов в первой партии, тысячу триста пятьдесят во второй, всего более двух тонн. Но со мной произошел несчастный случай. А то бы я собрал килограммов на триста больше.

— Знаю, мне говорили. Это твой первый сезон?

— Да.

— Тогда ты рекордсмен!

Такой комплимент от самого Тефау! Он расстался с Матаоа, как если бы отныне считал его равным себе. Несколько раз Матаоа приглашали выпить, и он не ре-

шался отказаться и сказать, что его мутит от вина и рома. Вчера ночью, когда музыканты и певцы на носу наконец заснули, он наклонился над планширом и его стошнило.

В Папэте

Несмотря на большие размеры, «Тенитиа» маневрировала не хуже пироги. Она подошла к пристани, ловко вклинившись в небольшое пространство между другими большими пароходами. На палубе в толчее перед спуском кто-то тронул Матаоа за плечо. Он обернулся: Чанг.

— Завтра приходи, когда захочешь. Спроси в городе универсальный магазин Чанга около индо-китайского банка.

Матаоа кивнул. Потом они потеряли друг друга из виду, и Матаоа сразу же забыл об этой встрече. Он был ошеломлен и очарован открывшейся перед ним картиной. Гора, дома, учреждения, магазины, корабли на пристани. Два текущих навстречу друг другу потока автомобилей и велосипедов... Весь Папэте был перед ним как на ладони! Поставили сходни. Матаоа искал глазами Тефау. Все его советы вылетели у него из головы. Вот он! Матаоа пробрался к ныряльщику:

— Куда, ты сказал, мне идти?

— К «Леа». Я буду там вечером.

Толпа увлекла Матаоа к сходням. Он прижал к себе узелок с вещами и вскоре вместе со всеми оказался на берегу. Климат тут был совсем иной, чем на Туамоту. Люди садились в автомобили, опять звучали песни под аккомпанемент гитар. Перед Матаоа остановился большой открытый автомобиль красного цвета, куда красивее других. Из него вышел шофер, таитянин лет сорока, в соломенной шляпе из пандануса, украшенной ракушками. Матаоа подошел к нему:

— Возьмешь меня?

— Валяй садись!

Машина тронулась с места. Все могли видеть Матаоа, автомобиль был открытый.

— Тебе куда? — спросил человек за рулем.

— К «Леа».

- В бар «Леа»?
— Наверное.
— Это совсем близко, не хочешь ли сначала посмотреть город? Ты знаешь Папеезе?
— Нет, я здесь впервые.
— Откуда ты?
— С Арутаки.
— Ты нырял на Такароа?
— Да.
— Удачно?
— Если бы не несчастный случай, я взял бы две с половиной тонны, но и так я добыл более двух тонн.

— Нырять тяжело, я знаю: у меня есть братишка на Бора-Бора, ставший таравана.

Матаоа опасался, что в Папеезе его не поймут и он сам не сможет разобрать таитянские слова. Но пока все шло хорошо. Нужно было только слушать собеседника внимательно.

Какое это чудесное ощущение — ехать на машине и смотреть по сторонам! Водителя звали Тетуануи.

Матаоа увидел весь Папеезе от начала до конца и даже больше, потому что Тетуануи показал ему и окрестности города. Под конец Матаоа даже устал немного и был доволен, когда автомобиль остановился перед баром «Леа». Он предложил Тетуануи зайти с ним, оба они выпили у стойки свежего пива. Пиво им подавал человек по имени Маюри, туамотуанец, женатый на таитянке. Сам Маюри был с Хикуэру и тоже когда-то нырял за раковинами. Поэтому в баре «Леа» встречались все туамотуанцы, жившие в Папеезе или приезжавшие на время.

— Подожди, — сказал Маюри, — вот посмотришь, сегодня вечером здесь будет жарко!

Тетуануи рассмеялся и сказал, что ему надо работать.

— Оставайся, — попросил Матаоа. Он опустил руку в карман шортов, вытащил деньги и дал Тетуануи. — Завтра я получу деньги за раковины и дам тебе еще.

— Ты хочешь, чтобы я возил тебя все время?

— Да, оставайся.

Маюри проводил Матаоа на второй этаж, чтобы тот поспал на циновке.

— Можешь остаться здесь на ночь, если хочешь, — сказал Маюри, но предупредил, что вряд ли Матаоа удастся заснуть в эту ночь, да и в другие тоже. — Ведь июльские празднества — это июльские празднества, не так ли?

Тетуануи предпочел отдохнуть на заднем сиденье своей машины, стоявшей в тени навеса. Вечером Тетуануи разбудил Матаоа, и они поехали на прогулку. На одном повороте в автомобиль подсели девушки, смеявшиеся и болтавшие без умолку. Потом они вышли, а одна осталась. Но Тетуануи бесцеремонно предложил ей выйти, что удивило Матаоа.

— Это пукаруа, — объяснил Тетуануи. — Будь осторожен с ними: такая может наградить тебя болезнью.

Кругом заканчивали строить бараки для праздника, который должен был начаться через день. Более двухсот барачков, уверял Тетуануи. Некоторые из них уже были освещены не хуже магазинов, только разноцветными огнями. На площади, окруженной бараками, воздвигали колесо, в три раза выше домов. На нем были развешаны корзины, в которых могли разместиться более ста человек. Когда колесо приводилось в движение, корзины закрывали, чтобы люди из них не вывалились.

Тетуануи пригласил Матаоа к себе домой разделить семейную трапезу. Жилище его не походило на хижину Туамоту: построенное из досок и плетеного бамбука, оно освещалось электричеством. В доме было много кранов, откуда текла вода. Если же воды не было, то можно было сходить на реку, протекавшую поблизости.

Тетуануи познакомил Матаоа с женой и двумя дочерьми и объяснил им, кто он такой, откуда приехал. Одна из дочерей, немного похожая на китайку, как и мать, все время молчала. Другая, помоложе, то и дело смеялась, и Матаоа чувствовал, как между ними протягивается ниточка взаимной симпатии.

Тетуануи рассказывал о подвигах ныряльщиков во время июльских празднеств. В прошлом году его нанял огромный дьявол с Факарава или, быть может, с Пукаруа. Он давал ему по сто франков за каждый нажим на клаксон. Туамотуанец, катавшийся в другом автомобиле, захотел делать то же самое. Тогда пассажир Тетуануи сказал: «На каждый сигнал той машины отвечай двумя!» — и сунул Тетуануи пачку ассигнаций: «Валяй!

Не давай себя побить!» Тетуануи рассказывал еще много всяких историй в этом же роде. В конце обеда младшая дочь, не сводившая глаз с Матаоа, явно стала искать повода сказать ему несколько слов наедине, но ей это так и не удалось.

Тетуануи отвез Матаоа к «Леа». В глубине зала оркестр из гитар и укулеле исполнял мелодии туамоту. Здесь было кому их слушать и петь: Матаоа сразу заметил ныряльщиков с Такароа. Некоторые уже были пьяны.

Вот явился Тефау. Он вынул из кармана тысячные билеты и наколол на гвоздь в стене около стойки. При виде Матаоа он обратился к нему, дружески улыбаясь. Глаза у него были красные, он немного опьянел.

— Ящик для всех! — закричал Тефау. По знаку Маюри два человека принесли ящик пива и раздали всем бутылки. Матаоа получил свою бутылку, Тетуануи тоже.

— Еще ящик! — вновь прорвался сквозь возрастающий шум голос Тефау. Принесли второй ящик. Маюри снял с гвоздя тысячефранковый билет. Одна женщина поднялась и начала танцевать тамуре. Мужчины за ее столом с грохотом отодвинули стулья и тоже пустились в пляс. Оркестр играл все громче, убыстряя темп, другие женщины и мужчины вступили в круг. Тефау заказал еще ящик пива. Матаоа выпил. Одна женщина танцевала перед ним, он смеялся и танцевал с ней. Потом он возвратился к стойке и выпил. Тетуануи спросил, не желает ли он поехать в другое место.

— Нет, — ответил Матаоа, — здесь хорошо, — и выпил еще. Тетуануи хотел было уйти, но Матаоа не отпустил его. Пусть остается! Матаоа пил, танцевал и снова пил.

* * *

На следующее утро Тетуануи разбудил Матаоа, который провел ночь на циновке на втором этаже. Другие туамотуанцы спали рядом. Автомобиль поехал по набережной, морской воздух освежал Матаоа. Тетуануи затормозил, и они пошли пить кофе с булочками на террасе кафе на берегу лагуны. Затем Тетуануи отвез Матаоа к парикмахеру. Пока старый китаец брил и стриг Матаоа, он рассматривал фотографии на стене, изображавшие

смеющихся молодых китайнок с голыми ногами и плечами, в грациозных позах. Потом они поехали за город. Матаоа нравилось все, что он видел, и самая езда в автомобиле доставляла ему удовольствие. В неподвижной, как масло, лагуне вода была голубая в отличие от синезеленых лагун Туамоту. По краю дороги и на берегу мелькали красивые большие хижины. Все радовало глаз. Но Тетуануи был прав: красивее всего был остров Муреа.

В полдень Матаоа и Тетуануи поели в китайском ресторане у рынка, недалеко от стоянки грузовых машин. Затем Тетуануи отвез Матаоа к Чангу. Это уже был не тот Чанг, что на Такароа. Одетый в темное, он отдавал приказания многочисленным служащим своего большого магазина, полного товаров. Он дал Матаоа подписать бумагу, затем вручил ему условленную сумму и тотчас же возвратился к другим делам. Матаоа хотел положить деньги в карман шортов, но они туда не вмещались. Пришлось попросить у служащего кусок бумаги и завернуть в него около половины полученных денег. Минуту он раздумывал: куда их теперь деть? Прежде всего он даст пачку Тетуануи, ожидающему его снаружи, затем купит кое-что из одежды, а большую часть оставшихся денег отдаст на хранение Маюри. Так он и сделал. Маюри запер деньги в маленький сундук, а Матаоа отправился отдыхать после обеда.

* * *

Матаоа открыл глаза. Наступил вечер. Маюри сказал, что он может помыться во дворе, около уборных. Матаоа поднялся и пошел к крану. Раздались первые аккорды музыки. Матаоа надел купленные утром шорты и рубашку, спустился на первый этаж и выглянул на улицу. Автомобиля не было. Он вошел в зал, но Тетуануи и там не было... Матаоа ощутил раздражение и беспокойство, ему стало не по себе, он почувствовал себя одиноким. Маюри разговаривал с двумя женщинами, не обращая на Матаоа никакого внимания.

Начали приходиться люди. Оркестр заиграл громче. Появилось несколько человек с Такароа. Вот Моана, Тефау... Матаоа вспомнил, как вчера вел себя Тефау. Он

сунул руку в карман шортов, вытащил пачку денег и наколол их на гвоздь.

— Ящик для всех! — приказал он Маюри и был немного разочарован, когда Маюри, не глядя на него, отдал распоряжение одному из служащих. Матаоа откупорил одну бутылку для Моана, другую для Тефау, третью для себя. Музыканты тянулись со своими бутылками к их группе. Матаоа почувствовал себя счастливым и гордым. У Моана бутылка уже была пуста наполовину, у Тефау — на три четверти.

— Еще ящик! — крикнул Матаоа.

Теперь в баре собралось много народу.

— Еще один!

Моана хотел тоже заказать ящик, но Матаоа опередил его и вытащил деньги. Он положил руку на плечо Моана и сказал, что обидится, если тот вздумает платить. Моана засмеялся.

— Маюри, давай! — очень громко закричал Матаоа. Они выпили.

Дирижер оркестра то и дело поворачивался к трем мужчинам у стойки. «Спасибо за пиво, — говорили его глаза. — Что сыграть для вас?»

— «Э Мекое!» — вдруг крикнул Матаоа, и музыканты наклонили головы в знак согласия. Оркестр начал играть песню, заказанную Матаоа. Матаоа подпевал: «Э Мекое, Мекое, Мекое...» Королева песен!

А вот и Тетуануи! Матаоа уже забыл, что сердился на него. Он обнял Тетуануи за плечи.

— Ящик пива для Тетуануи!

Они выпили. Рядом с ними оказались женщины. Они тоже хотели пива.

— Ящик! — приказал Матаоа.

— Пойдем в другое место, — предложила женщина, выпив пива.

— Куда? — спросила другая.

— В «Куин'с».

Третья женщина поддержала ее. Матаоа и здесь чувствовал себя хорошо, но, с другой стороны, у него ведь был автомобиль. И он сказал, даже не советуясь с Моана или Тефау:

— Пошли туда все!

Они вышли из бара и сели в автомобиль. Одна из женщин уселась Матаоа на колени. Кожа у нее была

горячая. Когда автомобиль тронулся, она упала на Матаоа. «Куин'с» был совсем рядом, но Матаоа скомандовал:

— Сделай большой круг, покатай нас.

Тетуануи повез их к баракам, где народу было совсем мало, и возвратился в «Куин'с». Там, наверное, собралось не меньше тысячи человек. Духота была ужасная! Как проложить путь сквозь толпу танцующих? Столики везде были заняты. Но вот один освободился.

— Ящик пива! — приказал Матаоа.

— Здесь не подают ящиками. Каждому по бутылке?

— Да, и вторую тотчас после первой!

Тут внимание Матаоа привлек один из танцоров на площадке. Без сомнения, это был Викторина! Как он изменился! Постарел и обрюзг! Матаоа сделал ему знак, но тот не обратил на него внимания. Опьяненный музыкой, он как будто спал на плече своего партнера. Ну и Викторина! Столько народу, что к нему не проберешься. Матаоа выпил. Сейчас он все-таки пойдет и поговорит с Викториной! Здесь не так уж хорошо. Слишком много людей, и музыка ему не нравится, совсем не то, что в «Леа». Лучше вернуться туда.

Женщины захотели остаться, а Моана и Тефау тоже решили вернуться в «Леа». Матаоа оставил деньги на столике, и мужчины ушли. Матаоа слегка захмелел. Воздух немного освежил его. Наконец они снова в «Леа»! Здесь хорошо!

Матаоа заказал не один, а два ящика пива. Маюри взглянул на него с улыбкой. Матаоа почувствовал себя счастливым.

Июльские празднества

На следующий день начались июльские празднества. Всюду висели флаги, улица и набережная казались черными от народа. Автомобиль теперь был ни к чему. Даже военный корабль был украшен не хуже других судов у пристани. Мужчины и женщины соревновались на лодках, но из-за голов людей ничего нельзя было разглядеть. Смотреть гонки собралось не меньше пяти тысяч человек! Затем состоится двухчасовой парад. Сначала пройдут под музыку одинаково одетые

парни и девушки, за ними солдаты и моряки, проедут автомобили и мотоциклы.

Наступил полдень. Матаоа пообедал с Тетуануи в бараке, где им подали блюда из сырой рыбы, а также поросенка, запеченного в таитянской печи. Правда, Тетуануи сказал, что поросенка запекли просто в кастрюле, а не в традиционной печи, но в конце концов не все ли равно? Все бараки были забиты людьми.

Потом они стреляли из ружья в картон с черной точкой в центре, от которой расходились красные круги, сначала маленькие, а потом все больше и больше. Матаоа заключил пари с Тетуануи и почти все время выигрывал, хотя впервые взял в руки это оружие, казавшееся ему слишком легким. Они стреляли также по стеклянным трубкам, разлетавшимся вдребезги, по мячам, по маленьким куклам на веревочках: кто перебьет веревочку — получает куклу!

В некоторых бараках бросали мячи в поставленные одна на другую банки с консервами. Там тоже можно было кое-что выиграть, если свалить все. Была и лотерея, в которой разыгрывались всякие полезные вещи и даже маленький поросенок. Зазывалы, паясничая, уговаривали купить билет. Крутилось колесо, каждый надеялся выиграть... И действительно, иногда кое-кто выигрывал. Матаоа крутил колесо раз сто и каждый раз брал билет и для Тетуануи. В конце концов они выиграли две кастрюли, набедренные повязки и другие нужные вещи для семьи Тетуануи. Они ходили из барака в барак и в каждом играли, пили, ели сладости... Потом они катались на большом колесе и ходили в кино, где Матаоа узнал кинемеханика с Такароа. Показывали фильм, который Матаоа уже видел, но он был доволен, фильм ему нравился. Когда они вышли из кино, наступила ночь.

Впрочем, улицы были залиты светом. Всюду играла музыка, в бараках танцевали. Поужинали Матаоа и Тетуануи не там, где они обедали, а в новом месте.

Теперь надо было торопиться на большой отэа — самый важный танцевальный конкурс года. Несколько тысяч людей собрались на широкой площади, освещенной гирляндами цветных электрических лампочек. Прибыл первый танцевальный ансамбль, барабанщики и другие музыканты, мужчины и женщины, одетые одинаково. У каждой группы танцоров были костюмы другого цвета

и покроя. Руководитель ансамбля, в большой шляпе, по обычаю отвешивал поклоны губернатору всей Полинезии * и другим начальникам — поаа и таптянам, сидевшим на помосте с трехцветными флагами. Какой голос был у руководителя! Какой рост! Он наверняка весил более ста тридцати килограммов! Вот это мужчина! Кончив кланяться, он возвратился к своей группе и сделал знак рукой. Зазвучали барабаны. Мужчины и женщины выстроились посреди площади в две линии, одна против другой — и танец начался. Все зааплодировали. Матаоа, захваченный музыкой и ритмом движений, невольно двигался в такт танцу.

Второй выступала группа с Раиатеа. Танцоры щеголяли еще более красочными костюмами. Рисунок их танца был совсем иной. Затем вышли люди с Бора-Бора, тоже в великолепных костюмах. Одна из танцовщиц приблизилась к помосту губернатора. Она танцевала так хорошо, что толпа, во власти танцевальных мелодий, кричала от восторга. Одна группа танцоров сменяла другую без минуты перерыва. Как только ансамбль заканчивал выступление, звуки барабана вызывали на площадь новых танцоров.

Шли часы. Матаоа не замечал, как летело время. Они с Тетуануи пошли в бараки, пили там и танцевали, а затем возвратились в «Леа». Матаоа сейчас же заказал несколько ящиков пива. Здесь были Моана, Тефау и другие ныряльщики с Такароа, народу — не протолкаться. Матаоа пил бутылку за бутылкой и вскоре захмелел. Все отправились в бараки. Там Матаоа также заказал несколько ящиков пива. Несколько раз он танцевал с одной и той же девушкой, она все время находилась рядом с ним, ни на минуту не покидая его. Один мужчина пригласил ее танцевать, но она отказалась. В конце концов Матаоа оказался с ней в автомобиле Тетуануи, они куда-то ехали, потом остановились, вышли, и девушка потянула его за руку. Они оказались перед хижиной на берегу лагуны. Светало. Тетуануи сказал, что позже придет за Матаоа к этой хижине, и Матаоа позволил девушке увести его.

Он упал на кровать и заснул. Пробудившись, он увидел рядом девушку, но не мог вспомнить, кто она, и хо-

* Имеется в виду Французская Полинезия.

тел тут же уйти. Девушка рассердилась и потребовала, чтобы он остался. Матаоа сказал, что должен подождать своего друга, который отвезет его на автомобиле в Папезте, но вид голой девушки пробудил у него желание, он на мгновение вспомнил Моеату, но в конце концов не выдержал и привлек девушку к себе.

Приехал Тетуануи и просигналил клаксоном. Приближался вечер. Девушка оделась и собралась идти с Матаоа. Он не хотел, чтобы она ехала с ним, но не подал виду. Они возвратились в бараки и все вместе поужинали. Девушка — ее звали Моререва — все время прижималась к Матаоа и тащила его танцевать. Ему было неловко, он хотел от нее избавиться, но не знал как. Наконец он сунул ей в руку деньги и пожелал хорошо провести время. Она рассердилась, но что толку? Матаоа с Тетуануи отправились в «Леа».

Матаоа больше не считал ни дней, ни ночей, ни девушек, которых в автомобиле возил в бар «Леа» или в другие места, где всегда было полно народу, где царил шум и музыка. Он больше не задумывался. В водовороте праздничных дней смешались тысячи лиц и событий. Иногда в его затуманенном мозгу всплывали воспоминания об Арутаки, но они мгновенно отступали под напором новых впечатлений. Матаоа не помнил, когда и где он засыпал. Чаще всего он просыпался на циновке, на втором этаже в «Леа». Ему хотелось поспать еще, но праздник, здесь, совсем близко, звал Матаоа.

Стоило ему выпить, как усталость исчезала. Он пил, танцевал, катал в автомобиле каких-то людей.

Теперь его знали всюду: Матаоа с Арутаки, великий ныряльщик. Некоторые, завидев его, подходили и говорили, что тот или иной человек сказал, будто в будущем сезоне Матаоа станет лучшим ныряльщиком во всей Полинезии. Недаром в свой первый сезон он сравнялся или почти сравнялся с лучшими из лучших — с Моана или Тефау. Матаоа был горд и счастлив. Он заказывал пиво для этих людей и пил с ними.

Однажды вечером Матаоа попросил у Маюри новую пачку денег. Кругом было много народу, стоял шум. Маюри что-то сказал Матаоа, но тот не обратил на его слова внимания. Он дал часть денег Тетуануи, а остаток наколот на гвоздь и, как обычно, заказал много пива.

* * *

На следующий вечер в «Леа» было не так людно. Говорили, что праздник подходит к концу. Матаоа попросил денег у Маюри, но тот покачал головой:

- Разве ты не слышал вчера?
- Что?
- Я отдал тебе твои последние деньги.
- Больше не осталось?
- Нет, все.

Матаоа опустил голову. Он порылся в карманах и нашел там несколько банкнотов, но по сто, а не по тысяче франков. Он задумался. Приехал Тетуануи. Матаоа сказал, что у него больше нет денег. Тетуануи предложил Матаоа и Маюри выпить, а затем уехал. Пришли Тефау и Моана с девушками. Матаоа было стыдно признаться, что у него не осталось денег, он поднялся на второй этаж, лег на циновку и заснул.

* * *

На следующий день Матаоа пошел к Чангу. По дороге он вспомнил, что обещал Моеате привезти швейную машину. Чанга не было. Служащий объяснил Матаоа: «Ваинианиоре» отплывет на Арутаки через четыре дня. Возвратился Чанг, но такой суровый и озабоченный, что Матаоа не отважился просить у него денег. Он отправился на «Ваинианиоре», пришвартованную к пристани. Помощник капитана сказал, что проезд до Арутаки стоит шестьсот франков. Матаоа постыдился признаться, что у него их нет. Он возвратился к Чангу и попросил тысячу франков. Чанг пристально посмотрел на него, а затем спросил, что он сделал со всеми своими деньгами. Матаоа ничего не ответил. Чанг дал ему подписать бумагу: Матаоа обязуется уступить Чангу весь свой улов в будущем сезоне по цене, которая установится к тому времени. В качестве аванса Чанг выдал Матаоа тысячу франков.

Обрадованный Матаоа потратил шестьсот франков на покупки: гребенки, голубое мыло, две красивые набедренные повязки, бутылка монои * для Моеаты, вязаный костюмчик для Ириа... Он отправился за вещами, оставленными в «Леа» на втором этаже, попрощался с Маюри, пошел на пристань и сел на «Ваинианиоре».

Возвращение

На Арутаки только и говорили, что о возвращении Матаоа. Подробности стали известны от помощника капитана «Ваинианиоре». В распоряжении Матаоа днем и ночью был большой автомобиль, он заказал более ста ящиков пива в «Леа» и неизвестно сколько еще в бараках и других местах! Ну и поездочку он себе устроил! Весь остров гордился им. Сам Фареуа выразил Матаоа свое восхищение, похлопав его по плечу:

— Ты настоящий ас!

Правда, кое-кто намекал, что он уж слишком много позволил себе в Папезте, но скорее всего так говорили из зависти. Пусть соберут сначала, как Матаоа, две тонны раковин, а тогда уже говорят. Или он тратил чужие деньги? В Папезте он всем показал, каковы нырлящики с Арутаки. Пусть не думают, что туамотуанцы умеют лишь поедать оири и собак, утопленных в мешке, что они дикари! Матаоа парень не промах!

Конечно, этого не скажешь при взгляде на его серьезное лицо. Кто бы подумал, что он способен на такое? А с другой стороны, сколько людей много говорят и ничего не делают? Иные же, вроде Матаоа, не очень-то разговорчивы, но зато действуют решительно. Проявил ведь он характер, когда Техина не хотела, чтобы он женился на Моеате! Может, он тогда поднял шум, кричал, жаловался или, на худой конец, покорился? Ничуть не бывало! Тапуни! Вот что он сделал! А теперь кто его жена, если не та же Моеата, которая родила уже Ириа и скоро родит еще ребенка, а потом еще?

Надо сказать, Моеата была разочарована, когда Матаоа сошел с «Ваинианиоре». Она вместе с другими людьми ждала его на пристани и очень внимательно сле-

* Монои — брильянтин из кокосового масла.

дила за выгрузкой ящиков и тюков. Она похвасталась соседкам, что Матаоа привезет ей точно такую швейную машину, какая изображена в каталоге. Но все тюки и ящики уже лежали на пристани, а машины среди них не было. Моеата не стала выяснять этот вопрос при всех, но в хижине спросила:

— А швейная машина? Ты забыл про нее?

— Ты ее получишь, когда мы продадим ближайший урожай копры, — ответил Матаоа.

Моеата открыла было рот, чтобы возразить, но он прервал ее на полуслове:

— Я не хочу тебя слушать, понятно? Сказал тебе — после сбора копры в будущем сезоне — и конец!

Моеата всплакнула, но больше о машине не вспоминала.

Что могла она сделать? В конце концов Матаоа вернулся, хотя ничто не мешало ему еще остаться на Таити. К тому же ни у одной женщины на Арутаки не было швейной машины. Моеата подождет еще немного. Если у тебя муж Матаоа, стоит немного и потерпеть.

По правде сказать, Матаоа не ожидал, что июльские празднества принесут ему такую популярность. О нем стали поговаривать как о будущем вожде Арутаки. На «Ваинианиоре», по пути домой, он опасался упреков своих близких и в глубине души считал их вполне заслуженными. В Папезте его настиг приступ таравана, не иначе. Там, в вихре праздничной жизни, он не в силах был от него избавиться, но сейчас, когда все кончилось, чувствовал себя счастливым. Какая радость вновь увидеть родные лица, вернуться в край своего детства! Только здесь он может быть счастлив. В будущем сезоне он не поедет в Папезте без Моеаты.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Глава пятнадцатая

ЦУНАМИ

В семье Матаоа произошло много событий на протяжении 1955 года, перед катастрофой, чуть было не оборвавшей на Арутаки жизнь людей, животных, растений...

В январе Мато застал Моссиу в кресле странно неподвижным. На лице старика застыла спокойная улыбка, придававшая ему выражение святости. Руки его покоились на Библии. А может, он спит? Мато долго смотрел на отца и наконец понял. Моссиу заснул навсегда. «Разве не прекрасная смерть? Кто не хотел бы закончить свою жизнь таким образом?» — говорили на похоронах, и это утешало Мато, Тао и Матаоа, потому что эти слова, произносимые обычно на всех похоронах, на сей раз были правдой.

В феврале тяжело заболел Фареуа. Боль в почках приковала его к постели. Человек в возрасте Фареуа не может рассчитывать при такой болезни на скорое выздоровление. Все чаще стали говорить о Матаоа как о его преемнике. Сам Фареуа как-то сказал, что, когда настанет час выбрать нового вождя, речь может идти лишь о трех людях: Туке, Путои и Матаоа, но лучше всего выбрать последнего. «Путои — конечно, нет. Туке — быть может. Матаоа — наверняка...» Таково было мнение мудрейших, которым предстояло, когда придет время, избрать нового вождя.

В марте Моеата произвела на свет третьего ребенка, девочку, которую назвали Эиматой. Прекрасный ребенок! Такая же красивая, как Моеа, первая дочь Моеаты, родившаяся в 1947 году. Единственное, что можно было пожелать новорожденной, — стать равной по красоте своей сестре, потому что Моеа обещала стать самой пре-

красной девушкой на Арутаки. Ириа сломал себе ногу, сорвавшись с кокосовой пальмы. Ну и характер у ребенка! Он сам дотащился до ближайшей хижины и только тогда, сжав зубы от боли, произнес: «Меня нужно лечить». Ни единой жалобы, ни единого стога!

Были и другие события. Во второе воскресенье апреля состоялось торжественное открытие нового магазина Ли Мина. Хозяин объявил об этом заранее и пригласил на угощение и танцы всех жителей Арутаки.

На праздник приехал из Папэте старший сын Ли Мина, весь в драгоценностях, ничуть не похожий манерами на отца. Он выглядел в родной деревне чужаком, все нашли его спесивым и претенциозным. Обидно было наблюдать, с какой гордостью смотрел Ли Мин на своего первенца, занимавшего в Папэте солидное положение, в то время как последний явно стыдился отца, мелкого торговца с затерянного атолла. А кто как не скромный и бережливый отец содержал его на Таити и платил за учение. Неблагодарный сын, видно, забыл то время, когда собирал сухие кокосовые орехи и кормился горсткой риса, сваренной на воде, и куском рыбы, которую давал кто-нибудь из туамотуанцев.

Но зачем осуждающе глядеть на старшего сына и тем портить радость Ли Мина? Правда, при виде богатства Ли Мина и новых товаров в магазине, ярко освещенном изнутри и снаружи, многие ворчали: «Этот китаец разбогател на нашей шее. У него больше добра, чем у десяти семей Арутаки». Но эти завистливые замечания не находили поддержки, и праздник удался на славу. Да и то сказать, дурно отзывались о китайце лишь те, у кого не были погашены долги. Все эти люди любил поспать и не иначе как думали, что копра соберется, высушится и сложится в мешки сама собой, как в сказке! Никто не слушал этих поино, все продолжали веселиться.

«Ваинианиоре» прибыла накануне и отложила выход в море, чтобы экипаж смог присутствовать на празднике. Приемщик грузов поздравил Ли Мина и объявил во всеуслышание, что такого красивого и благоустроенного магазина, как на Арутаки, нет на всем Туамоту. Даже в Папэте лишь немногие магазины могут сравниться с ним по красоте постройки и качеству оборудования. Эти слова доставили большое удовольствие при-

сутствующим: ведь похвала относилась не только к Ли Мину, но и к плотникам, построившим магазин.

С мая до конца августа промысел раковин был разрешен на Арутаки. Матаоа превзошел свой подвиг 1948 года на Хикуэру, где поднял со дна четыре тонны раковин. Он собрал больше, чем любой другой ныряльщик, хотя рядом с ним работали прославленные люди — Моана, Тефау, Маюри, не тот Маюри, что имел бар «Леа» в Папэте, а Маюри с Такапото. До начала сезона Матаоа месяцами тренировался, на что были способны лишь немногие ныряльщики. С годами кроме десяти килограммов мускулов и жира он приобрел выносливость, которой ему так не хватало вначале. Матаоа стал гордостью Арутаки — сильнейшим ныряльщиком, после Мато разумеется. Иметь на атолле чемпиона стало уже традицией.

Тена вышла замуж за парня с Рангироа, отважного и усердного ныряльщика, прибывшего на Арутаки промыслять раковины. Церемония бракосочетания состоялась сразу же по окончании сезона. Матаоа подарил сестре тонну добытых им раковин и обещал посетить молодых после рождения их первенца. Отъезд дочери на Рангироа очень опечалил Техину. Она долго плакала и рассказала соседкам о своем предчувствии: больше она Тену не увидит. Кто мог подумать, что предчувствие не обманет ее?

Месяц спустя после окончания сезона на Арутаки прибыл важный чиновник архипелага Туамоту. Он объявил о многочисленных изменениях, которые ждут жителей атолла. На Арутаки скоро построят школу. Дети научатся читать, писать, считать, в первый же год учебы узнают много полезного. В деревне появится фельдшер: жители должны уже сейчас наметить юношу, который за счет правительства пройдет стажировку в больнице Папэте, а спустя шесть месяцев вернется вооруженным медикаментами и знаниями, которые многим спасут жизнь. Вот ведь умерли за последнее время двое младенцев из-за того, что молоко в их желудках сворачивалось и вызывало неудержимую рвоту. Умер мальчик восьми лет, отравившийся рыбой. Истекла кровью женщина, ибо никто не смог остановить кровотечение. Этих людей, возможно, удалось бы спасти, будь на Арутаки человек с медицинским образованием. Фельдшер здесь необходим, хотя не-

которые старики и сомневаются в этом: жили, мол, раньше без него!

Чиновник сообщил еще одну вещь, заставившую многих призадуматься, — решено установить в деревне рацию, которая дважды в неделю свяжет остров с Папэте и позволит вести переговоры с капитаном и приемщиком грузов «Ваинианиоре» или любой другой шхуны, находящейся в море. Рация обойдется недешево. Кому-нибудь из молодых людей придется поехать в Папэте учиться на ней работать.

Нужно ли это жителям Арутаки? Многие считали, что вполне достаточно радиоприемников, чтобы быть в курсе событий и получать сообщения с «Ваинианиоре». Зачем нарушать обычаи туамотуанцев и во всем подражать поаа? Новшества в конце концов губят традиции, так считало большинство населения острова. Это мнение, высказанное членам совета семи и Фареуа, взяло верх.

Между тем Матаоа втайне думал, что, если Фареуа умрет и он станет вождем, прежде всего он установит на Арутаки рацию.

В сентябре прибыл из Франции парусник и доставил четырех человек, которые ныряли, как туамотуанцы, и охотились на рыб оружием, принятым в их стране. У них был гарпун, который они приводили в движение не рукой, как острогу-патиа, а резиной, придающей гарпуну такую скорость, что он двигался в воде быстрее самой быстрой рыбы. Жан, Франсуа, Жерар и Марк оставили в подарок жителям Арутаки несколько гарпунов и обещали прислать из Франции запасные. Они также сказали, что нигде в мире их не принимали так приветливо, как на этом атолле. Ни один известный им народ не идет в сравнение с туамотуанцами. Они не забудут пребывания на Арутаки. С такими словами обратились они в момент отъезда к населению атолла, и слезы показались у них на глазах. Речь французов заставила расплакаться людей, пришедших на пристань, чтобы надеть на отъезжающих венки и ожерелья.

Вот и все важные события за это время. Но что они перед цунами, обрушившимся на атолл в ноябре? С тех пор на Арутаки никогда уже не говорили: «1955 год», а называли его «годом цунами», как называли на Анаа год 1912.

Две волны

Погода была на редкость спокойная и жаркая. Стояла тишь. Москитов и мух было видимо-невидимо. Уровень воды в цистернах понизился в этом месяце больше обычного.

Вместо воды пили сок кокосовых орехов. Сотни оири всплывали на поверхность, прибрежные воды кишели акулами. Лагуна ослепительно сверкала под лучами солнца, так что на нее нельзя было долго смотреть. Яркий и резкий солнечный свет позволял без труда отличить плавник акулы от плавника таману на расстоянии более тысячи метров. А какие краски разливались по лагуне каждый вечер на закате! Как будто за горизонтом полыхал мир, охваченный пламенем.

«Не было ли это предзнаменованием надвигающегося бедствия? Об этом следовало подумать раньше, а какой смысл говорить сейчас?» — горестно сетовали впоследствии некоторые жители Арутаки. Однако что изменилось бы, если бы катастрофу предвидели заранее? Разве могли бы люди сделать больше того, что они сделали для спасения жизни своей и близких, когда на атолл обрушились волны? Ко всему пережитому лишь добавился бы смертельный ужас ожидания.

* * *

В тот вечер жители Арутаки услышали отдаленный, постепенно нараставший гул. Большинство людей ужинало. Некоторые уже спали, но грозные, неумолимо приближавшиеся звуки разбудили их. Все вышли из хижин — посмотреть на небо и на море. Вдруг земля задрожала под ногами и раздался такой грохот, будто атолл раскололся. Вода в проливе внезапно поднялась и затопила хижины на берегу. Дети и женщины закричали. Волна унесла несколько человек, но их всех, даже детей, удалось спасти, так как вал поднялся лишь по бедру мужчине и сразу отхлынул. Вещи внутри хижин были разбиты или повреждены. Старики принялись молиться, опустившись на колени среди обломков кораллов. «Пришел конец света! Вверим наши души господу!» — зывали некоторые.

Фареуа, как только ему удалось подняться, велел

всем взять веревки, укрыться вдали от пролива в кокосовой роще и накрепко привязаться как можно выше к стволам наиболее крепких пальм. Молодые пусть позаботятся о стариках и младших братьях и сестрах. Кое-кто заколебался. Фареуа приказал силой заставить их повиноваться. Одни считали, что опасность миновала: «Зачем лезть на кокосовые пальмы?» Другие говорили, что лучше спрятаться от моря в церкви или в деревянных домах, но Фареуа кричал, что вода смое строения. Вот ведь в Анаа церковь обрушилась на верующих. Возцарилась странная, тревожная тишина. Несмотря на увещевания вождя, двое стариков направились в церковь. «Пойдемте с нами», — позвал их Фареуа. Старики покачали головами: «Мы слишком стары, нам не взобраться на пальмы. Если суждено умереть, лучше уж умереть в церкви».

Все остальные собрались в кокосовой роще. Снова слышался нараставший гул, еще более грозный, чем в первый раз. Люди бросились к пальмам. Казалось, все море обрушилось на атолл, чтобы поглотить его.

Попытки сказать что-либо друг другу были бесполезны. Страшный рев моря заглушал все звуки. Новая волна, высотой с человеческий рост, затопила весь атолл. Она с корнем вырвала несколько кокосовых пальм и, отступая, увлекла их за собой. Воды лагуны, приведенные в движение морским шквалом, вышли из берегов и с противоположной стороны хлынули на атолл.

Только утром подсчитали потери: двенадцать взрослых и шестеро маленьких детей. Два человека позднее умерли от ран.

Среди десятка пострадавших двое или трое были тяжело ранены. В деревне остались лишь цистерны, наполнившиеся морской водой, да развалины церкви и деревянных домов. Половину пристани и все лодки унесло. От навеса для копры уцелели только исковерканные балки. Волна повалила тысячи кокосовых пальм. Вот что за несколько минут сделало море с Арутаки.

* * *

Перед второй волной Матаоа сказал Моеате:
— Возьми Эимату, а я возьму Моеа.

Ириа он велел:

— Лезь на пальму, привяжись как следует и сиди спокойно.

Потом он помог забраться на пальму родителям, протянув им сверху руку, и бегом вернулся к Моеате. Ириа помог матери вскарабкаться на дерево и держал маленькую сестру на руках. Матаоа взял у него ребенка и передал жене, которая успела привязать себя к пальме веревкой.

— Поторопись, — приказал он Ириа.

Сам он взобрался на соседнюю пальму и, привязавшись за пояс к стволу, бросил конец веревки Моеа и поднял ее к себе.

— Не бойся, папа здесь, с тобой, — успокаивал он дочь. Затем пропустил веревку ей под мышки и крепко привязал девочку к дереву.

— Обними меня за шею и меняй руки, если устанешь.

Он почувствовал, как рука дочери обвилась вокруг его шеи, и прижал к себе хрупкое дрожащее тельце.

— Не бойся, моя маленькая Моеа, — шептал он ей на ухо, — не бойся, все будет хорошо.

— Ты удержишься? — крикнул он Моеате. Ответ потерялся в грохоте моря. Затем наступил кошмар.

* * *

Может, Мато и Техина слишком крепко затянули узел веревки и не смогли ее развязать. Или их сковал ужас? Оба они утонули. Их нашли далеко в море привязанными к вырванному с корнем стволу кокосовой пальмы. Так или иначе, они все равно погибли бы, так как дерево не устояло. Смерть, очевидно, была мгновенной, они не мучились.

Как ни велико было горе Матаоа, потерявшего родителей, он все же поблагодарил бога за то, что тот сохранил его жену и детей. Вот что значит судьба! В самый страшный момент они все находились в двадцати метрах друг от друга. Из четырех пальм одного возраста и почти одинакового размера не выдержала только та, на которой сидели старики. Было ли особое предопределение в том, что молодые выжили, а старые заплатили дань смерти?

Но уже другие беды подстерегали Матаоа и заставляли отвлекаться от мыслей о постигшем семью горе. Заболе-

ла Эимата. Дыхание с хрипом вырывалось из груди девочки. Одеяло, в которое она была завернута во время подземного толчка, не спасло ее от простуды. В ней поселилась тяжелая болезнь. Моеа тоже была нездорова. Но ее заболевание носило иной характер. Казалось, она потеряла рассудок.

Кроме Мато и Техины погибли Фареуа, Туке, старая Тоуна, Ли Мин, его жена, Нахеу с женой Мэрэ и двое стариков в церкви.

На следующий день, во второй половине дня, взглянув на море, люди подумали, что видят сон. К атоллу приближалось судно. Его вид вывел людей из оцепенения, перед ними забрезжила надежда. Нужно быть очень мужественными людьми, чтобы выйти в такое бурное море! Матаоа узнал военное судно, которое он видел в Папеете. На Арутаки пришла помощь!

Уцелевшие жители атолла плакали, преисполненные волнения и благодарности, когда в пролив, издавая громкие гудки, вошел большой серый корабль. От него отделился вельбот с людьми, среди которых был губернатор Туамоту. Он прыгнул прямо в воду еще до того, как вельбот пристал к берегу. Некоторые туамотуанцы упали на колени и поднялись лишь тогда, когда матросы и чиновники взяли их под руки. Глаза последним застилали слезы, они смотрели на разрушенную деревню с такой печалью, как если бы несчастье случилось на их родине. Узнав, что Фареуа погиб, губернатор спросил, кто теперь вождь. Все взгляды обратились к Матаоа.

Губернатор сказал ему:

— Ты — вождь. Вот что мы сделаем: врач осмотрит раненых и больных. Тяжелораненые будут отправлены на судне в Папеете, остальных поручат заботам фельдшера. Мы оставим десять матросов со всем необходимым, судно же через два часа уйдет. Нам надо как можно быстрее добраться до Марутеа. Несомненно, цунами произвел там такое же опустошение, как и здесь.

Врач нашел Эимату тяжело больной, но заверил Матаоа и Моеату, что девочка выздоровеет. Однако ее нужно было везти в Папеете. Врач согласился, чтобы Моеата поехала вместе с дочерью. Спустя два месяца Моеата вернулась на Арутаки. Эимата была совершенно здорова.

КНИГА ПЯТАЯ

Глава шестнадцатая

КОНЕЦ АРУТАКИ

— Что не удалось сделать с людьми Арутаки акулам за двадцать лет, эти машины сделают за один месяц! — предсказал Тао при виде мопедов перед магазином Ах Сина, сверкавших на солнце.

Еще до прибытия «Ваинианиоре» Тао, узнав, что несколько парней с Арутаки заказали Ах Сину эти машины, разразился проклятиями в адрес будущих владельцев машин и китайца. Он уверял, что эта затея кончится плохо.

— Подумать только! Эти поино получили в дар от бога ноги, чтобы ходить, а теперь собираются вогнать их в живот, словно плавники у черепахи! Когда они разобьют себе головы на этих моторах, все увидят, что они у них пустые, как сухие кокосовые орехи! Я вас спрашиваю: что нужно настоящему туамотуанцу, кроме остроги и лодки? Только китаец может радоваться этим машинам, потому что продает их по цене больше стоимости хижины для целой семьи.

Уже четыре года (и год после цунами), как Ах Син, второй сын Ли Мина, стал владельцем магазина своего отца. Он приехал на Арутаки с молодой красивой женой, наполовину китайяной, наполовину таитяной. Такой нарядной женщины в деревне еще не видели. Ах Син уладил все формальности с вождем Матаоа и с советом семи и объявил жителям, что построит новый магазин, еще красивей прежнего, и не будет товара, который покупатели не смогут найти на его полках. Ах Син сдержал слово. Спустя несколько месяцев на месте старого вырос новый магазин, освещавшийся электричеством — его да-

вал генератор, — изобиловавший самыми разнообразными товарами.

Многие, в том числе и Матаоа, были очень довольны, но некоторые относились к новому торговцу и его защитникам неодобрительно. Не затуманят ли молодым людям головы новые вещи, выставленные в витринах магазина Ах Сина? Удовлетворит ли их жизнь на острове? Захотят ли они теперь идти дорогой своих отцов или не устоят перед соблазном и подчинят свою жизнь стремлению приобрести блага, которыми их искушал китайский торговец? Нетерпимее всех относился к китайцу Тао.

— Вот увидите, — не уставал твердить он, — этот Ах Син заберет все, что у нас есть, а потом уедет.

Большинство населения Арутаки считали, что Тао преувеличивает опасность. Были и такие, которые утвердительно кивали головами, слушая его речи, хотя не совсем понимали, как один Ах Син сможет присвоить все кокосовые пальмы, все раковины, всех рыб...

С возрастом дядя Матаоа (как Моссиу в свое время) стал религиозным человеком. Но Моссиу, человек мягкий и добрый, почти всегда был погружен в размышления и молитвы. Если же ему приходилось кому-нибудь возражать, то он делал это осторожно, деликатно, ссылаясь на священное писание.

Что касается Тао, то он присвоил себе право говорить от имени бога и толковать ему одному известные приметы, якобы выражающие божью волю. Будучи членом совета семи, он зачастую брал слово, прежде чем наступала его очередь, нередко прерывал оратора и ошарашивал собеседников своим безапелляционным тоном, горячностью и неуравновешенностью. Он клялся именем бога по любому поводу, даже самому незначительному, что совершенно выводило из себя Матаоа, который не раз с трудом удерживался, чтобы не одернуть своего дядю перед всем советом и не призвать его к порядку. Даже вне совета, в частных беседах, Тао всегда старался перевести разговор на проблемы общественной жизни, всячески пытаясь оказать влияние на своего племянника. Конечно, Тао был братом его покойного отца, но родство не давало ему права так вести себя. Кто, в конце концов, вождь — он или Тао? Что за скверная привычка ко всему приплетать имя бога, смешивая земное с небесным! Разве дело ссылаться на господа бога при погрузке цемента

или постройке цистерны? Может, его дядя считает это проявлением наивысшей мудрости? Для чего же в таком случае строят церковь и часовни? Для того же, что кухню и сушильню для копры?

Однако Тао, безусловно, пользовался влиянием, и Матаоа не отваживался открыто выступить против него. Это неизбежно вызвало бы конфликт, так как Тао не терпел противоречий.

В тот вечер Матаоа вернулся с собрания совета семи взбешенный.

— Этот Тао — фиу, настоящий фиу! — метал он гром и молнии за семейным столом.

Моеата молча пододвигала ему тарелки, зная, что гнев Матаоа скоро утихнет. Она хорошо изучила мужа. Не в его привычках было уклоняться от решения какого бы то ни было вопроса, но как вести себя с Тао, он не знал. В этом и крылась причина его гнева. Что же делать? Она и Матаоа много раз мысленно возвращались к разительной перемене, происшедшей с их родственником на следующий день после цунами. Картина катастрофы запечатлелась в их памяти настолько четко, как если бы произошла в прошлом месяце. Разве можно забыть, при каких обстоятельствах изменился Тао?

На кладбище, во время похорон жертв цунами, когда все печально стояли перед свежими могилами, он вдруг отошел в сторону и необычным голосом возвестил, что оставшимся в живых грозят еще худшие беды, если они не повинуются велениям бога.

— Внимание! Внимание! — кричал он. — Наши глаза должны открыться! Мы лишь грязь и прах! Мы забыли бога, но бог не забыл нас! Все мы должны обратиться к нему, не то мы все будем уничтожены. Грядет Апокалипсис!

Речь Тао произвела на всех жуткое впечатление, хотя, надо сказать, Тао был похож на безумца. Его слова объясняли случившееся, и каждый стал чувствовать себя виновным в смерти близких, но потом сознание людей прояснилось. Думали, что Тао просто лишился разума, как это случилось с моки во время землетрясения в Анаа. Но нет! Тут было нечто совсем иное. Кара господня внес-

ла озарение в его душу, бог выделил его среди других, сделал своим избранником.

Матаоа, хоть и был вождем, не мог не считаться с этими обстоятельствами. Но следовало ли тем не менее допускать, чтобы Тао по любому поводу угрожал совету семи и ему самому божьими карами? Не далее как сегодня, например, он объявил себя единственным защитником старинных традиций и призывал проклятия на головы тех, кто, по его мнению, навязывал туамотуанцам чуждый им образ жизни. А сколько гневных слов произнес он по адресу тех, кто, несмотря на его предупреждения, все-таки покупал подвесные моторы к лодкам!

— Значит, — сказал Матаоа, — быстрее двигаться по воде и перевозить больше мешков с копррой, затрачивая для этого меньше усилий, — по-твоему, не благо?

— Благо?! — закричал Тао. — Это же конец туамотуанцам!

Матаоа пожал плечами и вышел. Какой смысл без конца спорить с этим старым человеком, тем более что совет закончился. Однако было в словах Тао что-то, к чему Матаоа не мог оставаться безразличным.

Немало людей кроме его дяди неодобрительно относились к последним новшествам, нарушавшим традиционный уклад жизни туамотуанцев. Правда, они выражали свое мнение более сдержанно, чем Тао.

— Разве ветер покинул лагуну и больше не надувает паруса на лодках? Разве руки людей Арутаки так ослабли, что способны лишь запустить мотор? Иногда кажется, что нынешним молодым людям нужен один мотор, чтобы ловить рыбу, и другой — чтобы подносить ее ко рту. Не требуется ли им еще один мотор, чтобы делать детей?

Так говорили пожилые люди, заслуживающие того, чтобы к их словам относились с уважением. Но уважение уважением, а жизнь не может стоять на месте. Не потому ли старики не приемлют нововведений, что их земное существование близится к концу? Разве новое не знаменует начало иной жизни? Старые люди поневоле думают, что их время истекает. Многие из них спокойно ждут приближения конца, не испытывая ни горечи, ни печали, но большинство восстает против всего, что предвещает их исчезновение с лица земли. Они боятся смерти — в этом все дело. Но что может быть бессмысленнее страха

перед смертью, которая в конце концов неумолимо поражает каждого живущего!

Тут у Матаоа не оставалось никаких сомнений: нужно научиться, наконец, смотреть на вещи реально. Не будь в Папэте военного корабля, оснащенного мощным двигателем, никто не пришел бы на помощь населению атолла после цунами, когда море еще бушевало. А Эимата? Местные знахари не смогли бы с помощью традиционных средств спасти девочку, когда ее тельце, казалось, было готово для проба. Попаа воскресили ее, она вновь стала живым, красивым ребенком, приносящим радость и смех в их дом.

Не только Эимата, десятки других людей, мужчин и женщин, получили в то время от попаа лекарства и питание, без которых не выжили бы. Да и старики, тоскующие по временам своей молодости, давно бы умерли от ран и лишений на опустошенном цунами атолле, если бы не изобретения белых, на которые они так сетуют.

Вероятно, Тао узнал, что Матаоа заказал Ах Сину материал для строительства большого катера и мотор, превосходящий по величине те, что уже оглашали своим треском воды лагуны.

Может, Тао захочет помешать этому? Но разве во власти Тао запретить строить катер? При мысли о катере, идущем на полной скорости, и пенящейся струе за его кормой Матаоа забыл о Тао и других стариках, которым только смерть помешает ворчать и критиковать новые порядки.

Жанна

— Я спрошу у папы, согласен ли он, — уступила Моеата.

— Ты обещаешь? — настаивала Моеа.

— Я сказала, что спрошу, хватит с тебя этого? Сбегай к Ах Сину за стиральным порошком.

Моеа помедлила мгновенье:

— А жевательную резинку?

— Опять? Разве у тебя больше нет?

— Уже кончилась.

— Только жевательной резинки нам не хватает!
Возьми один пакетик.

У Моеа заблестели глаза, и она пустилась бежать со всех ног.

«Совсем еще ребенок в некоторых отношениях, но какой красивой девушкой она обещает стать вскоре! У нее развивается грудь, с каждым месяцем Моеа становится иной. Вокруг нее вертится много парней, да и мужчины поглядывают на девочку. Нужно быть настороже». Мысли Моеаты вернулись к просьбе Моеа... Теперь она не хочет больше называться Моеа и просит, чтобы ей разрешили взять имя Жанна. Почему Жанна? Потому что Жанна освободила свою страну от захватчиков. Чем же ее отблагодарили?

Ее сожгли заживо! Затем выяснилось, что она святая. Бедная Жанна! Может, на небе она обрела счастье? Из всего рассказанного наставником Фаруа в школе больше всего Моеа нравилась история этой девушки.

Жанна... Жанна... Нелегко будет привыкнуть к этому новому имени, несомненно менее красивому, чем Моеа, но, в конце концов, ведь это имя святой! Другие девочки тоже хотели сменить имя. Виктуар, Мартин, Аделаид — все равно какое, лишь бы имя поаа! Она переговорит для порядка с Матаоа, хотя знает заранее, что он скажет. Матаоа благосклонно относился ко всему, что могло сблизить туамотуанцев с фарани. Он будет доволен, что его старшая дочь возьмет столь почетное имя. Что же касается Моеаты, то она испытывала смутную печаль. Дочь становилась взрослой и проявляла стремление к независимости. Примерно то же чувство охватило ее, когда Моеа, гордая и смущенная, отвела ее в сторону и прошептала, что у нее наступили первые месячные. После этого что-то изменилось в отношениях между матерью и дочерью. Моеата вдруг ощутила бремя лет, старость была уже не за горами. Вот и Матаоа все больше относился к ней лишь как к матери его детей. Мысли Моеаты обратились к Ириа. В глубине души она любила его больше других детей. Это тайное предпочтение, в котором она не признавалась даже самой себе, несомненно, объяснялось тем, что он был зачат во время тапуни, еще до того, как родители дали согласие на брак Моеаты с Матаоа. Никогда потом объятия супруга не доставляли Моеате больше радости, чем в то время, когда они не были даже женихом и невестой.

В этом отношении, безусловно, правы женщины, кото-

рые без стеснения откровенно говорят о любви. В тауни грех придавал их любви особый аромат, с браком и пресыщением он исчез. Но все это уже в прошлом, а сейчас ей важно узнать, что намерен делать Ириа. Но как это выяснить при его скрытном характере? Ириа обладал счастливой способностью ловко ускользать от вопросов, причем рассердиться и заставить его отвечать было невозможно. Останется ли он на Арутаки? Моеата сомневалась в этом и со страхом ждала момента, когда сын покинет атолл. Вернется ли он обратно? Когда она поделилась своими опасениями с мужем, Матаоа лишь пожал плечами. Чем Ириа плохо дома, чего ему не хватает? Он женится на красивой девушке, они родят Моеате и Матаоа внуков, а Ириа в конце концов станет вождем или по крайней мере членом совета. Но Моеата была уверена, что Матаоа заблуждается. Ириа не любил нырять, не интересовался сбором копры, был равнодушен к жизни атолла.

Зато его неодолимо тянуло к радиоприемникам, холодильникам и больше всего к моторам. Как-то раз он, наблюдая за тем, как разбирали подвесной мотор, обнаружил в нем причину неисправности, хотя никто никогда его этому не учил. Он умел обыкновенным гвоздем заменить испорченную деталь. Моеата чувствовала, что так же, как душа Моеа менялась по мере того, как менялось ее тело и Моеа превращалась из ребенка в женщину, душа Ириа стремилась вырваться из ограниченного мира Арутаки в сказочный мир поаа. Он еще не решался признаться, что не намерен оставаться на атолле, но придет день, он сядет на судно и не вернется обратно.

Проект рыбьего садка

Ах Син выбрал неудачный момент для разговора с Матаоа. Тот был недоволен китайцем: Ах Син заказал по просьбе Тотай точно такой же мотор для катера, какой выбрал Матаоа. Оба мотора доставит на Арутаки «Ваинианиоре» в свой следующий рейс.

Недавно Тотай заявил во всеуслышание, что катер, который он строит, превзойдет катер вождя по быстротходности и устойчивости, что у него лучше конструкция и мощный двигатель, благодаря которому он будет лететь

по воде, как птица. Несомненно, Ах Син как владелец магазина заинтересован продать как можно больше товаров, но в данном случае он поступил бы правильнее, посоветовав Тотаи купить мотор меньшей мощности или другой модели, тоже неизвестной на Арутаки. Выходит, для Ах Сина вождь атолла ничего не значит! Особенно расстроило Матаоа то обстоятельство, что в данном случае был замешан Тотаи. Прodelка с мотором была как раз в его духе. Тотаи никак не мог примириться с тем, что вождем Арутаки стал не он, а Матаоа. По его мнению, это получилось случайно, из-за неразберихи после цунами.

Он и тогда выступал против передачи должности вождя Матаоа, ибо, по его словам, в силу особого стечения обстоятельств люди не отдавали себе отчета в том, что делали. Позже, когда волнение улеглось, следовало с большим хладнокровием изучить этот вопрос. Но никто не обратил внимания на его слова, запомнил их лишь Матаоа. Действительно, не выборы, а исключительные обстоятельства сделали его вождем. Но Моеата не раз успокаивала мужа, рассказывая ему, как люди Арутаки реагировали на слова Тотаи. Несомненно, Матаоа был выдвинут стихийно, в трагический момент, но ведь именно в такие моменты рассудок становится особенно ясным. У Матаоа были все основания занять место вождя — его выдвинули по велению не только разума, но и сердца.

Но Тотаи никак не мог смириться с тем, что его обошли и предпочли поставить на столь высокое место менее достойного, по его мнению, человека. Хотя Тотаи занимал видное положение среди членов совета семи, оно его не удовлетворяло. Он представлял оппозицию, которая всегда должна существовать внутри совета. Кроме Тотаи с особым мнением неизменно выступал Тао, считавший себя рупором господ бога. Но если к его мрачным пророчествам все относились с опаской, то к возражениям Тотаи прислушивались с интересом.

К сожалению, Тотаи под предлогом обсуждения дел атолла часто пытался свести личные счеты с Матаоа и забывал о высокой миссии совета семи. В таких случаях большая часть членов совета поднималась и покидала собрание. Однажды Тотаи и Матаоа остались одни, лицом к лицу, после того как Тотаи в очередной раз нарушил порядок работы совета. Матаоа сказал:

— Глупо, наконец, слушать всегда, как ты выступаешь против меня, и не только по важным вопросам. Чего ты хочешь? Спровоцировать меня на драку? Пожалуйста, я готов драться.

— Нет, я не хочу тебя провоцировать.

Тотаи говорил добрым, спокойным голосом, он не боялся. Матаоа, готовый за минуту до этого драться, уже стыдился своего намерения. Он почувствовал, как его глаза увлажнились. Он знал Тотаи с детских лет. Тот был груб и высокомерен при людях, но становился совсем другим, когда кругом не было посторонних. Они молча смотрели друг на друга, потом вышли из хижины и разошлись в разные стороны.

Вот чем была занята голова Матаоа, пока Ах Син излагал ему свои мысли. Поэтому, когда китаец поднялся, собираясь уйти, он не знал, что сказать. Между тем нужно было что-то ответить, потому что Ах Син заключил свою речь такими словами:

— Твоя хорошо подумать о том, что моя тебе говорить, потому что дело хорошее для тебя и для меня, для обоих одинаково. Когда твоя говорить мне, полностью ли твоя согласен?

Чтобы выиграть время, Матаоа сделал вид, будто раздумывает. Его снова поразила эта особенность, присущая всем китайцам, которых он знал: их мысли всецело обращены к торговле. Он спросил себя: «Думает ли Ах Син о чем-нибудь, кроме дел и денег? И что за тарабарщина сходит с его языка! Подумать только, Ах Син большую часть детства провел на Арутаки и уже пять лет снова живет на атолле. Научится ли он в конце концов как следует говорить на языке туамотуанцев? Но что же все-таки он сказал?» Матаоа мог притвориться, что понял, в чем дело, и даст ответ позже. А потом сможет сказать, что забыл, о чем шла речь, и попросит Ах Сина напомнить суть разговора. Но в Матаоа разгорелось любопытство. Ах Син не был поино: если он пришел просить у него разрешения или согласия — значит, дело того стоит. Он не удержался и спросил:

— Согласен на что?

Ах Син уставился на Матаоа. Ему показалось, что вождь плохо его слушал. Что поймешь у этих туамотуанцев, на лицах которых отражаются лишь самые низменные эмоции! Важно было теперь не задеть гордость вож-

дя и не дать ему понять, что его промах замечен.

— Моя понимает: моя очень плохо объяснять тебе. Твоя послушать еще раз.

Ах Син повторил все сначала. На рынке Папезте рыба очень дорогая и бывает редко. Спрос значительно превосходит предложение. На Арутаки, наоборот, рыбы хоть отбавляй, только лови, не ленись. Так почему бы пойманную на Арутаки рыбу не отправлять на Таити? Как это сделать? Очень просто. Матаоа, наверное, слышал о садках, которые в прежние времена туамогуанцы ставили у конца пролива. В них, по словам стариков, набивалось столько рыб всяких пород, что их тысячами выпускали обратно в море. Этот давно забытый способ ловли рыбы можно восстановить, предварительно его модернизовав. Садок следует соорудить не из простых сетей — через них крупные рыбы легко проскакивают — а из оцинкованной проволоочной сетки. Самое подходящее место для такого садка — выступ берега при входе в пролив, как раз на территории владений Матаоа.

Матаоа посмотрел на пролив. Его увлекла идея Ах Сина, он уже видел в своем воображении садок, переполненный рыбой. Каждое утро его будет ждать какой-нибудь сюрприз. Ах Син говорил правду. Матаоа помнит, как его дед Моссиу рассказывал о садках, придуманных предками в ту пору, когда проливать кровь рыбы в ее родной стихии считалось не только грехом, но и тяжким преступлением. Рыба попадала в эти огромные западни, откуда ее осторожно извлекали и складывали на берегу. Там ей давали умереть естественной смертью. В садках, по словам стариков, скапливалось неслыханное количество рыб. Иногда трудно было поверить тому, что рассказывал Моссиу. Паихере набивались в ловушку в таком количестве, что не могли пошевелиться и сливались как бы в одну рыбу! Иногда в садке вместе с косяком оказывалась полузадушенная акула. Она начинала так биться, что в конце концов разрывала садок, как спелую папайю. На Арутаки сохранились лишь воспоминания об этих ловушках, но на других атоллах еще уцелели остатки грандиозных сооружений, по которым легко было восстановить их первоначальную конструкцию.

Ах Син заключил:

— Моя представить тебе весь материал для строить большой садок, достаточно крепкий, и всегда покупать

у твоя рыбу по двадцать франков пакет. Моя фрактовать судно и платить газолин, матросов, страховку, лед хранить рыбу. Твоя не заботится о судне, только брать много рыбы. Я всегда купить ее у тебя, когда приходит судно. Сто пакетов — две тысячи франков. Тысяча пакетов — двадцать тысяч франков. Если судно немного запоздать или однажды не приходит, ты оставлять рыбу в садке или, если рыбы много, ты сушить и солить ее, а я опять покупать и платить двадцать франков кило.

Матаоа с восхищением смотрел на китайца. Он не поино! К такому человеку можно питать уважение, хотя он и принадлежит к расе, совсем не похожей на туамотуанцев.

Несомненно, Ах Син думал лишь о деньгах, но он никого не обворовывал. Впрочем, кто заменил бы его, как не другой китаец? Жители атолла еще помнили историю с кооперативом во времена Амбруаза, которая кончилась тем, что отец Ах Сина выкупил жалкие остатки товаров после того, как предприятие лопнуло. Чтобы торговать и вести счета, нужна голова китайца, а не туамотуанца. Ребенком Ах Син был непревзойденным игроком в перероно. Матаоа вспомнил мальчика, сидевшего на корточках напротив Тотай. У последнего был раздосадованный вид: Ах Син выиграл десять раз подряд, прежде чем Тотай понял, как это ему удается.

Матаоа расхохотался. К кому Ах Син пришел с предложением построить садок и заключить соглашение на продажу рыбы? К нему, к Матаоа, и не только потому, что он был вождем, но и потому, что его участок на берегу пролива был самым подходящим для этой цели! Пусть Тотай, живущий на другом конце деревни, который выходит к внутренней части лагуны, попробует тоже построить такой садок, тогда они посмотрят, кто поймает больше рыбы.

Не понимая причины веселости вождя, Ах Син стоял несколько озадаченный. Не смеется ли вождь над его предложением? Может, ему показалось странным, что мысль возродить старинный способ рыбной ловли, практиковавшийся туамотуанцами, пришла в голову китайцу, и он счел его просьбу неуместной? Да и понял ли его Матаоа? Но последний рассеял его опасения.

— Зачем ждать! — воскликнул он. — Я согласен. Заказывай сетку для большого садка.

Один мужчина убит, двое ранены, одна девушка изувечена

О чем могли говорить в такой момент, если не о предсказаниях Тао относительно мопедов? Спору нет, подобные случаи наводят на размышления!

— Он сказал: «За один месяц», — подчеркнул Тотаи, обычно не придававший значения пророчествам Тао. Но и он не мог скрыть впечатления, произведенного на него несчастными случаями, имевшими место на Арутаки за последние четыре месяца. Вождь ничего не сказал и лишь пожал плечами. Но в деревне хорошо знали Матаоа и по лицу его прочли, что он также был поражен тем, что пророчества Тао сбываются.

Против этого нельзя было возражать. В конце концов, месяц или четыре месяца — какая разница. Важно лишь, что за этот короткий срок машины принесли населению атолла больше зла, чем акулы на протяжении целого поколения. За все это время от столкновений с ними пострададо всего три человека, сильнее всех Теурунуи, тот самый, которого убил старик после того, как он разможил голову своей жене. Мопеды же стали настоящим бедствием. Владельцы их, особенно парни и девушки, пользовались машинами для самых незначительных расстояний. Для молодых людей стало развлечением мчаться на предельной скорости. Как дьяволы, носились они по дороге с победоносным видом, положив ноги на руль. Но дорога по берегу лагуны, протоптанная многими поколениями, не была приспособлена для езды на машинах.

Пито, девушка шестнадцати лет, на ходу повернула голову в сторону деревни: быть может, ей хотелось, чтобы подруга Тера увидела ее на новой красивой машине. В ту же минуту она врезалась в коралловый утес и вскрикнула от боли: она сломала себе бедро и вывихнула руку.

Туо, парень восемнадцати лет, посадил на багажник своего сверстника Питои, который держал в руках ружья для подводной охоты. Они помчались в конец деревни, но машина вильнула, Питои выронил ружья, они попали в спицы заднего колеса — и мопед перевернулся. Туо был сильно изранен, а Питои сломал плечо.

Итиа, мужчину тридцати лет, нашли утром у его ма-

шины мертвым, с раскроенной головой. Судя по следам шин и положению тела, Итиа на всем ходу ударился о кривой ствол пальмы, склонившийся над дорогой. Тело было еще теплым, когда его обнаружили. Как произошло несчастье? Очень просто. Итиа ехал ночью к женщине, имя которой лучше не называть. По дороге туда он соблюдал осторожность и нагнул голову, но на обратном пути — забыл.

Следовательно, за короткий срок один мужчина был убит, двое ранены, одна девушка стала калекой. А Туо, едва оправившись от падения, в то же самое утро чудом объехал на дороге ребенка и упал еще раз! Ну и времена наступили! Нельзя даже выпустить из дому ребенка, чтобы он поиграл перед хижинкой!

Ну и Ах Син!

Кто бы подумал такое об Ах Сине? Избивать свою жену! Избивать до крови! Может, вы думаете, что вид крови испугал Ах Сина? Ничуть не бывало. Наоборот, он набросился на нее с еще большей яростью, так что нескольким мужчинам, в нерешительности топтавшимся на пороге, пришлось вмешаться. Лишь троем здоровым парням удалось справиться с Ах Сином, который был похож в эту минуту на дьявола и смотрел на жену такими глазами, что становилось страшно.

Если верить Тематаи, единственной жительнице Арутаки, находившейся в магазине в момент ссоры, то во всем была виновата сама Лиа, жена Ах Сина.

Она, Тематаи, спросила стирального порошка у Лии, которая сидела у прилавка и шила. Быть может, Лиа не слышала, во всяком случае, она продолжала шить, не поднимая головы от работы. Тематаи почувствовала себя немного неловко и не решилась побеспокоить Лию еще раз. Но Ах Син, наклеивавший в это время этикетки на консервные банки, слышал просьбу Тематаи и велел Лие обслужить ее.

Вы думаете, Лиа послушалась его? Ничего подобного. Она продолжала шить, как будто муж обращался не к ней, а к кому-нибудь другому. Ах Син повторил свое приказание. Наконец, Лиа подняла глаза и презрительно взглянула на мужа, как бы говоря всем своим видом:

«Иди сам, я тебе не служанка». Тогда Ах Син сделал строгое лицо и обратился к Лие на своем смешном китайском языке. Что же сделала женщина? Она со злостью отбросила шитье, поднялась, пошла за прилавок и сбросила на пол целую пирамиду коробок и банок. Одна банка разбилась, осколки стекла посыпались на товар, а Лиа начала кричать на Ах Сина уже не на китайском языке, а на таитянском, употребляя выражения, какие не стерпит ни один уважающий себя мужчина. Ах Син лишь гневно посмотрел на коробки и разбитую банку и, по-видимому, — так поняла Тематаи — приказал Лие быстро все подобрать. В ответ она осыпала его новыми оскорблениями. Тогда он пошел в заднее помещение магазина, отломил от метлы ручку и направился к Лие. Самоуверенная молодая женщина приняла вызывающий вид, она — как поняла после первого удара Тематаи — никак не предполагала, что Ах Син осмелится поднять на нее руку. Ошеломленная, она схватилась за плечо, на которое пришелся удар, но ей уже нужно было защищать лицо и изворачиваться от палки, которой муж действовал без остановки. К счастью, крики Лии привлекли соседей, которые помешали Ах Сину наказать свою жену тяжелее, чем она того заслуживала.

После того как вымыли довольно сильно обезображенное лицо Лии, Ах Син сказал:

— Хватит с ней возиться!

И обратился к своей супруге на языке туамотуанцев, чтобы все присутствующие поняли его:

— Твоя быстро собрать все, что сбросить. О себе заботиться потом. Если не сделать все сейчас, твоя собирать вещи, уехать и больше никогда не вернуться.

Ай да Ах Син!

Надо думать, у Лии были все основания считать, что Ах Син говорит серьезно. Хотя кровь продолжала течь по ее лицу, она поднялась и без единого слова повиновалась. Бедная Лиа, однако! Несколько женщин сжалились над ней, но Ах Син не разрешил помочь жене. Хотел вмешаться вождь Матаоа, но Ах Син ему сказал:

— Ты распоряжаться как вождь на Арутаки, я распоряжаться в мой магазин!

Он произнес это совершенно спокойно, и разве он был неправ? Матаоа замолчал, и Лиа собрала все до последнего осколка. Только тогда Ах Син позволил увести ее и

оказать ей первую помощь. Но этим не исчерпывались сюрпризы, преподнесенные в тот день Ах Сином присутствующим. Нужно было видеть все собственными глазами, чтобы поверить в это. Китаец снова как ни в чем ни бывало расплылся в улыбке и стал спрашивать у людей, находившихся в магазине, чего они желают! Тепора, к которой он обратился первой, настолько растерялась, что после минутного колебания показала на зеркало:

— Я разбила зеркало, которое купила вчера, и хочу взять такое же.

По правде сказать, хотя Ах Син несколько переборщил, Лиа получила по заслугам. Она никогда не проявляла ни малейшего усердия в обслуживании покупателей. Хорошо ли это? Разве не была она женой торговца? Видимо, ей не нравилось на Арутаки, ее тянуло обратно на Таити, но ведь это не давало ей повода с презрением относиться к туамотуанцам, посещавшим магазин. Все вспомнили теперь, что она не первый раз притворялась, будто не слышит просьб покупателей. Только раньше Ах Син молча вставал за прилавок и обслуживал людей, не говоря жене ни слова упрека, во всяком случае при посторонних. Лиа злоупотребила его терпением, вот и все.

Станет ли она теперь более покорной и любезной? На сей раз Ах Син поступил как настоящий туамотуанец. Хотя, сказать по правде, будь мужчина китаец, туамотуанец или поаа, у него нет иного способа воздействовать на жену, когда она начинает отбиваться от рук. Немного терпения — это хорошо, но слишком — уже плохо, потому что супруга думает, что муж ее слаб, и начинает его презирать.

Два катера

Как только Тотаи и Пунуа Старший пришли, совет семи в полном составе расположился на скамейке перед домом Матаоа. Был красивый мягкий вечер. Луна светила так ярко, что даже на площадке под ветвями тоу не было необходимости зажигать моригаз. По проливу скользили серебристые блики.

Матаоа любил, когда совещания совета происходили возле его дома, в котором он прожил столько лет. Сейчас в хижине, где он родился, за столом сидела Моеата

и шила новый тифефе, а рядом Моеа старательно готовила уроки. С этим местом на берегу пролива, где его предки решили построить себе жилище, у Матаоа были связаны самые интимные воспоминания детства и юности.

Он стал вождем атолла, председателем совета семи. Совет собирался здесь, когда ему предстояло решать не особенно важные дела. По более серьезным поводам они совещались в специально построенной для этой цели хижине, за стены которой не проникали любопытные взоры, звуки детского плача, собачий лай...

Открывая заседание, Матаоа произнес обычные приветственные фразы. Ему не терпелось сказать о том, что занимало его мысли, но сначала нужно было обсудить несколько общих вопросов. Их скопилось не так уж много, ибо главный вопрос — об установке рации — в принципе был уже решен. Поэтому Матаоа постарался поскорее перейти к делу, столь сильно волновавшему его в эту минуту, — пуску катера. Для этого торжественного дня он получил из Папеэте коробку с сотней трехцветных флажков, которыми будет украшена пристань в момент отхода катера от берега, и приготовил пять ящичков соку. Моеата попросила трех соседок помочь ей делать пирожные.

— В субботу утром я спускаю свой катер, — с гордостью сказал он. — Приглашаю всех.

Пять членов совета семи уже улыбались, готовые поздравить Матаоа, но их внимание отвлек Пунуа, который подтолкнул локтем своего соседа Тотай.

— В субботу? — переспросил Тотай таким тоном, будто Матаоа сказал нечто очень смешное.

— В субботу, в восемь часов утра.

— Так вот, как раз в субботу утром я тоже спускаю свой катер.

Наступило молчание.

— Как это — в субботу? — проговорил наконец Матаоа изменившимся голосом.

— Очень просто, в субботу. Не в понедельник и не во вторник, а в субботу.

— Но я же только что объявил, что выбрал этот день!

— Я слышал. Ну и что же?

Матаоа посмотрел Тотай в глаза. Гнев уже охватил его.

— Ты это делаешь нарочно?

— Что делаю?

— Назначаешь этот день.

Тотаи призвал Пунуа в свидетели:

— Пунуа, я не говорил тебе по дороге сюда, что спущу катер в субботу?

— Это правда, — подтвердил Пунуа, — ты сказал: «Я думаю, это будет в субботу».

— Ну вот, — живо возразил Матаоа, — сказать: «Я думаю» — это совсем не то, что сказать: «Это будет». Не так ли?

Но Матаоа тотчас осознал свою ошибку: он вступил в пререкания. Вождь заметил выражение неловкости на лицах членов совета и прекратил разговор. Он понял, какую шутку хотел сыграть с ним Тотаи.

Со времени доставки моторов на Арутаки Тотаи все время осведомлялся о том, как двигается постройка катера Матаоа.

Планы его были ясны Матаоа: Тотаи хотел заранее узнать день, выбранный вождем для спуска катера, и спустить на воду свой катер на два или на три дня раньше. И тогда торжественная церемония, затеянная Матаоа, утратила бы весь свой блеск. Но Матаоа вместе с Ириа и еще одним помощником трудился последние дни не покладая рук, чтобы на сегодняшнем собрании совета назначить церемонию на субботу.

Это несколько расстроило планы Тотаи, который твердо рассчитывал, что катер Матаоа будет готов лишь в середине будущей недели. Сейчас Тотаи пришлось быстро принять решение, но, по сути дела, разве он к этому не был готов? Фраза, которую он бросил Пунуа: «Я думаю, это будет в субботу», оставляла ему полную свободу действий после того, как он узнал о намерениях Матаоа. Он мог, например, заявить, что предполагал спустить катер в субботу, но, поскольку обстоятельства изменились, перенес спуск на другой день. В любом случае он постарался бы опередить Матаоа. Почувствовав, что не успевает к сроку, он нанял бы двух или трех помощников и таким образом ускорил бы постройку.

Матаоа не сомневался, что прав в своих рассуждениях, иначе Тотаи уступил бы вождю. Но у того была совсем иная цель. Как же поступить Матаоа? Попросить Тотаи отложить спуск катера? Или объявить, что, раз

дело приняло такой оборот, он назначает торжество на четверг, на два дня раньше Тотаи? Нет, лучше уж сжечь катер и выбросить мотор в море. Радость Матаоа была отравлена. Однако он сделал над собой усилие и спокойным голосом обратился к совету:

— Будет так, как я сказал: я спущу катер в субботу. Пусть все приходят.

Затем так же спокойно он сказал Тотаи:

— Делай как знаешь.

Матаоа поклонился собранию и вошел в дом.

* * *

Чем ближе была суббота, тем большее волнение охватывало жителей Арутаки. Мнения разделились, всюду вспыхивали споры. Хотя многие уговаривали Тотаи во избежание осложнений изменить дату спуска катера, он отказался. Что можно было ему возразить, когда он говорил:

— Разве я не имею права построить катер и спустить его на воду, когда мне заблагорассудится? Сказал ведь я Пунуа, что это будет в субботу, еще до того, как Матаоа сообщил о своем решении. Пусть он меняет день, а не я!

С другой стороны, Тотаи знал, что Матаоа строит катер и на днях закончит работу. Было бы, пожалуй, правильнее, если бы он нашел общий язык с вождем и они договорились, что спустят катера на воду с интервалом в два-три месяца. Но кто тогда имел бы преимущество? Матаоа, потому что он вождь, или тот, кто раньше кончит строительство? А если они закончили строительство примерно в одно и то же время, что тогда? Вот так история!

Старики обвиняли Тотаи. Даже если он действовал без злого умысла — а в это трудно было поверить, — Тотаи, как истому туамотуанцу, не следовало проявлять подобную непочтительность к вождю. Люди помоложе считали, что, поскольку речь идет не об общественном деле, положение Матаоа не может влиять на решение вопроса. Он строил катер для себя, Тотаи тоже. Разве не так? Доводы обеих сторон взвешивались и обсуждались теми, кто пребывал в нерешительности — таких было большинство — и не знал, чью сторону принять. Однако

всех занимал вопрос: что делать в субботу утром? Оба катера имели одинаковую длину (семь метров) и почти одну и ту же конструкцию. Население атолла еще не видело таких красавцев. Оба катера были достойны торжественной церемонии, которую никому не хотелось пропустить. Но как присутствовать на двух торжествах одновременно? Сначала все соберутся... Затем благословение... Речи... Спуск катера на воду... Все это займет целое утро и в одном месте и в другом.

Больше всех был озабочен проповедник Муруа. Ему предстояло председательствовать на обеих церемониях, дать благословение и положить начало торжественным речам. Муруа хотел воспользоваться случаем и напомнить Матаоа и Тотаи, что прежде всего они мормоны. Ни один, ни другой не проявляли особого религиозного рвения. На собраниях мормонов они не задавали вопросов и не делали ничего, что позволило бы Муруа думать, что они пришли не только из вежливости. После спуска катера проповедник сможет произнести одну из своих пламенных речей, которые навсегда остаются в памяти слушателей. Среди присутствующих будут в основном католики и протестанты. Он призван завоевать их души. Проповедник очень любил выступать. В своей вере он черпал вдохновение для незабываемых слов.

Проповедник, красивый мужчина с мягкими, но решительными манерами, гордился своей высокой миссией и желал быть духовным наставником всего населения Арутаки. К сожалению, в своем большинстве жители атолла не внимали его призывам. Но в субботу люди волей-неволей выслушают его речь. Однако глупое упрямство Тотаи и Матаоа могло все испортить.

Заседание совета семи в составе пяти членов, состоявшееся без ведома Матаоа и Тотаи, подходило к концу. Мнение Тотаи на этот счет было известно, и, кроме того, было решено не приглашать на совещание Пунуа, так как по правилам на заседании полагалось присутствовать нечетному количеству членов, чтобы вопросы решались большинством хотя бы в один голос. Предупредив Пунуа о своем намерении спустить катер в субботу, То-

таи делал его своим возможным союзником, и, таким образом, в присутствии шести членов совет рисковал не решить этот вопрос. Но когда же собраться еще раз, если завтра суббота!

Однако в конце обсуждения выяснилось, что эта предосторожность была излишней: все члены совета проявили полное единодушие в том, какие меры следовало принять. Они направились к хижине Матаоа.

— Не мудро ли это? — заключил Тетороа, изложив Матаоа принятое советом решение.

— Не знаю, дайте мне подумать, — сказал Матаоа.

Тетороа посмотрел на членов совета и прочел на их лицах решимость проявить твердость.

— Нет, Матаоа, у тебя нет времени на размышления, дело должно быть улажено немедленно. Ты сам хорошо это знаешь. Разве не так? — прибавил он более мягким тоном.

— А если Тотаи откажется? — спросил Матаоа.

— Он не откажется, если согласишься ты.

— А если все же откажется?

— Тогда мы не будем присутствовать при спуске его катера.

— В самом деле?

— Это решено, — торжественно подтвердил Тетороа.

— Тогда я согласен.

Тетороа крепко пожал руку Матаоа. На лицах остальных членов совета было написано удовлетворение: не напрасно они зывали к мудрости Матаоа. Жители Арутаки не ошиблись в выборе вождя.

Решение, принятое советом, было настолько просто, что оставалось удивляться, как это оно раньше не пришло никому в голову. Матаоа и Тотаи упорно желали спустить свои катера в один день, так почему бы им не сделать это совместно? Состоится одна церемония, вот и все! Ведь Матаоа и Тотаи, несмотря на некоторое различие к своей религии, оба были мормонами. Их катера, установленные рядом на наклонном помосте, коснутся воды в одно и то же мгновение. Таким образом дело уладится ко всеобщему удовольствию, а церемония приобретет еще более торжественный характер. И люди будут довольны и растроганы, видя, что в конце концов добрые чувства и мудрость взяли верх.

Оживленно переговариваясь, члены совета семи направились к хижине Тотаи, совершенно не предполагая, что встретят с его стороны сопротивление.

* * *

По мере того как Тетороа излагал Тотаи мнение совета, лицо последнего принимало все более замкнутое выражение. Как только Тетороа кончил говорить, он поднялся:

— Я не согласен!

Тетороа посмотрел на него с удивлением:

— Но ты не можешь отказаться, Тотаи.

— Почему это не могу? — взорвался Тотаи. — Есть ли закон, лишаящий туамотуанца права спустить на воду судно в любой день? Скажи мне тогда, кто издал этот закон, — может, Матаоа?

В запальчивости Тотаи потерял всякое чувство меры. Тетороа был оскорблен и лично, и как старший член совета. Он тоже поднялся и, пристально глядя на Тотаи, произнес:

— Слушай хорошенько! Мы все хорошо тебя знаем и ни для кого не секрет, что ты способен и на дружбу, и на добрые чувства, так как в глубине души ты неплохой человек. Но смири свою гордость, Тотаи, и не завтра, не через час, а сейчас же. Если же ты этого не сделаешь, то рискуешь потерять наше уважение и стать поино, достойным сожаления. Слушай еще, Тотаи! Прежде чем явиться сюда, мы договорились, что не будем присутствовать при спуске твоего катера, если ты не проявишь благоразумия и станешь упорствовать. Но, сказать по правде, никто из нас не думал, что нам придется прибегнуть к подобной угрозе, чтобы вразумить тебя. Теперь я вижу, что даже этого недостаточно! Поэтому имей в виду: если ты будешь упрячиться, тебе придется покинуть совет.

Тетороа повернулся к своим молчаливым серьезным спутникам:

— А если остальные не согласятся с твоим исключением, тогда я подам в отставку.

Никогда еще не видели Тетороа таким. Глаза его покраснели от волнения, он еле сдерживал свой гнев. Но все понимали, что Тетороа был прав в своем возмущении.

Каждый член совета чувствовал, что теперь сказано все. Дальнейшие уговоры были бы унижительны для достоинства совета, который они представляли.

Ошеломленный Тотай опустил глаза. Ни одного человека он не любил и не уважал так, как Тетороа, который был старше его на десять лет. Если даже Тетороа против него, ему ничего не остается, как признать себя побежденным. Приняв такое решение, Тотай сразу почувствовал облегчение. Он поднял голову.

— Не нужно меня исключать из совета, когда я захочу из него выйти, я сам сообщу вам об этом.

Тетороа и остальные переглянулись: что имел в виду Тотай? Все были приятно удивлены его спокойным, миролюбивым тоном.

— Что вы на меня так уставились! Можно подумать, что вы увидели по крайней мере летающую черепаху! Вы хотите, чтобы мы с Матаоа спустили наши катера вместе? Пожалуйста! Как вы решили, так и будет.

Спуск катеров

Хотя собравшиеся добросовестно старались сосредоточиться, речь Муруа начинала казаться им слишком длинной. Люди вертели головами, переглядывались, поднимали брови. На лицах было написано: если все будут испытывать наше терпение, как Муруа, ничего хорошего из праздника не получится. Ведь мы не в церкви и не в часовне, чтобы нам читали проповедь!

Зато благословение было простым и торжественным. Даже дети выслушали его молча и не шевелясь. Фигура проповедника на фоне двух катеров, украшенных цветами и флагами, так же как легкий помост, на котором они стояли, производили сильное впечатление.

Муруа действительно выглядел красиво в белоснежном костюме из накрахмаленного полотна. А голос! Настоящая музыка! Среди присутствующих не было ни одного человека, который бы не испытывал гордости и волнения при взгляде на катера, судьбу которых Муруа вручал богу. Муруа сказал, что строительство катеров свидетельствует как о процветании Арутаки, так и о мастерстве Матаоа и Тотай. Не забыл он упомянуть и о тех,

кто помогал им в работе. Но когда, закончив благословение, пастор начал речь, которой, казалось, не было конца, Матаоа почувствовал, что слова его перестали ему нравиться и вызывали лишь нетерпение и раздражение.

Хотя Муруа теперь обращался непосредственно к нему и Тотай, все, что говорил пастор, уже не имело никакого отношения к событию, ради которого все собрались. Муруа выражал сожаление по поводу того, что на Арутаки так мало мормонов, и призывал всех обратиться к этой вере, столь близкой природе туамотуанцев. Смысл его речей, хотя он высказывался не прямо, был ясен, несмотря на длинные, округлые, запутанные фразы. Невольно Матаоа посмотрел на Тотай. В тот же миг Тотай сделал то же самое. Они обменялись понимающими взглядами: то, что говорит Муруа, — просто глупость, не правда ли?.. После этого Матаоа и Тотай, очевидно, считая, что никто за ними не наблюдает, вступили в разговор, причем рты их были закрыты, а говорили глаза. Этот язык хорошо понимали все присутствующие, а так как речь Муруа всем давно надоела, то люди все свое внимание сосредоточили на беседе между Матаоа и Тотай, которая казалась им очень забавной.

— Твой катер очень красивый! — сказали глаза Матаоа.

— Он действительно недурен, но не больше, — ответил взгляд Тотай.

— Нет, он по крайней мере не менее красивый, чем мой.

— Ты это говоришь, чтобы доставить мне удовольствие, но все-таки твой катер лучше.

— Они оба хороши.

Глаза Матаоа и Тотай остановились на Муруа, затем возобновили свой диалог.

— Какой прекрасный праздник, не правда ли? — спросили глаза Матаоа.

— Да, праздник прекрасный. Но когда он кончит говорить?

Наконец Муруа умолк. Его, однако, сменил Тао, начавший свою речь с изложения истории разногласий между Матаоа и Тотай. Странная мысль — заводить разговор о прошлом споре!

Тао, видно, хотел показать, что все кончилось хорошо и бог может быть доволен. Ох уж этот Тао! Вместо того

чтобы твердить без конца, что бог не спускает глаз с каждого мужчины и каждой женщины, лучше бы он подумал о том, что всевышний смотрит на него тоже и далеко не каждый день у бога есть основания быть довольным Тао.

Затем наступила очередь Тетороа. Его было приятно слушать. То, что он хотел сказать, он выразил в нескольких коротких, ясных фразах.

Говорили и другие. Но по мере того, как поднималось солнце, слушать речи становилось все труднее. Некоторые старики, пытаясь выразить, с одной стороны, радость по поводу столь торжественного события, а с другой — сожаление об ушедших в прошлое временах парусных лодок и тишины в лагуне, путались в словах и неожиданно замолкали на середине фразы. Молодые же, наоборот, говорили, что они тоже хотели бы приобрести такие же моторные катера и соберут для этого много копры. Ну и что? Пусть собирают... Но кого, спрашивается, это могло интересовать, кроме их самих и Ах Сина? Слушать подобные заявления становилось невыносимо.

Наконец наступил долгожданный момент. Матаоа и Тотаи, каждый с бутылкой пива в руках, шагнули вперед, к своим катерам.

— Осторожно! — пошутил Тотаи. — Постарайся разбить бутылку, а не катер.

— Мой катер не разобьется, — весело ответил Матаоа, — но вот твой в опасности. Ты какую фанеру поставил?

— Пятислойную!

— Тогда давай! Спускаем оба вместе?

— Нет, ты первый.

— Ты!

— Внимание! — крикнул тогда Матаоа. — Один, два, три, бросай!

Бутылки одновременно разбились о форштевни. Все кричали и аплодировали. К каждому катеру подошли по десять человек и по отполированным каткам плавно спустили оба судна в воду.

Рыбий садок

Ах Син бросил последний взгляд на установленный Матаоа садок.

— На сколько пакетов наберется завтра рыбы? — спросил он полушутливым, полусерьезным тоном.

Матаоа молча пожал плечами. Про себя же он подумал: «Откуда я знаю? Посмотрим».

Тем не менее он, как и Ах Син, с нетерпением ждал завтрашнего дня, чтобы увидеть, сколько рыбы войдет в садок. Подумать только, в этот вечер он преспокойно ляжет на свою циновку спать, а рыба в это время будет сама ловиться!

Установка садка потребовала больше времени, чем предполагали Матаоа и Ах Син. Первый садок снесло течение, вырвав колья с прикрепленной к ним проволочной сеткой. Выбрали другое место и оградили его высокой коралловой стеной, всадив колья еще глубже. На этот раз они выдержали напор воды. Только тогда Матаоа натянул на колья сетку. Садок имел более двухсот метров в окружности. На все это сооружение вместе с длинной загородкой, вдоль которой рыба должна была идти в западню, ушло более трехсот метров сетки. Нелегкая то была работа. Теперь она завершена.

Матаоа долго не мог заснуть. Он так много думал над конструкцией садка, что без труда представлял себя рыбой, заходящей из моря в пролив. Она встречает на своем пути сетку, натянутую на колья. Что делать? Конечно, идти вдоль нее. Разве что на нее нападет большая рыба и заставит повернуть в другую сторону. Но даже в этом случае не исключена возможность, что она не изменит направления. Откуда ей знать, что проволочная стена неминуемо приведет через узкие воротца в садок, где загородка переходит в полукруг и заводит рыбу в угол, образованный прямой линией и дугой, как у половинки круглого пирога. Прямая линия и есть сетка, на которую вначале наткнулась рыба. Но теперь рыба оказалась по другую ее сторону. Безусловно, человек легко выбрался бы из ловушки, вспомнив о проходе, через который он туда попал. Даже слепой наверняка нащупал бы выход руками. Но рыба не способна думать, да и глаза у нее устроены иначе, чем у человека. Она будет плыть вдоль сетки, пока видит ее, не замечая, что в од-

ном месте загородка прерывается, образуя пустоту. В этом и заключался секрет. Внутри большого садка помещался садок поменьше, устроенный по тому же принципу. Если он окажется наполненным, то нет нужды вынимать рыбу из большого садка, лучше оставить ее до следующего раза. Для той рыбы, что скопится во внутреннем садке, хватит одного большого сачка, если только не попадется рыба необычных размеров, которую надо бить острогой. По рассказам стариков, бывали случаи, когда не только маленький, но и большой садок заполнялись до отказа.

— Что с тобой? Почему ты не спишь? — шепотом спросила Моеата.

— Что? — вздрогнул Матаоа.

— Ты без конца ворочаешься и называешь разные породы рыб. Тебе снилось что-нибудь?

— Может, я говорил со сна...

— Спи!

Пропел петух. Матаоа надел маску для ныряния. Скоро встанет солнце. Он вошел в воду и поплыл вдоль загородки путем, мысленно уже пройденным сегодня ночью. Хотя под водой было довольно темно, он, еще не достигнув прохода, увидел спящих в садке рыб. В ловушку попался целый косяк иою, косяк папай, стая татихи... Кроме того, Матаоа удалось разглядеть паихере, ааеа, тотару, тенгу-тенгу, питику, омо-омо и множество других рыб более мелких пород.

Приближаясь ко входу во второй садок, Матаоа увидел уруу, отделившуюся от косяка иою. Это была самая большая рыба уруа из всех виденных им. Он ухватился за сетку, так как быстрое течение относило его в сторону. Человек и гигантская рыба пристально смотрели друг на друга. Уруа отвела глаза от лица Матаоа и уставилась на его руки. Неожиданно она рванулась вперед, и Матаоа инстинктивно отпрянул от сетки. Ему вдруг пришла в голову мысль, что рыбу заманили в ловушку хитростью и нужно ее освободить. А разве других рыб не следовало отпустить? Ему стало жаль рыб и стыдно за себя.

Матаоа поплыл по течению и вышел из воды перед хижиной. Жанна готовила кофе. У соседей плакал ребенок. Солнце всходило. Матаоа снял маску и посмотрел

на садок. С берега, сквозь прозрачную толщу воды, уже нельзя было отличить одну рыбу от другой — все они, в том числе и громадная уруа, слились в одну плотную синеватую массу. В конце концов это всего лишь добыча, попавшая в западню. Завтра туда попадут другие рыбы, послезавтра тоже, и так изо дня в день. Матаоа никогда не будет больше охотиться на них с острогой. Вдруг он понял, почему ему так грустно. Теперь не рыбы, а он сам внушал себя жалость. Матаоа больше не ныряльщик, а владелец садка! Он постарел!

Гидросамолет

Все больше людей, особенно стариков, открыто высказывали недовольство Матаоа. Они упрекали вождя (тут не обошлось без влияния Тао) в том, что он пренебрегает древними традициями туамотуанцев, навязывая людям Арутаки образ жизни поаа. Он и сам вступил на этот ложный путь и наживаетеся, торгуя рыбой.

Подобные обвинения заставляли более разумных и терпимых людей на Арутаки лишь пожимать плечами, но даже они не знали, что сказать, когда речь заходила об установленной на атолле рации. Пока что эта радиостанция, существовавшая уже три месяца, приносила пользу лишь самому Матаоа да его компаньону Ах Сину. Неужели молодой Тетоза прошел стаж радиста в Папете, а правительство израсходовало столько средств на покупку рации только для того, чтобы можно было сообщить на Таити, что садок Матаоа полон рыбой и шхуне пора прийти за ней?

Рыбий садок оказался очень выгодным предприятием. Матаоа уже поставил Ах Сину около восьми тысяч килограммов рыбы. Не успевал Матаоа к приходу судна опорожнить садок, как он снова был полон. Запасы рыбы казались неисчерпаемыми.

Матаоа чувствовал, что в его отношениях с людьми что-то изменилось, но видел причину в своем успешном сотрудничестве с Ах Сином. Это его скорее раздражало, чем огорчало. Он был первым, кто навел людей на мысль о постройке садков. Соорудив садок, принесший ему столько прибыли, он тем самым призвал остальных по-

следовать его примеру. В чем, как не в этом, заключается роль вождя, ведущего к прогрессу? Вместо того чтобы осуждать Матаоа, лучше бы все построили себе такие же садки. Почему не использовать до конца богатства, предлагаемые морем? Не век жить копррой и перламутровыми раковинами! К тому же Матаоа и Ах Син доставляли радость жителям Таити, снабжая их любимой пищей. Что касается радиостанции, то, конечно, построили ее не для того, чтобы Тетоза день-деньской любовался ею, но кто мешает любому жителю Арутаки пользоваться ею?

И действительно, радиостанция оказалась необходимой для тяжелобольных, так как фельдшер Марии теперь мог получать по радио консультации от врача из Папезте. Но даже и в этом отношении больше всего пользы она принесла Матаоа — вернее, одному из членов его семьи. Однако на этот раз никто не осуждал вождя, а наоборот, не было человека, который бы ему не сочувствовал.

* * *

Уже несколько месяцев Ириа, сын Матаоа, жаловался на боли в животе. Они начинались неожиданно и так же неожиданно прекращались. Его часто рвало. В ожидании, пока придет судно, чтобы отвезти Ириа в Папезте, Марии предложил сделать ему курс уколов. Но после первого же укола Ириа отказался от услуг фельдшера: попасть в руки Марии еще никому не доставляло удовольствия. Помощник капитана с «Ваинианиоре» говорил, что действия фельдшера не имели даже отдаленного сходства с тем, чему того обучали на Таити. Вместо того чтобы вводить иглу быстрым и точным движением, как острогу, Марии сначала приставлял ее к коже, а потом надавливал. Прежде чем впрыснуть лекарство, фельдшер гнул или ломал не одну иголку.

Боли у Ириа между тем не только не утихали, а наоборот, стали невыносимыми. Люди даже начали думать, что Ириа обречен.

Тетоза вызвал по радио Папезте, и спустя немного времени врач был у аппарата. На Арутаки его голос был слышен так ясно, как если бы он говорил из соседней хижины. Когда врачу сказали, что у Ириа болит живот, что живот стал твердым, как дерево, тот велел обложить

его льдом из холодильника и завернуть мальчика в простыню. Потом он спросил, найдется ли на лагуне площадка по крайней мере в тысячу метров, куда бы летчик мог посадить гидросамолет, не рискуя наскочить на коралловый риф. Если такое место есть, нельзя ли в течение ближайших часов отметить его вехами?

Тетоза обернулся к Матаоа. Матаоа, казалось, ничего не слышал, погруженный в мысли о постигшем его несчастье. Однако он взял себя в руки и сказал твердым голосом:

— У нас есть такое место, в двух километрах к западу от пролива, и мы сумеем обвести его вехами меньше чем за три часа.

Все переглянулись. Не сошел ли Матаоа с ума? Действительно, такое место было, но безумие пытаться в такой короткий срок обнести его вехами. Матаоа, однако, все продумал. Лодки! Они станут на якоре двумя параллельными линиями и отметят посадочную площадку для гидросамолета. Лодок наберется достаточно. Вряд ли на Арутаки найдется хоть один человек, который отказался бы помочь в беде Матаоа. Но как стать на якорь при столь сильном течении и глубине двадцать пять саженей? А веревки на что? Если же их не хватит, то можно воспользоваться нейлоновыми шнурками от траловых сетей, которые продаются у Ах Сина.

Когда все было готово и лодки выстроились двумя линиями, на горизонте появился гидросамолет. Увидев, что он благополучно сел на воду, люди, сидевшие в лодках, были настолько взволнованы, что не смогли сдержать слез. Привезли Ириа, находившегося в бессознательном состоянии. Попаа, сидевший рядом с пилотом, сказал, что в самолете найдется место лишь для одного члена семьи: машина перегружена горючим. С Ириа полетела Моеата. Бедная женщина! Она влезла в самолет в чем была, не успев захватить с собой даже маленький узелок. Трудно было не умереть со страху, садясь в такой аппарат, но Моеата видела лишь лицо сына. Она примостилась возле него, как если бы они находились в родной хижине.

Гидросамолет заскользил по лагуне, взлетел и в несколько минут стал маленьким, как птица в небе.

На следующий день Тетоза говорил по радио с врачом из Папэте. Еще день — и Ириа умер бы... Но благодаря гидросамолету все кончилось хорошо, операция прошла благополучно, и теперь Ириа был вне опасности, разве что произойдет какое-либо неожиданное осложнение, что маловероятно. Врач добавил несколько теплых слов в адрес родителей молодого человека, сильный организм которого немало способствовал счастливому исходу. У Ириа оказался перитонит. Марии нашел описание этой болезни в медицинской книге, и все вспомнили, что на Арутаки немало людей умерло от такой же болезни.

После этого случая отношение к Матаоа изменилось. Оказался прав он, а не те, кто, подобно Тао, утверждал, что Матаоа положил конец традиционному образу жизни туамотуанцев. Что скажут эти люди, если кто-нибудь из их близких окажется в таком же положении, как Ириа? Дадут больному умереть? Правда, в данном случае речь шла о сыне вождя, но ведь врач и не спросил, кто такой Ириа. Он беспокоился лишь о спасении жизни туамотуанца и отправил бы гидросамолет за любым больным, независимо от того, чей он родственник.

Спустя некоторое время в память об этом необычайном событии была сложена песня под названием «Врач-гидросамолет».

Молодой Теоту, выделявшийся среди школьников красивым почерком, переписал песню в тетрадь с многочисленными рисунками, иллюстрирующими историю спасения Ириа. Эту тетрадь вместе с корзиной ожерелий из перламутровых раковин и панцирем черепахи на «Ваинианиоре» отправили в Папэте.

Спустя шесть недель «Ваинианиоре» доставила Моеату на Арутаки. Ириа с ней не было.

— Как Ириа? — спросил Матаоа, когда они вошли в хижину.

Моеата прикусила губу и зарыдала, не в силах выговорить ни слова. Наконец она успокоилась и вытерла слезы:

— Ириа совершенно здоров, но захотел остаться на Таити.

— Ну так что же? Когда он вернется?

— Он поступил работать в гараж и больше не вернется.

Что происходило на Арутаки до приезда министра

С момента посадки на воды лагуны гидросамолета, который взял Ириа в Папеэте, до 7 мая 1963 года, когда на атолл прибыл министр фарани в сопровождении губернатора, никаких особых событий на Арутаки не произошло.

Были сооружены три больших садка, не считая садка Матаоа. Люди оценили дальновидность вождя, положившего начало столь прибыльному делу. Благодаря продаже рыбы население менее болезненно пережило понижение цен на перламутровые раковины и копру.

В сезон шестьдесят третьего года ни один ныряльщик не отправился на Такароа. Стоимость раковин упала до ста тысяч франков за тонну. При такой цене был ли смысл подвергаться риску стать таравана? Люди предпочитали ограничиться продажей рыбы из садков и копры. Правда, цены на копру снизились до одного франка за килограмм, в то время как грузы «Ваинианиоре» — рис, сахар, соль и другие продукты — вздорожали.

«Что же происходит? — спрашивали себя люди. — То, что мы производим, падает в цене, а то, что мы покупаем, дорожает. Разве это справедливо? Если бы речь шла только о сахаре или рисе! Но ведь расходы в последнее время удвоились и даже утроились. Нужно покупать горючее для подвесных моторов и керосин для моригазов и холодильников. Да и нынешняя молодежь не согласится, как раньше, носить набедренные повязки. Девочкам подавай платья, а мальчикам синие джинсы и куртки из настоящей или искусственной кожи. Новые гитары для их тамуре-твиста стоят дороже старых, которые, по словам этих поино из нового варварского оркестра, якобы не дают нужного звучания! И так во всем. Последнее моеющее средство «Бонюкс» окончательно вытеснило голубое мыло. И не удивительно! Как могут женщины Ару-

таки, независимо от их возраста, отказать себе в удовольствии вскрыть пакет «Бонюкса», всегда содержащий какой-нибудь сюрприз! Маленький автомобиль, бельевые прищепки, браслет, зеркало, носовые платки... К тому же «Бонюкс» действительно прекрасное моющее средство и экономит хозяйкам время. Правда, в конце концов остается лишь счет от Ах Сина, ибо гораздо легче зайти в магазин и взять у китайца что тебе нужно, чем потом расплачиваться.

Когда Матаоа узнал, что губернатор Туамоту вновь отправился в служебную поездку, он решил при встрече выразить ему от имени жителей Арутаки недоумение и недовольство по поводу сложившегося положения. Губернатор объяснил Матаоа, что во всем мире перламутр заменили более дешевой пластмассой. Люди атолла очень удивились. Как можно сделать похожим на перламутр материал, который идет на ведра, бидоны или подарки «Бонюкс»? Поразительные вещи творятся на свете!

Губернатор уточнил, что речь идет об очень твердом и прочном пластмассовом материале, непохожем на тот, что они видели у Ах Сина. Но не следует отчаиваться: люди вскоре поймут разницу между настоящим перламутром, добытым со дна лагуны, и подделками, и спрос на раковины возобновится. Что касается копры, то, если цена по-прежнему будет падать, правительство изучит вопрос о предоставлении производителям дотации или само закупит копру по повышенной цене.

Чтобы успокоить население, губернатор заявил, что власти Туамоту предоставят жителям Арутаки длительный кредит на расширение и ремонт пристани.

В февраляе 1963 года «Ваинианиоре» доставила на атолл небольшой грузовичок для Ах Сина. «Неужели китаец думает нас этим удивить? — пытались шутить некоторые. — Разве у нас нет автомобилей? А подарки „Бонюкс“? Он, наверное, забыл про них». И они плевали на землю в знак презрения к Ах Сину, выставлявшему напоказ свое богатство, приобретенное, по их мнению, нечестным путем. На самом деле они просто завидовали китайцу. Ах Син по-прежнему не проявлял никакого высокомерия, а его грузовичок часто оказывался полезным.

Даже люди, порицавшие китайца, с удовольствием катались в его машине и пользовались ею для перевозки тюков, когда прибывала «Ваинианиоре».

В апреле на Муруа налетел мопед. Раны, сначала казавшиеся незначительными, загноились, проповедник был при смерти. Марии сделал больному несколько уколов пенициллина, и в конце концов тот выздоровел. Через две недели молодой Пунуа, сбивший пастора, на полной скорости врезался в таитянский тиарэ. Его нашли без сознания, засыпанного цветами, которые опали с дерева в результате удара. Вид у Пунуа был такой, что впору было нести его на кладбище. Может, и стоило отнести, уж слишком большую опасность он представлял собой на мопеде. Однако никто не желал ему зла: Пунуа был совсем не плохой парень. Но стоило ему сесть на мопед, как он становился невменяемым!

Самый прекрасный день

В конце апреля радио Таити сообщило о прибытии министра фарани. Он прилетел из Франции на самолете, который был в десять раз больше, чем гидросамолет врача, и двигался в пять раз быстрее. Встретили его праздничными шествиями, музыкой и танцами, как будто уже наступили июльские торжества.

Кто мог думать на Арутаки, что министр прибудет на Туамоту? Никто. Нетрудно представить себе, какое волнение охватило жителей атолла, когда Тетоза выскочил из дома, где находилась радиостанция, и понесся к хижине Матаоа, крича на бегу, что получено важное сообщение.

В тот же вечер собрался совет семи, а утром созвали все население. Все уже знали, о чем пойдет речь, но одно дело узнать новость от Тетоза, и другое — услышать ее из уст вождя на общем собрании.

Матаоа говорил громко, голос его немного охрип от волнения. Он сказал, что через неделю министр фарани прибудет на Арутаки. Точную дату его приезда сообщат по радио. Эту очень важную персону будут сопровождать губернатор всей Полинезии, губернатор Туамоту и еще пятьдесят чиновников и солдат. Всех их доставит военный корабль, который еще больше того, что приходил во время цунами. На землю атолла ступят более ста попаа, считая моряков. Такого еще не знал Арутаки. Будет воздвигнута арка, ведущая от пристани к площади. Каж-

дый приготовит подарки из раковин, цветов или панциря черепахи.

С завтрашнего дня следует начать подготовку к церемонии, танцам и тамаараа. Подробности будут сообщены на ближайшем собрании, завтра или послезавтра.

— Вскоре наступит самый прекрасный день в истории Арутаки! — заключил Матаоа.

Одно сильно бьющееся сердце

— Как называется эта красивая песня? — спросил министр после того, как хор девушек исполнил «Врач-гидросамолет». Губернатор Туамоту объяснил, что сын вождя был спасен от верной смерти гражданским гидросамолетом с горючим, которому после посадки на Рангироа удалось приводниться в лагуне Арутаки, а затем тем же путем вернуться на Таити. Министр посмотрел на Матаоа так тепло и дружелюбно, что Матаоа почувствовал, как сжалось его горло. Он вспомнил Ириа... Что бы он дал, лишь бы сын стоял рядом!

Жанна в белом платье отделилась от группы своих подруг в хоре и, поклонившись, как ее учили, преподнесла министру черепаху из раковин, обвитую трехцветной лентой. Министр взял черепаху, поблагодарил Жанну и расцеловал в обе щеки. Остальные подарки лежали на столе: перламутровые раковины с выгравированным рисунком, тифефе, корзины с большими раковинами, ожерельями и венками, полированные панцири черепах, позвонки китов и всякие другие вещи. Большинство девушек, преподнесших подарки, были в белых платьях, однако не все. Что было делать бедняжкам после того, как последний метр белой ткани исчез с прилавка Ах Сина, а светлые платья матерей, теток и бабушек, годные к употреблению, все до одного оказались перекроенными и перешитыми! Пришлось им смириться и надеть свои самые нарядные цветные платья. Но теперь уже никто не думал об этих мелочах, еще вчера вызывавших столько споров, волнений и даже слез. Как только на горизонте показался корабль, сердца жителей Арутаки (за исключением Тао) слились в одно сильно бьющееся сердце.

На «Вайане», ставшем на якорь в лагуне, неподалеку от пролива, осталось лишь несколько моряков. Венки и

их долю угощений им принесли прямо на корабль. Остальные сошли на берег. Более ста человек! Сразу бросалось в глаза, кто из них самый большой начальник, ошибиться было невозможно. Губернатор Полинезии — отец полинезийцев, по словам губернатора Туамоту, — оказался довольно пожилым человеком с мягкими манерами, свидетельствовавшими о доброте. Все отдавали ему дань любви и уважения, но глаза собравшихся были обращены к министру. Чувствовалось, что этот человек привык отдавать приказания и умел с первого взгляда видеть все, что нужно. Даже улыбаясь, тактично проявляя интерес к тому или иному человеку, он продолжал думать о чем-то своем.

После обхода деревни и показа министру садков для рыб все вернулись на площадь, где должно было состояться вручение наград.

Матаоа, шесть членов совета и совсем старый Тетока, с опасностью для жизни спасший когда-то ребенка, выстроились под ветвями тоу. Матаоа первым получил из рук министра знак отличия. Министр сам пришил булавкой знак к одежде вождя и обнял его. У Матаоа покраснели глаза, но он сумел овладеть собой в отличие от остальных членов совета, которые не могли сдержать слез. Наконец пришла очередь старого Тетока. После того как министр обнял его, тот опустил глаза на медаль, украсившую отворот его белой куртки, и спросил:

— Подарок «Бонюкс»?

Это награда-то, полученная из рук министра, подарок «Бонюкс!» Ну и Тетока! К счастью, взглянув на него, министр понял, что перед ним старый поино, какие несомненно есть повсюду, а не только на Арутаки, и решил отнестись к этой истории с улыбкой.

* * *

Случай с Тетока был единственным происшествием, несколько нарушившим гармонию самого прекрасного дня в истории Арутаки. Песни, речи, танцы, тамаараа — все удалось даже лучше, чем можно было ожидать. Когда же после полудня наступил час расставания, все увидели, что попаа взволнованы не меньше туамотуанцев.

Прежде чем сесть в подошедший вельбот, министр огляделся вокруг и обратился к губернатору Туамоту:

— Вы оказались правы. Эти острова таят в себе неизъяснимое очарование.

Затем, обернувшись к Матаоа и членам совета, он произнес:

— Я должен уехать, но часть моего сердца остается у вас.

Когда вельбот с министром исчез за горизонтом, все молча разошлись по домам.

ЭПИЛОГ

13 ноября того же года «Вайан» вернулся на Арутаки и доставил губернатора Туамоту и начальника какой-то технической комиссии.

Удобное географическое положение решило судьбу атолла. Остров был избран для проведения эксперимента огромного научного и военного значения. Администрация будущей атомной базы обязалась при наборе служащих оказывать предпочтение жителям Арутаки.

7 марта 1964 года начались работы по строительству базы. Они закончились в апреле 1966 года. Как обещала администрация базы, население Арутаки было вознаграждено за убытки и переселено согласно желанию каждой семьи.

15 августа 1966 года взрыв атомной бомбы уничтожил атолл Арутаки.

Начато на Рангириа (Туамоту) в сентябре 1964 года, закончено в Тиве (остров Тахаа) в июне 1965 года.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Имя Бернара Горского мало известно нашим читателям. Вероятно, лишь немногие помнят небольшой очерк «Остров на краю света», опубликованный в журнале «Вокруг света» в 1967 году. Между тем у себя на родине, во Франции, Горский пользуется значительной популярностью среди любителей географической литературы. Его перу принадлежат повести и путевые очерки: «Молчаливые джунгли», «Экспедиция Моана», «Десять метров под поверхностью моря», «Последний остров» и, наконец, «Атолл (Жизнь и смерть одного тихоокеанского острова)», с которым вы сейчас познакомились. Это роман или, точнее, повесть о людях крошечного кораллового островка, расположенного в Тихом океане, недалеко от Таити. Горский называет его Арутаки. Атолла с таким названием нет среди почти восьмидесяти островов, образующих архипелаг Туамоту, где в основном происходит действие повести. Вымышлены и ее персонажи, но от этого ни сам атолл, ни его жители не становятся менее типичными. Автор хорошо знает то, о чем он пишет. И не только знает, но и любит. Свое произведение он создавал, живя на одном из атоллов архипелага Туамоту. Благодаря этому и природа островного мира, и его обитатели кажутся живыми и близкими, хотя их отделяют от нас не только тысячи километров пути, но и создававшиеся веками различия в обычаях и культуре. До сих пор традиционная культура сохраняется здесь в большей степени, чем на большинстве других островов Полинезии.

Это не случайно. Архипелаг Туамоту состоит из множества крошечных коралловых островков со скудной растительностью, гораздо более бедной, чем на островах вулканического происхождения: Таити, Хуахине, Маркизских... Бедны коралловые острова и другими природными ресурсами. Как писал Г. Мелвилл, побывавший в этих местах в начале сороковых годов XIX века: «Насколько мне известно, на архипелаге Паумоту (то же, что Туамоту. — Л. Ф.) хлебные деревья встречаются лишь в незначительном количестве. Во многих местах не растут даже кокосовые пальмы, хотя в других они широко распространены. В соответствии с этим некоторые из островов совершенно необитаемы, другие могут прокормить лишь одну семью; ни один из них не имеет многочисленного населения»*.

Поэтому архипелаг Туамоту долгое время оставался в стороне

* Г. Мелвилл, Ому, М., 1960, стр. 60.

от борьбы империалистических держав за колониальные владения в Океании, хотя он был открыт португальцами еще в начале XVII века. В начале XIX века население архипелага попало под власть таитянских королей. Почти в то же время здесь появились сначала протестантские, позднее католические миссионеры, а вслед за ними проповедники из секты мормонов.

С 1840-х годов Таити вместе с Туамоту, Гамбье и другими соседними островами и архипелагами стал протекторатом, а с 1880 года — колонией Франции, образован так называемые Французские владения в Океании. При этом архипелаг Туамоту был объявлен полузаповедной территорией, куда был ограничен доступ иностранцев. Сделать это было несложно, так как они туда не особенно стремились. Как отмечает Б. Даниельссон в книге, посвященной атоллу Рароиа архипелага Туамоту: «Изолированность с самого начала охраняла остров от назойливых чужестранцев. Полчища бесцеремонных авантюристов, торговцев оружием и водкой, любителей наживы, со всех концов света устремлявшихся в прошлом веке в Полинезию, предпочитали, естественно, искать счастья на богатых, плодородных островах вроде Таити, Самоа и Гавайских. На жалкие атоллы Туамоту они смотрели с презрением. Разве что наиболее предприимчивые из них посещали прославленные места добычи жемчуга в надежде быстро разбогатеть, но никому не приходило в голову поселиться на Туамоту»*. В результате на всем архипелаге лишь несколько плантаций принадлежит иностранцам.

В отличие от коренных жителей большинства островов Полинезии туамотуанцы не лишились своих земель. Участки у них, правда, микроскопические. Так, участок в два гектара, засаженный кокосовыми пальмами, считается очень большим. Зато безземельных нет. По переписи 1951 года, из 6566 жителей Туамоту 6535 человек числились самостоятельными хозяевами, 21 человек — рабочими и служащими и 10 — нанимателями**. С тех пор коренное население архипелага увеличилось примерно до 7000 человек***, но по-прежнему на островах господствует мелкотоварное хозяйство. Отсутствие значительного имущественного расслоения способствовало сохранению многих старых патриархальных отношений у жителей Туамоту. Вместе с тем новое все больше вторгается в жизнь туамотуанцев.

Действие повести «Атолл» начинается в 1924 году, когда рождается ее герой Матаоа, сын знаменитого ныряльщика за перламутровыми раковинами Мато. Затем автор детально прослеживает жизнь своего героя на протяжении почти сорока лет — до конца 1963 года. Матаоа растет, и одновременно меняется окружающий его мир.

В сравнительно недалеком прошлом, еще в XIX веке, туамотуанцы, как и обитатели других удаленных от европейской цивилизации уголков земного шара, например дебрей Новой Гвинеи, амазонских лесов, арктических тундр Канады, жили первобытнообщинным строем. Земля была общей собственностью, коллективно потреблялась и продукция земледелия, охоты, рыболовства. Матаоа уже не застал на Туамоту подобных отношений. Общинное землевладение

* Б. Даниельссон, Счастливый остров, М., 1962, стр. 61.

** «Народы Австралии и Океании», М., 1956, стр. 676.

*** П. И. Пучков, Население Океании, М., 1967, стр. 233.

было разрушено французскими колонизаторами и сменилось частным. Добыча перламутровых раковин и сбор кокосовых орехов для приезжих торговцев познакомили островитян с денежной экономикой, с отношениями купли-продажи.

В годы детства и юности Матаоа его соотечественники уже не делились друг с другом пойманной рыбой безвозмездно. В книге рассказывается, как во время сбора раковин подростки продавали рыбу ныряльщикам, которым некогда было самим заниматься рыбной ловлей; как старый Моссиу, дед Матаоа, разрешал юношам собирать кокосовые орехи на своей земле за арендную плату в половину урожая. Сохранялась еще традиция во время еды приглашать всех проходящих мимо для совместной трапезы, но уже вошло в обычай отказываться от такого приглашения. В широкий обиход вошли деньги, но не было еще умения ими распоряжаться. Многие примеры этого вы найдете на страницах романа Горского. Читая его, мы видим, как все больше уходит в прошлое мир старых традиций, старых вещей, изготовленных самими островитянами. На смену им на острова Туамоту приходят чужие вещи, чужие обычаи и нравы.

В рассказе о судьбе поколения, стоящего на рубеже двух эпох (самобытной культуры и европеизации), — главное познавательное содержание книги Горского. Но, на наш взгляд, автор идеализирует судьбу этого переходного поколения туамотуанцев. Колониальные администраторы предстают в его изображении как добрые и заботливые родители, а туамотуанцы — как любящие дети. Даже рассказывая в эпилоге о решении Франции провести атомные испытания на атолле Арутаки, испытания, которые должны уничтожить атолл и лишить его жителей родины, Горский не находит ни слова осуждения этому решению.

Как известно, Франция и на самом деле создала атомный полигон и провела в 1966 году атомные испытания на атолле Муруроа в архипелаге Туамоту. Но они вызвали большие протесты коренного населения. Да и вообще отношения полинезийцев с Францией развиваются совсем не так гладко, как можно представить из книги Горского.

После второй мировой войны во Французской Полинезии возникло сильное антиколониальное движение, объединившееся в Демократическую ассоциацию народа Таити. В 1957 году его сторонники, борющиеся за независимость своей родины, получили большинство мест в территориальной ассамблее Французской Полинезии. Лидер этого движения Пуаванаа-а-Оопа стал в 1958 году ее премьер-министром. Но вскоре он был арестован французскими властями и приговорен к восьми годам тюрьмы и пятнадцати годам ссылки по обвинению в подстрекательстве к мятежу. А в 1963 году Демократическая ассоциация народа Таити была запрещена за то, что она выступала против ввода на Таити и Туамоту французских войск для подготовки атомных испытаний*.

Несмотря на репрессии колониальных властей, и сейчас большинство мест в территориальной ассамблее имеют сторонники самоуправления Французской Полинезии. В конце 1968 года им удалось добиться возвращения на Таити Пуаванаа-а-Оопа, несколько ранее амнистированного французскими властями, а в январе 1969 года произошла смена губернатора Французской Полинезии. На родину от-

* «Pacific Islands Monthly», January 1969, стр. 24.

был Жан Сикурани, гот самый, при котором были начаты атомные испытания на Туамоту и который в своих речах постоянно говорил об экономической выгодности этих испытаний для коренного населения, так как для их подготовки требуется много рабочих рук. Перед отъездом из Французской Полинезии Сикурани заявил, что самоуправление — «это единственная опасность, которая угрожает этой подлинно счастливой стране»*. Однако население Французской Полинезии не разделяет взглядов экс-губернатора. В июне 1969 года на выборах президента Франции оно отдало свои голоса не Помпиду, как это сделало большинство французов, а Поэру, так как Поэр обещал в случае избрания его президентом прекратить атомные испытания в Полинезии, отозвать оттуда войска и предоставить этой территории самоуправление. Полинезийцы показали, что они не хотят, чтобы экономическое процветание их островов основывалось на военном бизнесе**.

В книге Горского нет даже намеков на противоречия между коренным населением и французской администрацией. В какой-то степени это понятно, потому что автор пишет не о Таити, а о маленьком атолле, где политическое самосознание вызревает гораздо медленнее. Сказывается и стремление к идеализации роли Франции в Полинезии. Тем не менее, несмотря на этот существенный недостаток, книга читается не только с интересом, но и с пользой.

Люди еще одного удаленного уголка земли становятся нашими добрыми знакомыми, и за это мы благодарны автору.

* «Pacific Islands Monthly», February 1969, стр. 35, 159.

** «Pacific Islands Monthly», July 1969, стр. 32.

ОГЛАВЛЕНИЕ

К сведению читателей	3
--------------------------------	---

Книга первая

Глава первая. Рождение	4
Китайский торговец	7
Рыбная ловля Мато	11
Тамаараа	15
Глава вторая. Махоу Виктор	19
Глава третья. Жизнь на Арутаки	22
Глава четвертая. Матаоа	35
Обрезание	52
Глава пятая. Проект кооператива	56
Неотвратимая беда	60
Отрочество	62
Проклятый Амбруаз	69
Тяжелые времена	74
Амбруаз торжествует	77
Глава шестая. В секторе	84
Возвращение в деревню	90
Посвящение	93
Глава седьмая. Отъезд Мато и Техины на Хикуэру	100
Мато — таравана	108

Книга вторая

Глава восьмая. Сколько изменений!	111
Папуи	113
Викторина уезжает	116
Глава девятая. Из-за Тавины	120
Техина противится Матаоа	125
Глава десятая. Тапуни	128
Глава одиннадцатая. Жертвы кораблекрушения	139
Преступление Лестера	150
Попаа на Арутаки	152

Книга третья

Глава двенадцатая. Падение цен на копру	156
Тренировка	158
Двадцать семь саженей	161
Глава тринадцатая. На Такароа	165
В деревне ныряльщиков	168
Продажа раковин	171
Черная жемчужина	173
Таравана	176
Мутон—«умара»	182
Десятая часть — богу	184
Итак, ты рекордсмен!	186
Глава четырнадцатая. Матаоа гуляет	193
В Палеэте	194
Июльские празднества	200
Возвращение	205

Книга четвертая

Глава пятнадцатая. Цунами	207
Две волны	211

Книга пятая

Глава шестнадцатая. Конец Арутаки	215
Жанна	219
Проект рыбьего садка	221
Один мужчина убит, двое ранены, одна девушка изувечена	226
Ну и Ах Син!	227
Два катера	229
Спуск катеров	236
Рыбий садок	239
Гидросамолет	241
Что происходило на Арутаки до приезда министра	245
Самый прекрасный день	247
Одно сильно бьющееся сердце	248
Эпилог	250
Послесловие	251

Бернар Горский

А Т О Л Л

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ТИХООКЕАНСКОГО ОСТРОВА

*Утверждено к печати
Секцией восточной литературы РИСО
Академии наук СССР*

Редактор *Р. М. Солодовник*
Художник *В. Варлашин*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *Н. А. Суровцова*
Корректор *Г. В. Стругова*

*

Сдано в набор 2/XII 1969 г. Подписано к печати 13/IV 1970 г. Формат 84×108¹/₃₂.
Бум. № 2. Печ. л. 8,0. Усл. п. л. 13,44. Уч.-изд. л. 13,08. Тираж 30 000 экз.
Изд. № 2463. Заказ № 958. Цена 75 коп.

*

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Типография № 1 Мосгорисполкома. Москва, ул. Макаренко, д. 5/16

Цена 75 коп.